

Фундаментальная психология

Д.А. Леонтьев

**ПСИХОЛОГИЯ
СМЫСЛА**

Дмитрий Леонтьев

**Психология смысла: природа,
строение и динамика
смысловой реальности**

НПФ «Смысл»

1999,2019

УДК 159.9
ББК 88

Леонтьев Д. А.

Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев — НПФ «Смысл», 1999,2019

ISBN 978-5-89357-385-5

Монография посвящена всестороннему теоретическому анализу смысловой реальности: аспектов проблемы смысла, форм его существования в отношениях человека с миром, в сознании и деятельности человека, в структуре личности, в межличностном взаимодействии, в артефактах культуры и искусства. Адресуется психологам и представителям смежных дисциплин.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-89357-385-5

© Леонтьев Д. А., 1999,2019

© НПФ «Смысл», 1999,2019

Содержание

Введение	6
Предисловие к четвертому изданию	10
Глава 1	11
1.1. Понятие смысла в гуманитарных науках	11
1.2. Подходы к пониманию смысла в психологии	23
1.2.1. Предыстория смысла как объяснительного понятия в психологии: ранние психодинамические теории личности	23
1.2.2. Смысл как интегративная основа личности	28
1.2.3. Смысл как структурный элемент сознания и деятельности	38
1.3. Понимание и изучение смысла в деятельностном подходе	56
1.4. Заключение по главе 1	73
Глава 2	74
2.1. Грани смысла: онтологический, феноменологический и деятельностный аспекты анализа смысловой реальности	74
2.2. Онтологический аспект смысла: смысл в контексте жизненных отношений	79
2.3. Общее представление о смысловых структурах и смысловой сфере личности	86
2.4. Пути и механизмы порождения смыслов	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Дмитрий Леонтьев
Психология смысла: природа, строение
и динамика смысловой реальности

Серия «Фундаментальная психология»

Рецензенты:

д-р психол. наук, проф., чл. – кор. РАО *Б.С.Братусь*

д-р психол. наук, проф., чл. – кор. РАО *В.А.Иванников*

д-р психол. наук, проф., чл. – кор. РАО *В.Ф.Петренко*

д-р психол. наук *И.А.Васильев*

Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 4-е изд.,
испр. и доп. – М.: Смысл, 2019

© Д.А. Леонтьев, 1999, 2019

© Издательство «Смысл», 1999

Введение

Проблема смысла... – это последнее аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике, так же как понятие личности венчает всю систему психологии.

А. Н. Леонтьев

В последние два десятилетия психология переживает кризис своих методологических оснований, связанный с очередным размыванием не только границ ее предмета, но и границ науки и представлений о науке вообще, с разрушением основополагающих и в предыдущий период весьма четких бинарных оппозиций «житейская психология – научная психология», «академическая психология – прикладная психология», «гуманистическая психология – механистическая психология», «глубинная психология – вершинная психология», а также концептуальных оппозиций «аффект – интеллект», «сознание – бессознательное», «познание – действие» и т. п. Активизировалась работа по методологическому осмыслению оснований психологии и построению нового ее образа, что в российской психологии выразилось в первую очередь в возрождении принадлежащей Л.С.Выготскому идеи «неклассической психологии» (Эльконин, 1989; Асмолов, 1996 б; Дорфман, 1997; и др.) или «органической психологии» (Зинченко, 1997), а в западной – в обсуждении идеи «постмодернистской психологии» (например: Shotter, 1990). Неклассическая психология еще не получила четкого определения; это скорее идея, чем конкретная теория. Можно, однако, обозначить общий вектор движения от классической психологии к неклассической: от статического представления о человеке к динамическому и от изучения его в виде изолированного «препарата» к осознанию его неразрывной связи с миром, в котором протекает его жизнедеятельность.

Неслучаен в этом контексте интерес к понятию смысла многих ученых, как у нас в стране, так и за рубежом. Это понятие пришло в психологию из философии и наук о языке и до сих пор не вошло в основной тезаурус психологии личности, если не считать отдельных научных школ; вместе с тем интерес к нему нарастает, растет и частота использования этого понятия в самых разных контекстах и в рамках различных теоретических и методологических подходов. В отечественной психологии понятие личностного смысла, введенное А.Н.Леонтьевым еще в 1940-е годы, уже давно и продуктивно используется в качестве одного из основных объяснительных понятий, причем не только в психологии, но и в смежных научных дисциплинах. Неслучайно это понятие получило столь широкое признание именно у нас в стране – ведь в российской культуре, российском сознании поиск смысла всегда являлся главной ценностной ориентацией. Менее известно, что понятие смысла стало в последние десятилетия популярным и на Западе – оно занимает весьма важное место в лого-терапии В.Франкла, психологии личностных конструктов Дж. Келли, этогеническом подходе Р.Харре, феноменологической психотерапии Ю.Джендлина, теории поведенческой динамики Ж.Нюттена и других подходах, несмотря на трудность адекватного перевода этого понятия на английский и многие другие языки. Редким исключением является немецкий, и закономерно, что раньше всего это понятие появилось в философии, психологии и науках о языке именно у немецкоязычных (Г.Фреге, Э.Гуссерль, В.Дильтей, Э.Шпрангер, З.Фрейд, А.Адлер, К.Юнг, М.Вебер, В.Франкл) и русскоязычных (Г.Г.Шпет, М.М.Бахтин, Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев) авторов.

Интерес к понятию смысла вызван, на наш взгляд, тем фактом, хоть и еще неотрафлексированным, что это понятие, как показывает со всей отчетливостью даже беглый взгляд на практику его употребления, позволяет преодолеть перечисленные выше бинарные оппозиции. Это становится возможным благодаря тому, что понятие смысла оказывается «своим» и для житейской и для научной психологии; и для академической и для прикладной; и для глубинной

и для вершинной; и для механистической и для гуманистической. Более того, оно соотносимо и с объективной, и с субъективной, и с интерсубъективной (групповой, коммуникативной) реальностью, а также находится на пересечении деятельности, сознания и личности, связывая между собой все три фундаментальные психологические категории. Тем самым понятие смысла может претендовать на новый, более высокий методологический статус, на роль центрального понятия в новой, неклассической или постмодернистской психологии, психологии «изменяющейся личности в изменяющемся мире» (Асмоллов, 1990, с. 365).

Столь широкие возможности, однако, порождают и трудности в работе с этим понятием. Его многочисленные определения зачастую несовместимы. Сам смысл имеет, если воспользоваться популярной в последнее время метафорой, природу Протея – он изменчив, текуч, многолик, не фиксирован в своих границах. Отсюда немалые трудности в понимании этого явления, разночтения в определениях, нечеткости в операционализации... Когда автор этой книги, еще будучи студентом факультета психологии МГУ, заинтересовался проблемой смысла (примерно в 1979–1980 годах), большая группа преподавателей и сотрудников факультета – прямых учеников А.Н.Леонтьева – активно и с большим энтузиазмом занималась разработкой этой проблемы. Их число сейчас уменьшилось. Из тех, кто внес в этот период основной вклад в разработку этого понятия, одних уже нет с нами (Б.В.Зейгарник, Е.Ю.Артемьева), другие достаточно резко сменили свою проблематику и область исследований (В.В.Столин, А.У.Хараш), третьи, разочаровавшись в понятии смысла, фактически отказались от него (В.К.Вилюнас, Е.В.Субботский), четвертые не отказались, но впоследствии направили свои непосредственные научные изыскания на другие, хоть и близкие проблемы (А.Г.Асмоллов, Е.Е.Насиновская, В.А.Петровский). Вместе с тем отнюдь не ощущается снижение интереса к этому понятию (скорее наоборот) среди психологов всех школ и направлений.

Разработка общепсихологических представлений о смысловом измерении человеческого бытия ведется автором этой книги с начала 1980-х годов. Основной задачей (можно сказать, сверхзадачей) было собрать цельную картину смысловой реальности из завораживающих кусочков мозаики, образованной имеющимися идеями и публикациями по этой теме. Первым промежуточным результатом стала кандидатская диссертация «Структурная организация смысловой сферы личности», защищенная нами в 1988 году. В ней была предложена классификация смысловых структур и модель структуры личности, основанная на общем понимании смысловых структур личности как превращенной формы жизненных отношений. Мы разработали также концепцию смысловой регуляции жизнедеятельности, показав специфические функции в этой регуляции различных смысловых структур. Этот промежуточный результат соответствовал первой из трех выделенных Н.А.Бернштейном (1966, с. 323–324) стадий развития любых теоретических представлений – стадии объединения и логического упорядочения разрозненных фактов. Мы осознавали и неизбежную ограниченность предложенной в той работе схемы. Эта ограниченность проявилась не только в том, что смысловая сфера личности рассматривалась в статическом морфологическом срезе, но и в том, что само выделение дискретных смысловых структур во многом условно. Мы не располагали другим языком описания, но сознавали, что за используемыми нами понятиями реально стоят не столько смысловые структуры, сколько смысловые процессы. Понимая отдаленность перспективы разработки процессуального языка, мы сформулировали в заключении к упомянутой диссертации и задачи на ближайшую перспективу. В их числе были: анализ условий и механизмов актуалгенетического развития и критических перестроек сложившихся смысловых структур и динамических смысловых систем; анализ интериндивидуальной трансляции смыслов, в том числе в формах материальной и духовной культуры; анализ развития смысловой сферы личности в онтогенезе, а также психологических предпосылок и механизмов аномального развития смысловой сферы; разработка методов исследования и воздействия на смысловую сферу. Решение этих задач позволило бы перейти от статичной морфологической схемы смысловой сферы личности к кон-

цепи динамической смысловой реальности, естественной формой существования которой является непрерывное движение, к концепции, имеющей предсказательную силу, что присуще второму этапу развития теории по Н.А.Бернштейну (*там же*).

Эта программа-минимум, как нам представляется, выполнена в данной работе, которая являет собой итог почти двух десятилетий научных исследований. Она посвящена решению задачи построения единой общепсихологической концепции смысла, его природы, форм существования и механизмов функционирования в структуре деятельности, сознания, личности, межличностной коммуникации и в предметно воплощенных формах. В ней мы постарались наполнить конкретным психологическим содержанием мысль А.Н.Леонтьева (1983 *a*) о том, что проблема личности образует особое психологическое измерение, иное, чем то измерение, в котором идет изучение психических процессов, а также мысль В.Франкла (*Frankl, 1979*) о смысловом измерении человека, надстраиваемом над биологическим и психологическим измерениями.

* * *

Завершая это введение словами благодарности, нельзя не перейти от академического «мы» к осознанному и «участному» (М.М.Бахтин) «я».

Я посвящаю эту книгу моему деду, Алексею Николаевичу Леонтьеву. Было бы неточным сказать «его памяти», потому что его присутствие – и прежде всего в этой работе – памятью отнюдь не ограничивается. Научная работа всегда в каком-то смысле преодолевает время – мы можем вести весьма содержательный диалог с Декартом и Спинозой, Гиппократом и Аристотелем. Я отчетливо ощущаю присутствие Алексея Николаевича в одном со мной «научном времени» и надеюсь, что моя книга внесет свой вклад в его долголетие в этом временном измерении. Он был и остается для меня образцом научной добросовестности и преданности науке.

Я всегда был жадным до знаний и старательным учеником, я учился у многих, и нелегко перечислить всех, кто повлиял на мое профессиональное становление – не только тех, с кем я общался лично, но и тех, с которыми я не встретился и не встречусь никогда. В числе последних Л.С.Выготский, М.М.Бахтин, А.Адлер, Г.Олпорт, Р.Мэй, М.К.Мамардашвили и другие Учителя. Из числа же тех, у кого я учился в традиционном смысле этого слова, хотелось бы, не принижая ничей вклад, отдельно поблагодарить двоих, влияние которых на мою работу (и не только работу) еще со студенческих лет переоценить невозможно. Александр Григорьевич Асмолов во многом способствовал возникновению и укреплению моего первого интереса к психологии личности и к проблеме смысла, постоянно давал методологические ориентиры и помогал мне решать задачу на смысл того, что я делаю. Елена Юрьевна Артемьева учила, что кроме концепции должна быть еще позиция, она ненавязчиво способствовала стиранию граней между научными изысканиями и пониманием жизни вообще, формированию у меня методического мышления.

У любого исследователя есть свой ближний референтный круг – люди, работающие рядом в проблемном поле, профессиональное взаимодействие с которыми особенно продуктивно. Полный список тех, кто своими исследованиями особенно сильно помог мне продвинуться в моих, был бы очень длинным. Я благодарен очень многим, а в особенности Б.С.Братусю, Ф.Е.Василуку, В.П.Зинченко, В.А.Иванникову, А.М.Лобку, Е.В.Эйдману. Общую композицию этой книги помогли выстроить теоретические идеи моего друга и коллеги Л.Я.Дорфмана. Я благодарен также всем тем друзьям и коллегам, которые морально поддерживали и поддерживают меня в моем прокладывании новых маршрутов на плохо изученной территории.

Отдельная благодарность – моим ученикам, студентам и аспирантам. Не только потому, что чтобы что-то понять, надо это кому-то объяснить. Без их участия мне не удалось бы в

одиночку вывести многие из теоретических идей на уровень эмпирической проверки и практического приложения. Я особенно благодарен тем из них, чей вклад также есть в этой книге: Ю.А.Васильевой, М.В.Снетковой, В.Н.Бузину, Н.В.Пилипко, М.В.Калашникову, О.Э.Калашниковой, А.П.Попогребскому, М.А.Филатовой.

Наконец, еще одна благодарность – моим близким, у которых эта работа на протяжении долгого времени отнимала изрядную часть меня и которые относились к этому настолько стойчески, насколько это было возможно.

Предисловие к четвертому изданию

Книга «Психология смысла», вышедшая 20 лет назад, до сих пор продолжает оставаться востребованной и цитируемой, давно став библиографической редкостью. Последнее, третье ее издание вышло в уже далеком 2007 году, и, несмотря на общую крайне сложную ситуацию в отечественном учебно-научном книгоиздании и доступность электронных копий, я, после многих колебаний, решился на очередное переиздание.

Мои колебания во многом были связаны еще с тем, что за прошедшие 20 лет я заметно продвинулся в собственном понимании смысла и личности в целом; во многом именно благодаря завершению в свое время этой книги мне удалось уйти от того, что в ней написано, к новым горизонтам. Возникновение на рубеже веков такого мощного направления, как позитивная психология, также привело к коренному перелому ситуации с изучением смысла: из сугубо маргинальной проблемы, какой она выглядела в конце прошлого столетия, она превратилась в абсолютно научно легитимную и даже центральную, в психологии наступил подлинный бум изучения смысла. Так что далеко не все написанное выглядит сегодня вполне актуальным.

Тем не менее эта книга достаточно монолитна и за прошедшие годы начала жить своей жизнью, отчасти независимой от автора. Еще размышляя над изданием 2007 года – менять или не менять, – я решил не трогать основной текст и лишь дополнить его тремя небольшими приложениями-постскриптами, отражающими динамику моих взглядов на смысл за прошедшие годы. В это издание, помимо более тщательного редактирования основного текста и исправления мелких ошибок и шероховатостей, были добавлены два новых постскриптума. Конечно, они отражают далеко не все развитие представлений, однако напоминают о том, что вопрос о смысле не терпит окончательных ответов.

Глава 1

Подходы к пониманию смысла в психологии и гуманитарных науках

И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на все другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл.

Н.С.Лесков

1.1. Понятие смысла в гуманитарных науках

В большинстве общих толковых, философских и лингвистических словарей смысл определяется как синоним значения. Это относится не только к русскому слову «смысл», но и к его немецкому аналогу «Sinn». В английском языке ситуация сложнее: хотя в языке существует этимологически близкое понятие «sense» (смысл), используемое, в частности, в расхожих словосочетаниях «common sense» (здравый смысл), «to make sense» (иметь смысл), тем не менее в абсолютном большинстве случаев в научном дискурсе, равно как и в обыденном языке, русские понятия «значение» и «смысл» переводятся одним и тем же словом «meaning». Французское «sens», напротив, распространено гораздо шире, чем сугубо академический термин «signification» (значение).

Этимология этого понятия также не совпадает в разных языках. Русское «смысл» означает «с мыслью». Немецкое «Sinn», как указывает М.Босс, ведет свое происхождение от древненемецкого литературного глагола «sinnan», означавшего «быть на пути к цели» (Boss, 1988, p. 115). В связи с этим Э.Крэйг замечает, что связь с интенциональной направленностью, присутствующая в слове «Sinn», теряется при переводе его на английский как «meaning» и перевод его словом «sense» был бы адекватнее (Craig, 1988, p. 95–96). С другой стороны, Дж. Ричлак со ссылкой на словари утверждает, что и слово «meaning» происходит от англосаксонских корней с семантикой «желать» и «намереваться» и является, соответственно, понятием целевой природы, обозначающим соотносительную связь между несколькими конструктами, которые он называет полюсами смысла (Rychlak, 1981, p. 7).

Исторически изначальным проблемным контекстом, в котором понятие смысла возникло как научное понятие, не совпадающее с понятием значения, было изучение понимания текстов, а первой теоретической парадигмой – герменевтика. Задача разграничения герменевтики с философией, с одной стороны, и языкознанием, с другой, очень сложна и выходит далеко за рамки данной работы; как констатировал В.Г.Кузнецов, герменевтика, гуманитарные науки и философия «...развиваются в едином историко-культурном контексте, зависят друг от друга, оказывают влияние друг на друга» (1991 а, с. 4). Герменевтика возникла как учение о толковании скрытых смыслов Священного Писания, став постепенно учением о понимании скрытых смыслов в более широком контексте и слившись в начале нашего столетия с философской мыслью в работах таких ее представителей, как В.Дильтей, Х.-Г.Гадамер и др. Поэтому, относя те или иные воззрения на проблему смысла к герменевтической традиции, мы будем пользоваться лишь чисто историческими критериями.

Пожалуй, первое значимое в нашем контексте понимание смысла мы обнаруживаем у Матиаса Флациуса Иллирийского (XVI век). Флациус предлагает разрешение одной из ведущих герменевтических дилемм, – имеет ли слово один смысл или много, – введя различие

значения и смысла: слово, выражение, текст имеют одно значение, но различные контексты могут задавать различные его смыслы. Вне контекста слово смысла не имеет; в каждом конкретном контексте смысл однозначен. Таким образом, проблема смысла сводится к проблеме контекста (*там же*, с. 25). «Герменевт, работая с различными контекстами, должен вскрывать в них единственное божественное значение и истолковывать его смысловые оттенки, внесенные в библейские тексты их авторами. Такого типа интерпретации учитывают субъективные особенности авторской позиции. Задача герменевта заключается в выявлении цели и замысла автора» (*там же*, с. 26). Понятие контекста, введенное Флациусом в концептуальный аппарат герменевтики, позволило, пожалуй, впервые разделить понятия значения и смысла как несинтонимичные.

Дальнейшее развитие проблема соотношения, точнее, различения значения и смысла текстов и речевых выражений получила в конце XIX – первой половине XX века в науках о языке – лингвистике, семиотике и логической семантике. Как мы, впрочем, увидим дальше, отождествление значения и смысла и сегодня еще отнюдь не стало достоянием истории. Употребление понятия смысла в этом контексте далеко от окончательной определенности. Существуют две принципиально различающиеся между собой традиции использования понятия «смысл». В одной из них смысл выступает как полный синоним значения; эти два понятия взаимозаменяемы. Мы не будем специально останавливаться на таких определениях. Во второй традиции понятия «смысл» и «значение» образуют более или менее выраженную концептуальную оппозицию. В свою очередь, вторая традиция также отнюдь не является однородной.

Родоначальником концептуальной оппозиции «значение – смысл» в науках о языке принято считать Готлиба Фреге. В своей классической работе столетней давности «Смысл и денотат» (Фреге, 1977, 1997) он вводит ее следующим образом: денотат, или значение текста (знака), – это та объективная реальность, которую обозначает или суждение о которой высказывает текст (знак); смысл – это способ задания денотата, характер связи между денотатом и знаком, или, выражаясь современным языком, «... информация, которую знак несет о своем денотате» (Мухомеллишвили, Шрейдер, 1997, с. 80). Текст может иметь только одно значение, но несколько смыслов, или же не иметь значения (если в реальности ему ничто не соответствует), но иметь при этом смысл. «В поэтическом употреблении достаточно того, что все имеет смысл, в научном – нельзя упускать и значений» (Фреге, 1997, с. 154–155). В текстах Фреге есть указания на связь смысла с контекстом их употребления. Все же, по мнению, в частности, Е.Д.Смирновой и П.В.Таванец (1967), Фреге не создал теории смысла. Тем не менее его работа до сих пор остается наиболее цитируемой там, где ставится вопрос разведения смысла и значения.

Приведем еще несколько подходов к соотношению значения и смысла речевых выражений. К.И.Льюис (1983), анализируя виды значения, различает языковое и смысловое значение. Языковым значением слова можно овладеть при помощи толкового словаря, сначала найдя его определение, затем определив все слова, которые в это определение входят, и т. д. То, что при этом ускользает – это смысловое значение, связанное со знанием всех вариантов правильного употребления слова в разных контекстах. М.Даммит (1987) рассматривает теорию смысла как одну из составных частей теории значения, наряду с теорией референции. Теория смысла «связывает теорию истины (или референции) с умением говорящего владеть языком, соотносит его знание суждений теории с практическими лингвистическими навыками, которые он проявляет» (*там же*, с. 144). Она должна «...не только определить, что знает говорящий, но также и то, как проявляется его знание» (*там же*, с. 201). Смысл, таким образом, определяется более широким контекстом, чем значение.

По-иному расставляются акценты в работах представителей современной французской школы анализа дискурса, в которой проблема смысла всегда находится в центре внимания, но при этом рассматривается вне традиционного для лингвистики противопоставления смысла и значения (Гийому, Мальдидье, 1999, с. 124, 132). Специфика данного подхода заключается

в анализе взаимосвязи дискурса и идеологии. Понятие дискурса выступает здесь как уточняющее идею контекста. Так, М.Пешё и К.Фукс (1999), констатируя неоднозначность связи текста с его смыслом, связывают это с тем, что текстовая последовательность привязана к той или иной дискурсной формации, благодаря которой она наделяется смыслом; возможна и привязка одновременно к нескольким дискурсным формациям, что обуславливает наличие у текста нескольких смыслов. Ж.Гийому и Д.Мальдидье (1999) утверждают, что «тексты, дискурсы, дискурсные комплексы приобретают определенный смысл только в конкретной исторической ситуации» (с. 124). Анализируя тексты эпохи Великой французской революции, авторы показали, что хотя смысл выражения далек от того, чтобы целиком определяться его внутренней структурой, как традиционно считала лингвистическая семантика, другая крайность – считать смысл полностью обусловленным извне – также себя не оправдала. Авторы формулируют сбалансированный вывод: «Смысл не задан *a priori*, он создается на каждом этапе описания; он никогда не бывает структурно завершен. Смысл берет свое начало в языке и архиве; он одновременно ограничен и открыт» (*там же*, с. 133). Другой автор так видит процесс производства открытого смысла: «Один смысл развертывается в другом, в других; или же он запутывается в самом себе и не может освободиться от себя. Он дрейфует. Он теряется в самом себе или умножается. Что касается времени, то здесь речь идет о мгновениях. Смысл нельзя приклеить. Он нестабилен, все время блуждает. Смысл не имеет длительности. Долго существует лишь его “каркас”, фиксируемый и увековечиваемый при своей институционализации. Сам же смысл блуждает по разным местам... Конкретная ситуация означивания, в которой взаимодействуют смысл и его удвоение: неразличение, незначимость, недисциплинированность, непостоянство. При таком подходе смысл в значительной мере неконтролируем» (*Пульчинелли Орланди*, 1999, с. 215–216). Постоянства смысла возможно достичь на основе функционирования парафразы и метафоры; таким путем «...смысл приобретает “плоть” как смысл исторический, возникающий в условиях напряженного отношения между фиксированностью и изменчивостью» (*там же*, с. 216–217).

Оригинальным путем подходит к определению смысла Г.П.Щедровицкий (1995), отказывающийся видеть в смысле предмет или продукт понимания. Смысл для Г.П.Щедровицкого есть элемент системы деятельности, который может быть задан только через организацию соответствующей системы деятельности, системы акта коммуникаций, включающей в себя: «(1) *действия* первого индивида в конкретной “практической” ситуации, (2) *целевую установку*, делающую необходимой передачу определенного сообщения второму индивиду, (3) *осмысление* ситуации с точки зрения этой целевой установки и построение соответствующего *высказывания-сообщения-текста*, (4) *передачу* текста-сообщения второму индивиду, (5) *понимание* текста-сообщения вторым индивидом и *воссоздание* на основе этого некоторой *ситуации возможного действия*, (6) *действия* в воссоздаваемой ситуации, соответствующие исходным целевым установкам второго индивида и содержанию полученного им сообщения» (*там же*, с. 556). В этой схеме, как считает Г.П.Щедровицкий, «не существует никакого “смысла”, отличного от самих процессов понимания, соотносящих и связывающих элементы текста-сообщения друг с другом и с элементами восстанавливаемой ситуации» (*там же*, с. 559).

Г.Л.Тулчинский (1995) усматривает глубинные параллели и взаимосвязи между семиотическими проблемами, философскими идеями М.Бахтина, Г.Шпета, П.Флоренского и А.Лосева и методологическими основаниями психологической школы Л.С.Выготского-А.Н.Леонтьева. «Распаковав» весь этот комплекс идей, он выделяет следующие уровни или слои опыта, которые могут быть выявлены в любом знаке или тексте: 1) материальная форма знака, 2) предметное значение, 3) смысловое значение, 4) оценочное отношение, 5) переживание. «В социально-психологической модели 1-й уровень – знак, 2-й и 3-й образуют социальное значение, 4-5й – личностный смысл... Прохождение от 5-го уровня к 1-му есть воплощение, опредмечивание опыта, его объективация. Обратный путь – субъективация, распредмечивание, путь

понимания, причем каждый из уровней соответствует и уровню понимания смыслового содержания текста» (Тульчинский, 1995, с. 51).

При всем разнообразии конкретных трактовок смысла и его соотношения со значением в контексте проблемы понимания текстов и языковых выражений, можно выделить общее: в отличие от значения, смысл всегда указывает на замысел, задачу, интенцию автора высказывания, на неязыковый контекст, ситуацию употребления знака. Позволим себе проиллюстрировать это различие анекдотом про учительницу младших классов, распекающую ученика за произнесение неприличного слова. «Где ты слышал это слово? Ты ведь даже не знаешь, что оно значит!» – «Знаю, его говорил папа, а значит оно, что машина не заводится!» В этом анекдоте ухвачен феномен смысла языкового выражения, автономного по отношению к его значению.

Вторым (исторически) проблемным контекстом, в котором понятие смысла вошло в гуманитарные науки, стала проблематика феноменологического анализа сознания, представленная работами, в частности, основателя феноменологической парадигмы Э.Гуссерля и его учеников и последователей: Г.Шпета, творчески интерпретировавшего и развивавшего феноменологию, синтезировав ее с герменевтикой, М.Хайдеггера, К.Ясперса, Ж.-П.Сартра и М.Мерло-Понти.

В работах Э.Гуссерля проблема соотношения значения и смысла неоднозначна; четкое эксплицитное их различие отсутствует и употребляются эти два понятия иногда синонимично, иногда не совсем. Напомним, исходным требованием феноменологического анализа является феноменологическая редукция, или «эпохэ», – сосредоточение только на том, что является сознанию, и отказ от всякой попытки суждения о возможном мире, находящемся за пределами сознания, трансцендентном ему. Мир как бы заключается в скобки. «Является не мир или часть его, но “смысл” мира» (Гуссерль, 1939/1991 б, с. 14). «Неопределенно общий смысл мира и определенный смысл его компонентов есть нечто, что мы сознаем в процессе восприятия, представления, мышления, оценки жизни, то есть нечто “конституированное” в том или ином субъективном генезисе» (там же, с. 17). «Между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла» (Гуссерль, 1913/1994 а, с. 11).

Источником, приписывающим смысл вещам, является сознание, актуальный упорядоченный опыт (там же, с. 4, 30). Именно наше бытие и жизнь нашего сознания придают миру смысл, именно в жизни сознания «...впервые получает свой смысл и свою бытийную значимость весь мир и я сам как объект, как сущий в мире человек» (Гуссерль, 1929/1991 а, с. 10). Каждый смысл, по Гуссерлю, «интенционально содержится во внутренней сфере нашей собственной испытывающей, мыслящей, оценивающей жизни и формируется в нашем субъективном генезисе сознания» (Гуссерль, 1994 б, с. 10). Таким образом, смысл предстает у Гуссерля как основная образующая ткань сознания; явления, феноменологически данные сознанию, «уже не суть “объекты”, но “единицы” “смысла”» (Гуссерль, 1939/1991 б, с. 14). При этом как сознание в целом, так и отдельные феномены интенциональны. «Всякий феномен имеет свою собственную интенциональную структуру, анализ которой показывает, что она есть постоянно расширяющаяся система индивидуально интенциональных и интенционально связанных компонентов» (там же, с. 13). Именно интенциональность конституирует предметы как «смысловые единства» (Гуссерль, 1929/1991 а, с. 16–17), причем любые реальные единства суть единства смысла (Гуссерль, 1913/1994 а, с. 30).

Гуссерль выделяет два направления феноменологического анализа: ноэтическое, или описание акта переживания, и ноэматическое, или описание «того, что пережито» (Гуссерль, 1939/1991 б, с. 14–15). Под ноэзисом Гуссерль понимает осмысливающую интенциональную направленность сознания на объект, под ноэмой – сам переживаемый объект как носитель смысла. «Обладание смыслом... – это основной характер сознания вообще, которое благодаря этому есть не только переживание, но и переживание, обладающее смыслом, переживание “ноэтическое”» (Гуссерль, 1913/1994 а, с. 82). Феноменологическое объяснение, подчеркивает

Гуссерль, занимается не чем иным, как истолкованием смысла, которым этот мир обладает для нас до всякого философствования, – «смысла, который может быть философски раскрыт, но никогда не может быть изменен и который, на каждом этапе нашего опыта содержит в себе горизонты, нуждающиеся в фундаментальном прояснении» (Гуссерль, 1931/1998, с. 283).

Подробнейший структурный анализ переживания в этих понятиях дан учеником Гуссерля Г.Шпетом (1914/1996). «Нозза» – это компонент сознания, конституирующий его предметность, интенциональность, указывающий на то, сознание чего мы рассматриваем. Г.Шпет связывает с этим также функцию осмысления, имея в виду под смыслом предметный смысл, «так как основной характеристикой сознания является “иметь смысл”, обладать чем-нибудь осмысленно» (там же, с. 117). Предметный смысл «...относится к тому постоянно пребывающему в предмете, что остается тождественным, несмотря на все перемены интенциональных переживаний и несмотря на колебания аттенциональных актов чистого Я» (там же, с. 122). Переходя от естественной установки к феноменологической, мы переходим от ноззы к нозме, в структуре которой вокруг чистого «предметного смысла» группируются другие ее слои. Именно через смысл нозма относится к своему предмету (см.: там же).

Далее, однако, констатируя, что у Гуссерля понятия «смысл» и «значение» употребляются как равноценные, Шпет со своей стороны обосновывает их несовпадение: «Осмысление и логизация – по существу и принципиально не тождественны» (там же, с. 121). Значение, по Шпету, характеризует выразительный слой нозмы, план высказывания. «“Смысл” как “значение” – по преимуществу логическое значение, – поскольку он, не выходя за границы определяемого “содержания”, тогда как мы говорим о смысле самого предмета, или онтологически: о смысле вещи» (там же, с. 166). «Смысл явления, включает в себе правило раскрытия вещи в ее действительном бытии» (там же, с. 174).

Шпет считает необходимым видеть разницу «между “предметным смыслом”, тождественным, являющимся как такое, с тождественной “объективной” квалификацией явления, с одной стороны, и меняющимися видами “представления” в их различии способов данности» (там же, с. 127–128). Окончательное разделение, которое он вводит, еще сложнее: смысл *an sich* (сам по себе), выражающий определительную квалификацию предмета, смысл *in sich* (в себе), выражающий способы его данности, и смысл *fur sich* (для себя), выражающий формообразующее начало нозмы (там же, с. 132). Последний из них Шпет обозначает также как «внутренний смысл», выражающий энтелехию, характеристику предмета со стороны его целеотнесения или телеологичности: «внутренний смысл» секиры в том, что секира «рубит» (там же, с. 160–161). Именно благодаря внутреннему смыслу в нас возникает «чувство собственного места в мире и всякой вещи в нем» (там же, с. 181). Раскрытие смысла как присущего определенной сфере идей «есть обнаружение внутренне присущей ему мотивации» (Шпет, 1991, с. 219).

Понятие внутреннего интимного смысла, или энтелехии, представляет собой оригинальное развитие Шпетом идей Гуссерля, существенное усложнение гуссерлианского понимания структуры нозмы (Борисов, 1996). Согласно собственным воззрениям Шпета, смысл объективен, «укоренен в бытии», это особая область бытия, особый предмет (см.: Кузнецов, 1991 б).

К пониманию смысла как объективной сущности вещей, объекта специально направленного особого познания склоняется и другой ученик Гуссерля, М.Хайдеггер, который называет смыслом «артикулируемое в языке и речи» (см.: Зайцева, 1991, с. 174). «О смысле можно каждый раз говорить только тогда, когда мы имеем дело с обдумыванием, соображением, конструированием, определением... Форма, в которой смысл выступает в действительности, – это значимость, т. е. форма процесса суждения» (Heidegger, 1914, S. 96; цит. по: Зайцева, 1991, с. 163). Другой формой воплощения смысла является произведение или текст – это не сам смысл, но «..место смысла, такое особым образом устроенное место, на котором вновь и вновь возникает – пусть и изменяемый – смысл» (Михайлов, 1993, с. XL). Таким образом, у Хайдеггера

смысл проявляется или строится также в пространстве сознания, является феноменом сознания, результатом познавательной деятельности, хотя и относится к явлениям мира как к своему предмету. Мир предстает как глобальный смыслообразующий контекст: все осмысленное «получает свой смысл именно в мире как живом пространстве человеческой деятельности» (*там же*, с. XXI).

«Понять направление, в каком вещь уже движется сама по себе, – значит увидеть ее смысл. Во вникании в такой смысл – суть осмысления. Осмыслением подразумевается больше, чем просто осознание чего-либо. Мы еще далеки от осмысления, пока просто что-то сознаем. Осмысление требует большего. Оно – отданность достойному вопрошания» (*Хайдеггер*, 1993 а, с. 251). В параграфе 32 «Бытия и времени», который называется «Понимание и истолкование» (или, в другом переводе, «Понимание и толкование») понятию смысла посвящен довольно обширный и чрезвычайно темный фрагмент; он опубликован в двух разных русских переводах (*Хайдеггер*, 1993 б, с. 13; 1997, с. 151). Насколько можно понять, в нем Хайдеггер также говорит о смысле чего-либо как о характеристике «раскрытого» бытия, как о его интенциональной направленности, только исходя из которой оно и может быть понято как таковое. Это объединяет взгляды Хайдеггера и Шпета на смысл.

Если Шпет и Хайдеггер используют понятие смысла в контексте проблемы познания внешней реальности, то еще один, не менее прославленный ученик Гуссерля – К.Ясперс – говорит о смысле преимущественно как о понятии, характеризующем взаимосвязь психических явлений в душевной жизни человека, в его «личностном мире». «Мы понимаем психические взаимосвязи изнутри, как нечто значащее, как некоторый смысл; и мы объясняем их извне, как регулярные или существенно важные параллелизмы или последовательности» (*Ясперс*, 1997, с. 546). Вместе с тем смысл не является сущностной характеристикой самих психических феноменов как таковых; напротив, он «...вкладывается в них индивидом, обуславливается его осознанными намерениями, реализуется им самим» (*там же*, с. 337).

Смысл, по Ясперсу, предмет не объяснения, а понимания. «Прежде чем понять самое душу, мы должны понять этот смысл» (*там же*). Понимание объективных порождений психической жизни, однако, возможно лишь на основе более широкого контекста. Для их постижения необходимо «широкое понимание духовного мира человека и достаточно богатый опыт. Прийти к широкому пониманию – это значит сделать первый шаг; уже после этого мы приобретаем способность к непосредственному постижению смысла как выражения данной и именно данной, отдельно взятой души» (*там же*), в частности, через ее произвольные психические проявления и сновидения. Примером работы по пониманию Ясперс считал психоанализ: «Фактически Фрейд занимался понимающей психологией, а вовсе не причинным объяснением (как ему самому казалось)» (*там же*, с. 651).

Из того же более широкого контекста Ясперс выводил и понимание смысла жизни, который «определяется тем, как мы определяем свое место в рамках целого» (*Ясперс*, 1991, с. 271).

Следующую развернутую философскую концептуализацию смысла в той же экзистенциально-феноменологической традиции мы находим у Ж.-П.Сартра, испытавшего сильное влияние Гуссерля и Хайдеггера.

Уже в одной из ранних феноменологических работ, посвященной образности, Сартр говорит об аффективном смысле как о чувстве, возникающем в процессе восприятия некоторого объекта и проецируемом на этот объект, приклеивающемся к нему. «Именно этот аффективный смысл обеспечивает синтез различных признаков, который оживляет их замерзшую наготу, придает им жизнь и какое-то наполнение» (*Sartre*, 1972, р. 31).

Более общие представления о смысле сформулированы Сартром в его основополагающем труде «Бытие и ничто» (*Sartre*, 1943). «Сознание всегда может выйти за пределы существующего, отнюдь не к его бытию, а к смыслу этого бытия, – писал Сартр. – <.> Смысл бытия

существующего, поскольку он сам открывается сознанию, – это феномен бытия. Этот смысл сам обладает бытием, на основании которого он обнаруживается» (*ibid.*, p. 30).

Но каковы природа и происхождение этого трансцендентного смысла? Сартр выводит этот смысл из создаваемого индивидом проекта своего бытия в мире. Этот проект, «заставляющий существовать ценности, зовы, ожидания и вообще мир», представляется «...по ту сторону мира как логические и абстрактные смысл и значение моих действий» (*ibid.*, p. 77). Человеческий проект, по Сартру, представляет собой имплицитный смысл ситуации.

Как указывает Л.И.Филиппов, звеном, соединяющим сознание и мир, является для Сартра восприятие, постигающее внешнее как целостность, в которую вписывается смысл. Смысл придается как ситуации, так и внешним предметам; он выбирается сознанием. Происходит систематическая субъективация внешней реальности. Внешняя реальность как вместилище смыслов – это мир очеловеченной природы. «Смыслы, – разъясняет Сартр, – современны объектам: они даже суть вещи лично», и поэтому «смысл ни в коем случае не может быть ассимилирован с субъективностью. Все изменения, которые восприятие может зарегистрировать в нем, есть в действительности объективные изменения» (цит. по: Филиппов, 1977, с. 149–150).

В более поздних работах Сартр обращается к постижению смысла человеческих поступков через понимание, которое «объясняет действие через его конечное значение, исходя из отправных условий» (Сартр, 1994, с. 188). «Смысл поступка и его значимость могут быть постигнуты только в перспективе через движение, которое реализует возможности, разоблачая данное. Человек является для самого себя и для других существом значащим, так как ни один из его поступков нельзя понять, не превосходя чистое настоящее и не объясняя его через будущее» (*там же*, с. 187).

Наконец, еще одну развернутую философскую концепцию смысла мы находим в работах другого крупнейшего представителя французского экзистенциализма М.Мерло-Понти, прежде всего в его фундаментальных работах «Структура поведения» и «Феноменология восприятия», опубликованных в первой половине 1940-х годов. В книге «Структура поведения» (Merleau-Ponty, 1963) вводится понятие смысла как основного организующего принципа поведения живых систем. «Единица физических систем есть *связь*, единица живых организмов – *значимость*. Координация на основе законов, привычная для физического мышления, не исчерпывает феномены жизни, оставляя остаток, подчиняющийся иному виду координации – координации на основе *смысла*» (*ibid.*, p. 168–169). Для Мерло-Понти очевидно, что витальные акты имеют смысл по определению. Стимулы не вызывают автоматически единую стереотипную поведенческую реакцию. Напротив: «Реакция зависит не столько от материальных свойств стимулов, сколько от их жизненной значимости. Таким образом, среди переменных, от которых действительно зависит поведение, нам видится смысловая связь, имманентное отношение» (*ibid.*, p. 174). Как отмечает анализирующая работы Мерло-Понти Т.М.Тузова, человек может преодолевать данность именно потому, что его «высшие реакции» зависят не от стимулов, но скорее от «смысла ситуации», они предполагают определенный «взгляд» на эту ситуацию (Тузова, 1987, с. 66).

Источником смыслов вещей выступает действующий субъект. «Поскольку именно он, появляясь, заставляет проявиться смысл и ценность в вещах, и поскольку всякая вещь может приобрести их, только сделавшись для него смыслом и ценностью, то нет воздействия вещей на субъекта, а есть лишь сигнификация (в активном смысле), центробежное *Sinngebung* (наделение смыслом)» (Мерло-Понти, 1997, с. 176). Нам принадлежит «...универсальная власть наделения смыслом» (*там же*, с. 179). Это наделение происходит не преднамеренно, а спонтанно: «Коль скоро у меня есть руки, ноги, тело, мир, я разношу вокруг себя интенции, которые не имеют решающего значения и которые воздействуют на мое окружение такими свойствами, которые не я сам выбираю» (*там же*, с. 180).

Подобно Хайдеггеру, Шпету, Сартру и Ясперсу, для Мерло-Понти смысл явления выводится из его интенциональной направленности. «Слова “смысл течения воды” ничего не выражают, если я не предполагаю субъекта, который смотрит с какого-то места в определенном направлении... Подобно этому, и “смысл ткани” воспринимается только субъектом, который может подойти к предмету с одной или с другой стороны, и ткань обладает каким-то смыслом лишь благодаря моему появлению в мире. Так же и “смысл фразы” – это то, что в ней сказывается, или ее интенция, что предполагает какую-то исходную и конечную точку, что-то имеющееся в виду и какую-то точку зрения... Под всеми приложениями слова “смысл” мы обнаруживаем то же фундаментальное понятие бытия, ориентированного или поляризованного на то, что оно не есть, и мы, таким образом, все время возвращаемся к пониманию субъекта как экстаза и к отношению активной трансценденции между субъектом и миром. Мир неотделим от субъекта, но субъекта, который не может быть не чем иным, как проектом мира, и субъект неотделим от мира, но мира, который он сам проецирует» (*Мерло-Понти*, 1991, с. 289).

Помимо упомянутой черты, общей для всех рассмотренных философов экзистенциально-феноменологической ориентации, Мерло-Понти также роднит с Сартром рассмотрение смысла как порождения индивидуальных проектов. «Говорят, что события обладают смыслом, когда они представляются нам как реализация или выражение какого-то единого замысла. Смысл для нас существует, когда одна из наших интенций наполняется или, наоборот, когда какое-то многообразие фактов или знаков готово к схватывающему постижению с нашей стороны» (*там же*, с. 288). Экзистенция, по Мерло-Понти, и есть та операция, «посредством которой то, что не имело смысла, получает смысл» (*Merleau-Ponty*, 1945, р. 198).

Третий контекст употребления понятия смысла в гуманитарных науках связан с проблематикой экзистенциального смысла человеческого бытия. Этот аспект был затронут уже в работах К.Ясперса и Ж.-П.Сартра. Еще один видный представитель экзистенциальной философии П.Тиллих, оказавший большое влияние на американскую гуманистическую психологию в 1950-1960-е годы, в своей наиболее известной работе «Мужество быть» отмечает, что человек есть человек лишь потому, что он обладает способностью понимать и формировать свой мир и самого себя в соответствии со смыслами и ценностями (*Тиллих*, 1995, с. 40). С этим связано духовное самоутверждение человека. «Человек живет “внутри” смыслов, внутри того, что имеет логическую, эстетическую, этическую, религиозную значимость» (*там же*, с. 61). Отношение к смыслам или интенциональность – направленность на осмысленные содержания – прямо связана с витальностью, жизненной и творческой силой человека.

Утрата человеком смысла вызвана утратой духовного центра и порождает специфическую форму тревоги. В отличие от экзистенциальной тревоги судьбы и смерти, которая носит неустранимый, онтологический характер, патологические или невротические формы тревоги, протекающие из чувства пустоты или отсутствия смысла, связаны с уходом от вопроса о смысле. Невротик не допускает вопроса о смысле во всем его радикальном значении, не обладает мужеством принять на себя экзистенциальную тревогу (*там же*, с. 56–58).

Тревогу сомнения и отсутствия смысла П.Тиллих считает тревогой нашей эпохи, отразившейся в литературе, искусстве и философии нашего столетия. Единственный позитивный выход – это принять отсутствие смысла, сохраняя мужество быть собой. Сам акт принятия отсутствия смысла есть осмысленный акт веры. Переживаемое человеком отсутствие смысла содержит в себе опыт «силы приятия». «Витальность, способная выстоять перед бездной отсутствия смысла, осознает присутствие скрытого смысла внутри разрушения смысла» (*там же*, с. 123).

Проблематика бытийных смыслов занимает важное место в ранних работах М.М.Бахтина (мы остановимся здесь лишь на наиболее общих моментах бахтинской трактовки смысла). «Мы уверенно поступаем тогда, когда поступаем не от себя, а как одержимые имманентной необходимостью смысла той или другой культурной области» (*Бахтин*, 1986 а, с. 97). Понятие

смысла для Бахтина означает, однако, укорененные в культуре смыслы, трансцендентные индивидуальному существованию, хоть и играющие в нем важную роль благодаря тому, что смысл сливается с фактом в человеческом поступке. Индивидуальная же динамичная смысловая реальность, проявляющаяся в различных формах по ходу действия, обозначается у М.М.Бахтина несколько сложным, но довольно точным понятием «эмоционально-волевой тон». Этот эмоционально-волевой тон «...обтекает все смысловое содержание мысли в поступке», «ориентирует в единственном бытии, ориентирует в нем и действительно утверждает смысловое содержание» (*там же*, с. 107). «Все, с чем я имею дело, дано мне в эмоциональноволевом тоне, ибо все дано мне как момент события, в котором я участвую... Предмет неотделим от своей функции в событии в его соотношении со мной. Но эта функция предмета, есть, *эмоционально-волевой тон его*» (*там же*, с. 106). Эмоционально-волевой тон не есть пассивная реакция, это скорее активная установка сознания, момент активности в переживании, «переживание переживания как моего» (*там же*, с. 109). Наконец, надо отметить, что эмоционально-волевое отношение есть по своей сути отношение, возникающее в любой деятельности: «Уже тем самым, что я заговорил о предмете, обратил на него внимание, выделил и просто пережил его, я уже занял по отношению к нему эмоционально-волевою позицию, ценностную установку.» (*там же*, с. 152).

В другой работе, также относящейся к 1920-м годам, М.М.Бахтин характеризует «смысловый ряд жизни» как «...познавательное-этическое напряжение жизни изнутри ее самое». «Я живу – мыслю, чувствую, поступаю – в смысловом ряду своей жизни» (*Бахтин*, 1979, с. 96). М.М. Бахтин противопоставляет смысловую организацию жизни организации ее во времени, указывая, что смысл дает человеку непосредственную вневременную опору (*там же*, с. 97). «Совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя» (*там же*, с. 98) Бахтин отождествляет с духом. Как духовное образование, смысл есть нечто внешнее по отношению к моему сознанию, он противостоит мне; субъективное переживание есть отношение к смыслу и предмету, след смысла в бытии, хотя смысл «подчиняется ценности индивидуального бытия, смертной плоти переживания» (*там же*, с. 102).

Будущее, по М.М.Бахтину, есть преимущественно смысловая категория; «осознавать себя самого активно – значит освещать себя предстоящим смыслом» (*там же*, с. 105). Смысловое будущее чужеродно, враждебно настоящему и прошлому, ибо для него принципиальна незавершенность. «Смысловое абсолютное будущее есть будущее не в смысле временного продолжения *той же жизни*, но в смысле постоянной возможности и нужности преобразовать ее *формально*, вложить в нее новый смысл» (*там же*, с. 107). «В каждом моем акте, моем действии, внешнем и внутреннем, в акте-чувстве, в познавательном акте, оно противостоит мне как чистый значимый смысл и движет моим актом, но никогда для меня самого не осуществляется в нем, всегда оставаясь чистым требованием для моей временности, историчности, ограниченности» (*там же*, с. 108).

Этот смысл играет ключевую роль и в моем понимании себя самого. В том, что касается моего смысла и ценности для себя самого, я «отброшен в мир бесконечно требовательного смысла» (*там же*). «Мое определение самого себя дано мне (вернее, дано как задание, данность заданности) не в категориях временного бытия, а в категориях *еще-не-бытия*, в категориях цели и смысла, в смысловом будущем, враждебном всякой наличности моей в прошлом и настоящем» (*там же*, с. 109). Мое внутреннее бытие сплошь создано этим предстоящим смыслом; если оно, в своем самодовольстве, отрывается от него, пребывая в своей наличности, то оно впадает в глубокое противоречие с самим собой (*там же*). В другом месте М.М.Бахтин указывает, что слепота к смысловому идеальному бытию, к смыслу в себе есть обман, приводящий к овеществлению человека (*Бахтин*, 1996, с. 70).

В своих поздних работах М.М.Бахтин вновь возвращается к уточнению понятия смысла. Он подчеркивает разведение семантической (значенческой) стороны произведения и его цен-

ностносмыслового момента, который порождается приобщением к высшей ценности (*Бахтин*, 1979, с. 368–369). В отличие от значения, смысл диалогичен. «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла... Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть “смысла в себе” – он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним» (*там же*, с. 350). Наконец, смысл не может действовать как материальная сила, влиять на физические явления, но он и не нуждается в этом; осуществляя смысловое преобразование бытия, он оказывается сильнее всякой силы (*там же*, с. 367).

Наконец, четвертый контекст употребления понятия смысла в гуманитарных науках подразумевает постановку проблемы смысла человеческих действий и других невербальных проявлений. В числе авторов, заложивших основы такого понимания смысла, следует назвать в первую очередь В.Дильтея, Э.Шпрангера и М.Вебера, работы которых предшествовали упоминавшимся выше работам К.Ясперса, Ж.-П.Сартра и М.Мерло-Понти.

В.Дильтей, вводя понятие живых переживаний как единиц анализа жизни в целом, приписывает им осмысленность, обусловленную их местом в контексте жизни как целого. «Моя актуальная концепция жизни определяет, как я вижу сегодня каждую значимую ее часть. Через нее эта часть соотносится с другими значимыми частями; она принадлежит к определенному контексту, обусловленному отношением между значимыми моментами жизни и моей нынешней интерпретацией их. Эти смысловые соотношения конституируют мой актуальный опыт и пронизывают его» (*Dilthey*, 1961, р. 100). Индивидуальная структура психической жизни может быть понята только с помощью интерпретации смысла жизненных проявлений. Как отмечают анализирующие поздние работы Дильтея К.Будт и Л.Мос, герменевтический поворот в методологии Дильтея привел его к осознанию того, что понять человека возможно только через понимание смысла его жизненных проявлений в физических, внешне объективированных формах.

Только те психологические процессы, которые получают культурно обусловленную объективированную форму выражения, могут быть ключом к пониманию человеческой индивидуальности, как других, так и себя самого; в их смысле выражается наша сущность (*Boodt, Mos*, 1993).

Близкие взгляды мы находим и у ученика Дильтея Э.Шпрангера (1914/1980). Шпрангер вводит понятие смысловой связи, понимая под ней связь с ценностью, выступающей объяснительной инстанцией по отношению к смыслу: «какой-нибудь механизм, например, можно назвать осмысленным, поскольку все осуществляемые им отдельные процессы скоординированы в направлении к общему результату, который имеет какую-то ценность. Организм является полным смысла, поскольку все его собственные функции направлены на сохранение своего состояния в данных жизненных условиях и поскольку само это сохранение может рассматриваться как ценное для него. Но прежде всего полна смысла жизнь души в индивидууме, так как она в самой себе имеет значение всей своей активности и значение связи частных функций, переживая их как ценное или, наоборот, не имеющее ценности» (*там же*, с. 294–295) «Лишь внутри структуры душевные элементы получают смысловую связь подобно тому, как в имманентных смысловых связях находятся части организма» (*там же*, с. 299).

Э.Шпрангер говорит о надындивидуальном смысле, лежащем в основе смысловых связей, как о специфической форме объективности, хотя надындивидуальный смысл объекта определяется его смысловыми связями с теми или иными установками сознания. «Когда я рассматриваю книгу... как предмет купли-продажи, я тем самым включаю ее в хозяйственную смысловую связь; рассматривая ее как продукт познания, я включаю ее в научную связь; если я обращаю внимание на оформление книги – в эстетическую связь. Несомненно, в моем сознании имеются различные установки, из которых исходят эти смыслы, и каждое такое смысловое направление подлежит особому закону» (*там же*, с. 288). Надындивидуальный смысл существует в мире духа, который развивается по историческим законам. Он, однако, может

быть объективирован в языке, произведениях искусства, технических сооружениях, и через эти объективированные формы быть воспринятым другими людьми. «В качестве смылосозидающей и смылопереживающей индивидуальная душа переходит отсюда в надиндивидуальный дух» (*там же*, с. 300). Понимание смысла, необходимое для того, чтобы понять психологию человека, предполагает, по Шпрангеру, знание смысловых связей, выходящих за пределы субъективности и непосредственных переживаний самого человека, который может и не осознавать смысл своих действий (см.: *Рубинштейн*, 1997, с. 164).

В «понимающей социологии» М.Вебера понятие смысла является одним из центральных. Вебер называет действием понятное отношение к объектам, которое имело или предполагало субъективный смысл для действующих индивидов, независимо от степени выраженности последнего. Через этот смысл поведение может быть, во-первых, соотнесено с поведением других людей (если по своему смыслу действие соотносится с действием других людей и ориентируется на него, то мы имеем дело с социальным действием), во-вторых, определено и, в-третьих, понятно объяснено (*Вебер*, 1990, с. 497, 602–603). Вебер различает два значения понятия «смысл». Смысл может быть действительно субъективно предполагаемым неким действующим лицом или же теоретически конструируемым (*там же*, с. 603). Вебер подчеркивает, что понимающая социология не есть психология, ведь с точки зрения первой рациональная целесообразная структура поведения являет собой наиболее четкий и понятный случай смысловой структуры, а «чем однозначнее действие ориентировано по типу рациональной правильности, тем менее смысл его может быть понят с помощью каких-либо психологических соображений» (*там же*, с. 500). Иррациональные же, эмоционально обусловленные смысловые связи легче всего понимаются через соотнесение их с чисто целерационально сконструированным действием, в качестве «отклонений» от последнего (*там же*, с. 605). Мера целерациональности, по сути, выступает у Вебера как мера осмысленности действия.

Необходимым моментом понимания действия выступает, наряду с непосредственным пониманием его содержательного смысла, также объясняющее понимание – понимание рациональной мотивации через включение действия в понятную смысловую связь, в которой они находят свое объяснение (*там же*, с. 608). «“Мотивом” называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия» (*там же*, с. 611). Хотя М.Вебер ставит во главу угла рациональность, он осознает, что нельзя полагаться на суждения людей о своих мотивах, что истинные мотивы часто скрыты, искажены, замаскированы. В основе внешне схожего поведения могут лежать совершенно различные мотивы и смысловые связи. Именно смысловая связь действий является, по мнению Вебера, объектом постижения для социологии и истории (*там же*, с. 614). К современной ему психологии М.Вебер относится без особого уважения, критикуя ее, в частности, за то, что она не стремится истолковать человеческое действие с точки зрения его предполагаемого смысла, довольствуясь естественнонаучным анализом (*там же*, с. 621).

Смысл является для Вебера ключевым понятием в понимании не только человеческих действий, но и человеческой культуры.

«Трансцендентальная предпосылка всех наук о культуре состоит... в том, что мы сами являемся людьми культуры, что мы обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл. Каким бы этот смысл ни был, он станет основой наших суждений о различных явлениях совместного существования людей, заставит нас отнестись к ним (положительно или отрицательно) как к чему-то для нас значительному» (*там же*, с. 379). Смысл в этой цитате раскрывается также как осознанно творимый человеком.

В заключение коснемся трансперсонального подхода к проблеме смысла В.В.Налимова (1989 а, б), который стоит особняком по отношению ко всем рассмотренным выше подходам. В.В.Налимов утверждает, что человек «существует лишь в той мере, в какой он погружен в мир

смыслов» (1989 а, с. 247), понимая под смыслами «...все то, что когда-либо было проявлено в культурах будущего» (1989 б, с. 85). Они существуют изначально. Смыслы организуются в тексты – «структуры, организуемые вероятностным взвешиванием смыслов. Взвешивание – это придание элементарным смыслам вероятностной меры» (Налимов, 1995, с. 123). Природа смыслов может быть схвачена только через их проявление в Бытии, содержащем сознание; сознание «предстает перед нами как некоторое устройство, непрестанно и по-новому раскрывающее смыслы» (Налимов, 1989 б, с. 85).

Сущность раскрытия смыслов состоит, по В.В.Налимову, в наложении на универсальный всеобщий континуум смыслов определенных фильтров, которые проявляют те или иные смыслы с той или иной вероятностной мерой. Такими фильтрами выступают, например, научные, философские и религиозные концепции, языки, другие культурные образования. Таким фильтром является и личность. «Архитектоника личности – это архитектоника смыслов, воплощенных в личности – демиургической носительнице смыслов» (Налимов, 1989 а, с. 120). Личность выступает как генератор и преобразователь смыслов. Она открыта миру и способна преобразовывать его своими действиями, порождаяемыми новыми смыслами (там же, с. 166–167). В.В.Налимов характеризует открытого миру человека как «фабрику по переработке смысловых оценок» (там же, с. 186).

Хотя смыслы, по В.В.Налимову, отнюдь не являются атрибутом только лишь человеческого существования, он приписывает им весьма существенную антропологическую функцию. «Человек всегда стремится к утверждению смыслов – своих или чужих, ставших для него своими» (там же, с. 252). Смыслы делают нас активными, психически здоровыми, но если они не обновляются постоянно в соответствии с меняющейся ситуацией («Быть – это значит иметь способность облекаться в новые смыслы» – там же, с. 235), они могут играть и негативную роль – угнетать, подавлять, догматизировать человека. Тот поиск смыслов, который ведет личность, приводит ее к соприкосновению с предельной реальностью Мира. Раскрывая смыслы Мира, активно участвуя в раскрытии потенциально заложенных в нем смыслов, человек расширяет и гармонизирует смысловую ткань своей собственной личности, трансцендируя, выходя за ее пределы (там же, с. 250–251).

Если попытаться обобщить все многообразие трактовок смысла в философии и гуманитарных науках, вкратце рассмотренное в данной главе, можно обратить внимание на две основные черты, объединяющие практически все эти трактовки (подход В.В.Налимова является, пожалуй, единственным исключением), несмотря на гораздо более многочисленные их различия. *Смысл (будь то смысл текстов, фрагментов мира, образов сознания, душевных явлений или действий) определяется, во-первых, через более широкий контекст и, во-вторых, через интенцию или интеллецию (целевую направленность, предназначение или направление движения).*

По-видимому, следует рассматривать эти две характеристики – контекстуальность и интенциональность – как два основополагающих атрибута смысла, инвариантных по отношению к конкретным его пониманиям, определениям и концепциям. По сути именно эти два атрибута наиболее четко отражены в идеях Дж. Ричлака, разрабатывающего философско-методологические вопросы психологии, а также А.А.Брудного. Дж. Ричлак утверждает, что теорией, адекватно объясняющей человеческое поведение, может быть только телеологическая теория, теория интенциональности. Идея интенциональности основана на том, что организм действует ради неких смыслов; смыслы же есть не что иное, как отношения, указания на то, в связи с чем, в контексте чего данный поведенческий паттерн оказывается значим (Rychlak, 1984). А.А.Брудный характеризует смысл как «место в структуре», отмечая, что он находит выражение в «направленном характере движения» (Брудный, 1998, с. 122, 126).

Завершив наш краткий очерк представлений о смысле в философии и гуманитарных науках, мы переходим к более детальному анализу представлений о смысле в психологии.

1.2. Подходы к пониманию смысла в психологии

Поставив перед собой задачу сделать обзор основных подходов к проблеме смысла в психологии, мы с самого начала сталкиваемся с затруднением. Суть его в том, что понятие смысла не является достоянием только науки; оно является элементом обыденного языка и обыденного сознания. По этой причине многие авторы используют это понятие не терминологически, давая ему определение в соответствии с научными канонами, а в его житейском словоупотреблении, как, например, мы использовали слово «причина» в начале этой фразы. Концепции, берущие понятие смысла как «готовое» и считающие его значение не требующим пояснений, мы не включили в наш обзор, хотя порой и в них понятие смысла занимает весьма важное место (например, в теории К.Роджерса). Мы также, за редкими исключениями, не касались конкретных исследований, в которых понятие смысла выступало как объяснительное, ограничившись изложением и анализом теоретических представлений о смысле как таковом.

1.2.1. Предыстория смысла как объяснительного понятия в психологии: ранние психодинамические теории личности

Понятие смысла пришло в психологию из донаучных попыток объяснения человеческого поведения, основывавшихся на здравом смысле и представлениях обыденного сознания. Сущность такой формы объяснения, остававшейся единственной на протяжении многих веков, «... заключается в том, что действия и психические феномены наделялись смыслом благодаря установлению их связи с намерением. Выявить связь чего-либо с преследуемой субъектом целью, с содержанием мысли или с намерением – значит раскрыть его смысл, значит обеспечить определенное понимание... наиболее примитивное и наиболее фундаментальное» (Nuttin, 1961, p. 9).

Первой системой научной психологии, обратившейся к понятию смысла для объяснения поведенческих проявлений человека (преимущественно произвольных), закономерно стал психоанализ. Направленность на раскрытие смысла поступков и произвольных реакций человека является главной характеристикой психоаналитического подхода как с точки зрения представителей самого этого подхода (Klein, 1982), так и с точки зрения «внешних» критиков этого течения (Nuttin, 1956). Однако роль психоанализа в разработке идеи смысла не сводится лишь к распространению сферы смыслового объяснения на такие формы поведения, как фобии, аффективные реакции, сновидения, феномены забывания и т. п., которые раньше рассматривались как лишённые смысла. В работах Фрейда мы впервые встречаемся с понятием смысла, включенным в ряд объяснительных понятий научной психологии.

Последнее утверждение требует, однако, оговорки в связи с разделяемым нами мнением о «двух теориях» Фрейда – клинической теории и метапсихологии, согласованность между которыми оставляет желать лучшего (Klein, 1982). Революционные достижения психоанализа автор этого различия Дж. Клейн связывает преимущественно с клинической теорией, с «... объяснением в терминах смыслов, воспринимаемых наблюдателем и переживаемых субъектом» (*ibid.*, p. 27–28). «Психоанализ относится к классу теорий... пытающихся утверждать, что поведение имеет определенный смысл, который можно вывести из истории этого смысла в жизни личности» (*ibid.*, p. 56). «Ориентация на поиск смысла и используемые концептуальные орудия позволяют аналитику видеть закономерности, отличные от тех, которые обычно видят другие психологи, наблюдающие то же самое поведение» (*ibid.*, p. 52). Фрейд разработал таксономию смыслов личностных отношений.

Однако постепенно создававшаяся метапсихологическая теория психоанализа вступила в противоречие с объяснением в терминах смыслов, заменив его объяснением в терминах энер-

гии, сил, механизмов и физических аналогий. В философской системе Фрейда, стремившегося к формулированию закономерностей поведения на языке строгой науки, не нашлось места для понятия смысла и даже сама задача раскрытия смыслов была отброшена (Klein, 1982). В работах Фрейда, написанных в 1920-1930-е годы, понятие смысла практически исчезает и возрождается в психоанализе лишь позже, в публикациях ряда его последователей.

Обратимся теперь к содержанию, которое вкладывал Фрейд в понятие смысла в своих ранних работах. Соответствующие его высказывания не позволяют прийти к однозначному выводу. В специальном исследовании, посвященном анализу понятия смысла в работах Фрейда (Shope, 1973), Р.Шоп выделяет четыре несовпадающие трактовки смысла в различных контекстах. В первом понимании смысл сновидения или смысл символа – это мыслительный процесс, психическое содержание, которое данным сновидением или символом замещается¹. Второе понимание отождествляет смысл с целью или намерением данного психического акта². Третье понимание отличается от второго добавлением указания на значимость этого акта³. И наконец, четвертое понимание отождествляет смысл действия с лежащими за ним скрытыми мотивами⁴. Как правило, эти мотивы не осознаются, однако не всегда. Критикуя видного представителя ортодоксального психоанализа Ч.Бреннера за выведение смысла лишь из неосознанных мотивов⁵, Р.Шоп отмечает, что смысл действиям могут придавать и осознанные интенции. Сам Фрейд утверждает, однако, что смысл симптомов содержится именно в бессознательных процессах, осознание которых приводит к исчезновению симптома (Фрейд, 1922 а, с. 69).

Рассматривая цитированные выше высказывания Фрейда как попытки дефиниции смысла, Р.Шоп приходит к выводу о том, что Фрейд постоянно перескакивал с одного понимания на другое, что облегчалось значительным пересечением всех четырех определений и размытостью значения слова «смысл» в обыденной речи (Shope, 1973, р. 284). Нам, однако, думается, что Фрейд обладал цельным представлением о смысле, но это понятие, заимствованное из обыденного языка, еще не стало у Фрейда полноправным научным термином и не получило однозначной дефиниции. Высказывания его отражают, скорее, различные грани, которыми поворачивается описываемое явление (смысл) в тех или иных контекстах. Совмещение всех описанных Р.Шопом характеристик смысла в понимании Фрейда (и еще некоторых, прошедших мимо его внимания) позволяет нам воссоздать следующее непротиворечивое представление. Когда Фрейд говорит об осмысленности определенного психического акта или содержания, это означает следующее:

- а) данный акт обладает для субъекта значимостью в силу того, что
- б) он замещает собой другой психический акт, который не может непосредственно проявиться в поведении в силу личностных цензур и который указывает нам на
- в) цель или интенцию, лежащую в основе данного акта. Интенция, в свою очередь, порождается

¹ «“Истолковать” сновидение значит раскрыть его “смысл”, заменить его чем-либо, что в качестве полноправного и полноценного звена могло бы быть включено в общую цепь наших душевных процессов» (Фрейд, 1913, с. 80).

² «“Смыслом” мы называем цель, к которой стремится такое явление, и его взаимоотношение с другими психическими процессами. В большинстве случаев слово “смысл” при наших исследованиях можно заменить словом “намерение, тенденция”» (Фрейд, 1922 а, с. 46).

³ «Под словом “смысл” мы понимаем известное значение, намерение, тенденцию и определенное место в ряду других психических явлений» (там же, с. 66).

⁴ «Я подметил свои желания и намерения, осуществившиеся в сновидении и бывшие, очевидно, мотивами последнего...Его содержание является, таким образом, осуществлением желания, его мотив – желание» (Фрейд, 1913, с. 98). «Сновидение имеет действительно тайный смысл, означающий всегда осуществление желания» (там же, с. 118).

⁵ «...Нам приходится зависеть от случая в том, получим ли мы в распоряжение достаточно фактов, чтобы иметь возможность более или менее точно отгадать “смысл” ошибочного действия, неосознаваемые мотивы, которые его породили» (Brenner, 1973, р. 141).

г) мотивом осуществления желания, обладающего побудительной силой⁶. Сама же связь данного психического акта с мотивом генетически восходит к

д) аффективным переживаниям, имевшим место в истории жизни субъекта и наложившим отпечаток на формирование и реализацию его мотивов⁷.

Интересна трактовка «двух теорий» психоанализа через призму герменевтики, данная П. Рикёром (1995). «С одной стороны, Фрейд действительно создал свою теорию интерпретации в противовес физикализму и биологизму, господствовавшим в психологии. Интерпретировать значит идти от явного смысла к смыслу скрытому. Интерпретация полностью принадлежит сфере смысла и **содержит** в себе отношения силы (вытеснение, возврат вытесненного) только как отношения смысла (цензура, маскировка, сгущение, перемещение); отныне ничто так не требуется от Фрейда, как преодолеть ослепленность **фактом** и признать универсум **смысла**. Но Фрейд продолжает вписывать все сделанные им открытия в рамки позитивизма, что сводит их на нет... Его открытие принадлежит плану смысловых действий, а он продолжает концептуализировать их и излагать на языке своих венских и берлинских учителей» (Рикёр, 1995, с. 226–227, 260).

Выдвинутая Фрейдом и поддерживаемая частью его последователей задача объяснения поведенческих проявлений человека в терминах их смысла не стала, однако, отличительным признаком психоаналитического направления, а получила довольно широкое распространение в различных так называемых операциональных (то есть клинических) подходах к личности. Первое альтернативное по отношению к фрейдовскому развернутое понимание смысла сформулировано в поздних (1929–1934) работах одного из основных оппонентов Фрейда – Альфреда Адлера⁸, которые во многом близки современному экзистенциально-гуманистическому направлению в психологии.

Адлер характеризует свою систему индивидуальной психологии как учение о смысле человеческих действий (Adler, 1982 b, S. 23) и экспрессивных проявлений, движений (Adler, 1973, S. 66), о смысле, который индивиды придают миру и самим себе (Adler, 1980, p. 48), хотя полностью к этим смыслам предмет изучения индивидуальной психологии не сводится. Трактовка Адлером самого смысла, однако, принципиально отличается от психоаналитической трактовки. Психоаналитической каузальной схеме детерминации Адлер противопоставляет финалистскую, и если Фрейд и его прямые последователи искали истоки смысла в прошлой истории жизни личности, в ее аффективных переживаниях и желаниях, то Адлер связывает поведенческие смыслы со смыслом всей жизни личности, с ее жизненным стилем, жизненным планом, с вопросом «Зачем?», поставленным по отношению к анализируемым поступкам, в противоположность фрейдовскому вопросу «Почему?». «Без представления о цели индивидуальная деятельность потеряла бы всякий смысл» (Adler, 1978, S. 15).

Именно индивидуальный смысл жизни, понимание которого служит, по Адлеру, ключом к пониманию всей личности в целом (Adler, 1980, p. 22), выступает у него как одно из центральных объяснительных понятий. Смысл жизни первичен по отношению к смыслам отдельных действий. Смыслу жизни Адлер посвятил еще в 1924 году специальную статью (Adler, 1982 a, S. 79–83), в которой писал: «Смысл жизни нельзя вывести из каузальных отношений, и тем более из личных воображаемых представлений, а лишь... из преследования цели, из поиска решения задачи, заданного через ее условия» (ibid., S. 82–83). Адлер связывает здесь смысл

⁶ В одном месте Фрейд прямо отождествляет смысл с побудительной силой: «Смысл сновидений, связанных с зубной болью... долгое время казался мне загадочным... Наконец, я категорически убедился в том, что побудительную силу этим сновидениям дают у мужчин онанистические наклонности периода зрелости» (Фрейд, 1913, с. 211).

⁷ «Как мы узнали, смысл симптома кроется в его связи с переживаниями больного» (Фрейд, 1922 б, с. 60). «Под понятием “смысл” симптома мы объединили двоякого рода представления: откуда он берется и куда, к чему он ведет, т. е. впечатления и переживания, которые его порождают, и цели, которым он служит» (там же, с. 74).

⁸ Все работы А. Адлера мы цитируем здесь по позднейшим переизданиям.

жизни со своими представлениями о трех фундаментальных жизненных проблемах, вытекающих из трех объективных аспектов человеческого бытия (трех «связей»). Факт жизни человека на Земле в конкретных условиях существования порождает проблему труда и профессионального самоопределения; факт жизни человека в обществе порождает проблему межличностных отношений, кооперации и дружбы; факт существования двух полов порождает проблему отношений между ними, любви и брака (*Adler, 1973, 1980, 1982 a, b, 1983*). Смысл жизни, по Адлеру, определяется этими тремя связями, заключен в них, и правильное решение трех жизненных проблем помогает нам найти его (*Adler, 1982 a, b*). Он практически складывается уже в первые четыре-пять лет жизни, выступая, естественно, не в виде словесной формулировки, знания о смысле, а пронизывая наподобие мелодии весь стиль жизни личности и определяя направленность поведенческих проявлений (*Adler, 1980, p. 57–58*).

Адлеровская концепция смысла жизни не безразлична к содержанию этого смысла. «Если бы мы поняли смысл жизни, – пишет он, – то целенаправленный взлет человеческого рода нельзя было бы остановить. У нас была бы общая цель, и все направили бы все свои силы на служение задаче осуществить этот смысл... Смысл нашей жизни был бы компасом для нашего стремления... Пока же мы не обладаем таким смыслом, наши повседневные смыслы во всем своем многообразии кажутся нам – не столько рассудку, сколько чувствам – неустойчивыми и легко взаимозаменяемыми. Мы меняем свою одежду, свой образ мыслей, свою профессию, своих мужей и жен, своих друзей и ищем в них ценности, которые сами же потом отвергнем» (*Adler, 1982 a, S. 79*).

Как психолог, Адлер признает, что никто не может похвастаться обладанием истинным, абсолютным смыслом жизни: смыслов столько же, сколько людей, и ни один смысл жизни, сколько-нибудь выполняющий свою интегрирующую функцию, не может быть назван ложным (*Adler, 1980, p. 4*). Вместе с тем он выделяет психологический критерий «истинности» смысла: «Признак всех истинных “смыслов жизни” – это то, что они являются общими, т. е. такими смыслами, которые другие могут разделять и принимать для себя» (*ibid.*, p. 9). Напротив, отклоняющиеся личности – невротики, психотики, преступники, наркоманы и т. п. обладают лишь приватным смыслом жизни, который замыкается на них самих и «... по сути не является смыслом вообще» (*Adler, 1982 b, S. 83*). «Смысл возможен лишь в коммуникации: слово, которое означает что-то лишь для одного человека, было бы лишено смысла. То же относится к нашим целям и действиям; их единственный смысл – смысл для других»⁹ (*Adler, 1980, p. 8*). В другом месте Адлер, занимая уже этическую позицию, содержательно характеризует смысл жизни как творческий вклад, служение общему делу (*Adler, 1982 b, S. 83*).

Итак, согласно представлениям Адлера, именно смысл жизни – правильный или ложный – находит отражение во всех поведенческих проявлениях, установках, психических процессах и чертах характера индивида и является источником их смысла. Для того чтобы определить смысл отдельных действий, психолог должен уметь оценить смысл жизни индивида.

Однако Адлер идет дальше Фрейда еще в одном отношении. Для него смыслом обладают не только человеческие действия и переживания, но и явления внешнего мира. «Люди живут в мире смыслов, – пишет он. – Мы не воспринимаем обстоятельства сами по себе; мы всегда воспринимаем их в их значении для людей. “Дерево” означает “дерево в его отношении к человечеству”, а “камень” означает “камень, как он может быть включен в человеческую жизнь”... Ни один человек не может уйти от смыслов. Мы воспринимаем действительность всегда через призму смысла, который мы ей придаем» (*ibid.*, p. 14). Такое понимание смысла внешних обстоятельств и ситуаций как их субъективной интерпретации, оставшееся у Адлера неразвернутым, предвосхитило более поздние теоретические модели, которые будут

⁹ Данная цитата взята из книги, опубликованной Адлером лишь на английском языке, в котором «смысл» и «значение» обозначаются одним и тем же словом, что позволяет по-разному прочесть этот текст.

разобраны ниже. Следует лишь добавить, что в последней своей книге «Смысл жизни» (Adler, 1973) он вводит новое понятие, содержательно близкое к только что рассмотренному понятию смысла действительности, а именно «мнение». Адлер говорит про мнение человека о себе и о внешнем мире, о жизни и о ее существенных явлениях, указывая на то, что оно «...лежит в основе картины мира человека и определяет его мышление, чувства, желания и действия» (*ibid.*, S. 32). Мнение, в свою очередь, определяется смыслом жизни и жизненным стилем индивида. Смысл и мнение, по Адлеру, почти никогда не бывают мысленно или понятийно репрезентированы (*ibid.*, S. 34).

Таким образом, в работах Адлера представлен другой подход к проблеме смысла, существенно отличающийся от психоаналитического. Как и Фрейд, Адлер не уделял специально внимания понятийному определению смысла человеческих действий и смысла ситуаций; исходным объяснительным и наиболее проработанным понятием для него выступало понятие смысла жизни.

Отдельные положения, во многом близкие ко взглядам Адлера, содержатся в некоторых работах К.-Г.Юнга. Юнг обращался как к проблеме смысла жизни, так и к проблеме интерпретации смысла сновидений, продуктов фантазии и т. п., хотя нигде понятие смысла не выступало у него предметом специального систематического анализа¹⁰.

В 1917 году Юнг, критикуя односторонность подходов Фрейда и раннего Адлера к проблеме движущих сил поведения и развития личности, выдвигает положение о том, что люди стоят перед задачей обнаружить смысл, благодаря которому они вообще могут жить (Jung, 1953, p. 73)¹¹. «Человек может претерпеть тяжелейшие испытания, если он видит в них смысл. Вся трудность заключается в создании этого смысла» (Юнг, 1991, с. 182). Юнг пишет, что смысл этот нельзя вывести из природных, естественных условий существования человека, из необходимости добывать свой хлеб насущный, кормить семью и воспитывать детей. Смысл жизни связан лишь с постановкой духовных или культурных целей, стремление к которым является необходимым условием душевного здоровья (Jung, 1953, p. 73; 1954 b, p. 86; 1967, S. 57). «Чувство ширящегося смысла существования выводит человека за пределы обыденного приобретения и потребления. Если он теряет этот смысл, то тотчас же делается жалким и потеряннным» (Юнг, 1991, с. 80). Хотя отчасти это положение перекликается с положениями Адлера о взаимосвязи смысла жизни с уникальным стилем жизни индивида, существует принципиальное отличие. Если согласно Адлеру тот или иной смысл жизни автоматически складывается к определенному возрасту у всех людей и может при этом не осознаваться, то для Юнга нахождение и реализация смысла жизни выступают как специфическая потребность и задача. Более того, он приходит к мнению, что «...природа, в своей доброте и терпении, никогда не вкладывает фатальный вопрос о смысле их жизни в уста большинства людей. А там, где некому спрашивать, незачем отвечать» (Jung, 1967, S. 183). В другой работе Юнг затрагивает возрастные и дифференциально-психологические аспекты смысла жизни. Он отмечает, что в молодом возрасте сильнее ориентация на действие, а познание смысла жизни становится важнее в старшем возрасте; важность смысла жизни могут отрицать люди с низкими запросами или не вполне социально приспособленные, а те, кто к этим категориям не относится, столкнутся с этим вопросом наверняка (Юнг, 1993, с. 84, 86).

Насколько можно судить по опубликованным высказываниям, смысл жизни для Юнга не является чем-то сугубо субъективным. Юнг предостерегал от опасности отчуждения личности

¹⁰ Мы оставляем без рассмотрения введенное Юнгом в одной из поздних работ (1952) спекулятивное понятие трансцендентального смысла, конституирующего особого рода акаузальные связи между явлениями – так называемые синхронические связи, призванные, в частности, объяснить соотношение психических и психофизических процессов (см.: Jung, 1967, S. 475–591).

¹¹ Все цитируемые здесь по более поздним переизданиям работы Юнга были впервые опубликованы в 1917–1934 годах.

(self), утраты ее реальности в случае ориентации либо на навязанные извне социальные роли, либо на выдуманный, внушенный самому себе смысл (*Jung, 1953, p. 171*).

Наряду с проблемой смысла жизни и вне прямой связи с ней Юнг рассматривает также проблему толкования смысла сновидений, высказывая взгляды, по сути совпадающие с позицией Адлера по этому вопросу: о недостаточности каузального подхода к толкованию сновидений, об их предвосхищающем характере, о тесной связи смысла сновидений с контекстом непосредственных жизненных обстоятельств и с установкой сознания (*Jung, 1954 a, p. 143–144; 1954 b, p. 101, 155*). Вместе с тем Юнг указывает еще на один важный момент, необходимый для понимания скрытого смысла фантазии: «Психологию отдельного человека никогда нельзя исчерпывающе объяснить из него самого, но надо ясно понять, что индивидуальная психология обусловлена современными ему историческими обстоятельствами и как именно. Она не есть лишь нечто физиологическое, биологическое или личное, но и некая проблема истории того времени» (*Юнг, 1929, с. 459*). Воплощением этой мысли и является понятие архетипа, ставшее одним из центральных в аналитической психологии Юнга. Понятия архетипа и символа позволяют ответить на вопрос об источниках смысла жизни. «Формами придания смысла нам служат исторически возникшие категории, восходящие к туманной древности, в чем обычно не отдают себе отчета. Придавая смысл, мы пользуемся языковыми матрицами, происходящими, в свою очередь, от первоначальных образов» (*Юнг, 1991, с. 121*). Юнг прямо называет архетипы и в особенности символы источниками, придающими смысл нашей жизни.

В психодинамических теориях Фрейда, Адлера и Юнга содержатся в зачаточной форме практически все основные идеи, присущие более поздним подходам к проблеме смысла. Фрейд показал осмысленный характер произвольных поведенческих проявлений и фантазий, проследил связь смысла с актуальными мотивами и историей жизни личности. Адлер обратил внимание на финальные связи поведенческих смыслов со смыслом жизни, с общей ее направленностью, разработал первую психологическую теорию смысла жизни и его влияния на психические процессы, а также обратил внимание на субъективный смысл, который приобретают для человека обстоятельства его жизнедеятельности. Юнг еще раньше, чем Адлер, отметил (правда, в самых общих фразах) фундаментальную направленность человека на отыскание смысла своей жизни, представив ее как специальную задачу и потребность, а также подчеркнул социокультурную обусловленность как индивидуального смысла жизни, так и смысла сновидений и продуктов фантазии.

Характерно, что у Адлера и Юнга смысл предстает как бы двояким образом: с одной стороны, это базисное интегральное образование, детерминирующее содержание и направленность всей жизнедеятельности индивида, а с другой – производный от мотивов и ряда других факторов частный структурный элемент деятельности и сознания индивида. Фактически здесь мы имеем дело с двумя психологическими реальностями, хотя и взаимосвязанными (как это показал Адлер). И не случайно, что в дальнейшем пути исследования этих двух реальностей разошлись: в одних подходах смысл предстает как интегральное образование, в других – как производный структурный элемент. Рассмотрим эти две группы теорий по отдельности.

1.2.2. Смысл как интегративная основа личности

Значительное повышение интереса к проблеме смысла в западной психологии личности и психотерапии приходится на 1950–1960-е годы. В определении причины этого все авторы проявляют редкое единодушие. «Пока жизнь осмысленна, – пишет один из авторов, – люди склонны размышлять и говорить о ее смысле относительно мало. Но как только возникает нехватка или отсутствие смысла, проблема смысла начинает играть важную роль в сознании и самовыражении личности» (*Weisskopf-Joelson, 1968, p. 359*). Ощущение смыслоутраты, по признанию многих философов, социологов, психологов и литераторов, является отличитель-

ной чертой западного общества в послевоенные десятилетия. Осознание проблемы смысла как общественной проблемы не могло не повлиять и на развитие психологической теории. Помимо простого признания роли смысла жизни для душевного здоровья, возник ряд подходов, сделавших сам смысл предметом теоретического анализа.

В специальной статье «Смысл как интегративный фактор» Э.Вайскопф-Джолсон отмечает, что имеющиеся определения смысла группируются преимущественно вокруг трех: смысл как интеграция личной и социальной действительности, смысл как объяснение или интерпретация жизни и смысл как жизненная цель или задача. Первое определение самое широкое и включает в себя второе, которое, в свою очередь, включает в себя третье, самое узкое определение (*Weisskopf-Joelson*, 1968). Наиболее развернутые теоретические представления о смысле представлены в теории Ф.Феникса в рамках первого понимания, Дж. Ройса в рамках второго и В.Франкла в рамках третьего понимания смысла. Рассмотрим их в обратном порядке, начиная с самой узкой трактовки смысла как жизненной задачи.

Представление о смысле как о жизненной задаче подробно разработано в теории личности и психотерапии Виктора Франкла. В своем учении Франкл выделяет три основные части: учение о стремлении к смыслу, учение о смысле жизни и учение о свободе воли.

Стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни Франкл рассматривает как врожденную мотивационную тенденцию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем поведения и развития личности. Это «...наиболее человеческий феномен, так как животное никогда не бывает озабочено смыслом своего существования» (*Франкл*, 1997, с. 14). Из жизненных наблюдений, клинической практики и разнообразных эмпирических данных Франкл заключает, что для того, чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в смысл, которым обладают его поступки. «Даже самоубийца верит в смысл – если не жизни, то смерти» (*Frankl*, 1979, S. 236), в противном случае он не смог бы шевельнуть и пальцем для того, чтобы реализовать свой замысел.

Отсутствие смысла порождает у человека состояние, которое Франкл называет экзистенциальным вакуумом. Именно экзистенциальный вакуум, согласно наблюдениям Франкла, подкрепленным многочисленными клиническими исследованиями, является причиной, порождающей в широких масштабах специфические «ноогенные неврозы», распространившиеся в послевоенный период в странах Западной и Восточной Европы и в еще больших масштабах в США, хотя некоторые разновидности таких неврозов (например, «невроз безработицы») были описаны еще раньше. Необходимым же условием психического здоровья является определенный уровень напряжения, возникающего между человеком, с одной стороны, и локализованным во внешнем мире объективным смыслом, который ему предстоит осуществить, – с другой (*Франкл*, 1990, с. 63–65). Смысл должен всегда находиться впереди бытия (*Frankl*, 1967, р. 12), и его основная функция, «смысл смысла – задавать темп бытию» (*Frankl*, 1969, р. 51). Итак, человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным.

Учение о смысле жизни учит, что смысл «в принципе доступен любому человеку, независимо от пола, возраста, интеллекта, образования, характера, среды, а также религиозности и вероисповедания» (*Frankl*, 1985, р. 274). Однако нахождение смысла – это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни – жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него – не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации. В психологической же структуре личности Франкл выделяет особое «ноэтическое измерение», в котором локализованы смыслы. Это измерение, как явствует из построенной Франклом чрезвычайно наглядной «дизименциональной онтологии» (*Франкл*, 1990, с. 4953), несводимо к измерениям биологического и психологического существования

человека; соответственно, смысловая реальность не поддается объяснению через психологические и, тем более, биологические механизмы и не может изучаться традиционными психологическими методами. Смысл жизни может быть невыразим словесно или даже вообще невыразим (*Frankl, 1973, p. 27*).

Утверждая уникальность и неповторимость смысла жизни каждого человека, Франкл тем не менее отвергает некоторые из «философий жизни». Так, смыслом жизни не может быть наслаждение, ибо оно есть внутреннее состояние субъекта (*Frankl, 1979, S. 223*). По той же логике человек не может стремиться к счастью, он может искать лишь причины для счастья. Борьба за существование и стремление к продолжению рода также оправданы постольку, поскольку сама жизнь уже обладает каким-то независимым от этого смыслом.

Положение об уникальности смысла не мешает Франклу дать также содержательную характеристику возможных позитивных смыслов. Для этого он вводит представление о ценностях – смысловых универсалиях, кристаллизовавшихся в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми обществу или человечеству пришлось сталкиваться. Это позволяет обобщить возможные пути, посредством которых человек может сделать свою жизнь осмысленной: «Во-первых, с помощью того, *что мы даем жизни* (в смысле нашей творческой работы); во-вторых, с помощью того, *что мы берем* от мира (в смысле переживания ценностей), и, в-третьих, посредством *позиции, которую мы занимаем* по отношению к судьбе, которую мы не в состоянии изменить» (*Frankl, 1967, p. 15*). Соответственно этому членению выделяются три группы ценностей: ценности творчества, ценности переживания и ценности отношения.

Приоритет принадлежит ценностям творчества, основным путем реализации которых является труд. При этом «...смысл и ценность приобретает труд человека как его вклад в жизнь общества, а не просто как его занятие» (*Франкл, 1990, с. 233*). Смысл труда человека заключается прежде всего в том, что человек делает сверх своих предписанных служебных обязанностей, что он привносит как личность в свою работу. Ценности творчества являются наиболее естественными и важными, но не необходимыми. Смысл жизни может, согласно Франклу, придать задним числом одно-единственное мгновение, одно ярчайшее переживание. Из числа ценностей переживания Франкл подробно останавливается на любви, которая обладает богатым ценностным потенциалом. Любовь – это взаимоотношения на уровне духовного, смыслового измерения, переживание другого человека в его неповторимости и уникальности, познание его глубинной сущности. Вместе с тем и любовь не является необходимым условием или наилучшим вариантом осмысленности жизни. «Индивид, который никогда не любил и не был любим, тем не менее может сформировать свою жизнь весьма осмысленным образом» (*там же, с. 253*).

Основной пафос и новизна подхода Франкла связаны у него, однако, с третьей группой ценностей, которым он уделяет наибольшее внимание, – с ценностями отношения. К этим ценностям человеку приходится прибегать, когда он оказывается во власти обстоятельств, которые он не в состоянии изменить. Но при любых обстоятельствах человек свободен занять осмысленную позицию по отношению к ним и придать своему страданию глубокий жизненный смысл. «Как только мы добавляем ценности отношения к перечню возможных категорий ценностей, – пишет Франкл, – становится очевидным, что человеческое существование никогда не может оказаться бессмысленным по своей внутренней сути. Жизнь человека сохраняет свой смысл до конца – до последнего дыхания» (*там же, с. 175*). Пожалуй, наибольшие практические достижения логотерапии связаны как раз с ценностями отношения, с нахождением людьми смысла своего существования в ситуациях, представляющихся безвыходными и бессмысленными. Франкл считает ценности отношения в чем-то более высокими, хотя их приоритет наиболее низкий – обращение к ним оправдано, лишь когда все остальные возможности более активного воздействия на собственную судьбу исчерпаны (*Frankl, 1973, 1979*).

Правильной постановкой вопроса, однако, является, согласно Франклу, не вопрос о смысле жизни вообще, а вопрос о конкретном смысле жизни данной личности в данный момент. «Ставить вопрос в общем виде – все равно, что спрашивать у чемпиона мира по шахматам: “Скажите, маэстро, какой ход самый лучший?”» (*Frankl*, 1984, p. 113). Каждая ситуация несет в себе свой смысл, разный для разных людей, но для каждого он является единственным и единственно истинным. Не только от личности к личности, но и от ситуации к ситуации этот смысл меняется (*Frankl*, 1969, 1979).

Вопрос о том, как человек находит свой смысл, является ключевым для практики логотерапии. Франкл не устает подчеркивать, что смыслы не изобретаются, не создаются самим индивидом; их нужно искать и находить. Смыслы не даны нам, мы не можем выбрать себе смысл, мы можем лишь выбрать себе призвание, в котором мы обретем смысл. В нахождении и отыскании смыслов человеку помогает совесть, анализу которой Франкл посвятил книгу «Подсознательный Бог». Франкл определяет совесть как смысловой орган, как интуитивную способность отыскивать единственный смысл, кроющийся в каждой ситуации (*Frankl*, 1969, p. 63; 1979, S. 156). Совесть помогает человеку найти даже такой смысл, который может противоречить сложившимся ценностям, когда эти ценности уже не отвечают быстро изменяющимся ситуациям. Именно так, по Франклу, зарождаются новые ценности. «Уникальный смысл сегодня – это универсальная ценность завтра» (*Франкл*, 1990, с. 296).

В самом процессе усмотрения смысла Франкл не видит ничего, что не сводилось бы к общепсихологическим закономерностям человеческого познания. В наиболее общем виде Франкл характеризует познание смысла как нечто среднее между «Ага-переживанием» по Карлу Бюлеру и восприятием гештальта по Макс Вертхаймеру (*Frankl*, 1984, p. 145). Проводя параллель с закономерностями выделения фигуры из фона, Франкл пишет, что восприятие смысла есть «...осознание возможности на фоне действительности или, проще говоря, осознание того, что можно сделать по отношению к данной ситуации» (*Frankl*, 1985, p. 260).

Из закономерностей нахождения смысла человеком вытекают и специфические задачи и ограничения логотерапии. Никто, и лого-терапевт в том числе, не может дать нам тот единственный смысл, который мы можем найти в нашей жизни, в нашей ситуации. Однако логотерапия ставит своей целью расширение возможностей клиентов видеть весь спектр потенциальных смыслов, которые может содержать в себе любая ситуация. «Все, что мы можем делать – это быть открытыми для смыслов, сознательно стараться увидеть все возможные смыслы, которые предоставляет нам ситуация, и затем выбрать один, который, насколько нам позволяет судить наше ограниченное знание, мы считаем истинным смыслом данной ситуации» (*Frankl*, 1969, p. 51).

Однако найти смысл – это полдела; необходимо еще осуществить его. Человек несет ответственность за осуществление уникального смысла своей жизни. Осуществление смысла – процесс не простой и далек от того, чтобы совершаться автоматически, коль скоро смысл найден. Франкл характеризует стремление, порожаемое смыслом (в отличие от влечений, порождаемых потребностями), как то, что требует постоянного принятия индивидом решения, желает ли он осуществить его в данной ситуации или нет (*Франкл*, 1990, с. 63). Осуществление смысла является для человека императивной необходимостью по причине конечности, ограниченности и необратимости бытия человека в мире, невозможности отложить что-то на потом, неповторимости тех возможностей, которые предоставляет человеку каждая конкретная ситуация. Осуществляя смысл своей жизни, человек тем самым осуществляет себя; так называемая самоактуализация является лишь побочным продуктом осуществления смысла. Тем не менее человек никогда так и не знает, до самого последнего мгновения, удалось ли ему действительно осуществить смысл своей жизни.

Поскольку стремление к реализации уникального смысла своей жизни делает каждого человека уникальной личностью, Франкл говорит также о смысле самой личности человека,

его индивидуальности. Смысл человеческой личности всегда связан с обществом; в своей ориентации на общество смысл индивида трансцендирует себя (*там же*, с. 198–200). И наоборот, смысл общества, в свою очередь, конституируется существованием индивидов.

Нам остается охарактеризовать лишь еще одно введенное Франклом понятие, а именно понятие сверхсмысла. Речь идет о смысле того целого, в свете которого приобретает смысл человеческая жизнь, т. е. о смысле Вселенной, о смысле бытия, о смысле истории. Этот смысл трансцендентен человеческому существованию, поэтому никакой ответ на вопрос о сверхсмысле дать невозможно. Франкл подчеркивает, что из этого не следует вывод о бессмысленности или абсурдности бытия, с чем якобы приходится мириться человеку. Человеку приходится мириться с другим – с невозможностью охватить бытие в целом, с невозможностью познать его сверхсмысл. Естественно, что сверхсмысл осуществляется независимо от жизни отдельных индивидов. Так, «...история, в которой осуществляется сверхсмысл, происходит либо через посредство моих действий, либо наперекор моему бездействию» (*Frankl, 1979, S. 275*).

Итак, основной тезис учения Франкла о смысле жизни: *жизнь человека не может лишиться смысла ни при каких обстоятельствах; смысл жизни всегда может быть найден.*

Основной тезис третьего учения Франкла – учения о свободе воли – гласит, что *человек свободен найти и реализовать смысл жизни, даже если его свобода заметно ограничена объективными обстоятельствами.* Признавая очевидную детерминированность человеческого поведения, Франкл отрицает его пандетерминированность. «Необходимость и свобода локализованы не на одном уровне; свобода возвышается, надстроена над любой необходимостью» (*Франкл, 1990, с. 106*). Франкл говорит о свободе человека по отношению к своим влечениям, к наследственности и к факторам и обстоятельствам внешней среды.

Свобода по отношению к влечениям проявляется в возможности сказать им «нет», принять или отвергнуть их. Даже когда человек действует под влиянием непосредственной потребности, он позволяет ей определять свое поведение и сохраняет свободу не позволить этого. Аналогичным образом обстоит дело и тогда, когда речь идет о детерминации человеческого поведения ценностями или моральными нормами – человек позволяет или не позволяет себе быть ими детерминированным. Свобода по отношению к наследственности – это отношение к ней как к материалу, возможность свободного духа строить из этого материала то, что ему необходимо. Франкл характеризует организм как инструмент, как средство, которым пользуется личность для реализации своих целей. Похожие отношения существуют между личностью и характером, который также сам по себе не определяет поведения. Напротив, в зависимости от личности характер может претерпевать изменения или сохранять свою неизменность. Свобода человека по отношению к внешним обстоятельствам хотя и не беспредельна, но существует, выражаясь в возможности занять по отношению к ним ту или иную позицию. Тем самым само влияние обстоятельств на человека опосредуется позицией человека по отношению к ним.

Человек свободен благодаря тому, что его поведение определяется прежде всего ценностями и смыслами, локализованными в ноэтическом измерении и не испытывающими детерминирующих воздействий со стороны рассмотренных выше факторов. «Человек – это больше, чем психика: человек – это дух» (*Frankl, 1967, p. 63*). В этом своем качестве человек характеризуется двумя фундаментальными онтологическими характеристиками: способностью к самотрансценденции и способностью к самоотстранению. Первая выражается в постоянном выходе человека за пределы самого себя, в направленности его на что-то, существующее вне его. Вторая выражается в возможности человека подняться над собой и над ситуацией, посмотреть на себя со стороны. Эти две способности позволяют человеку быть (не абсолютно, а в определенных пределах) самодетерминирующим существом; механизмы этой самодетерминации принадлежат к ноэтическому измерению человека.

Наконец, важным вопросом учения о свободе воли является вопрос, *для чего* человек обладает свободой. В разных работах Франкл предлагает несовпадающие формулировки,

однако общий их смысл – это свобода взять на себя ответственность за свою судьбу, свобода слушать свою совесть и принимать решения о своей судьбе. Это свобода изменяться, свобода от того, чтобы быть именно таким, и свобода стать другим. Франкл определяет человека как существо, которое постоянно решает, чем он будет в следующий момент. Свобода – это не то, что он имеет, а то, что он есть. «Человек решает за себя; любое решение есть решение за себя, а решение за себя – всегда формирование себя» (Франкл, 1990, с. 114).

Принятие такого решения – акт не только свободы, но и ответственности. Свобода, лишенная ответственности, вырождается в произвол. Эта ответственность сопряжена с бременем выбора человеком, какие таящиеся в мире и в нем самом возможности заслуживают реализации, а какие нет. Это ответственность человека за аутентичность его бытия, за правильное нахождение и реализацию им смысла своей жизни. По сути, это ответственность человека за свою жизнь.

Таким образом, идея смысла жизни как интегрирующего фактора человеческой жизни, намеченная в работах А.Адлера и К.Г.Юнга, легла у В.Франкла в основу теории личности и была разработана им весьма детально. В отличие от Адлера, для которого смысл жизни выступал как нечто произвольно и неизбежно складывающееся в первые годы жизни, для Франкла обретение и реализация смысла выступают как стоящая перед человеком задача, на решение которой он направляет все свои усилия, причем успех в ее решении не гарантирован, а неудача приводит к серьезным нарушениям личностного развития. Нам представляется важным положение Франкла об особой смысловой реальности, смысловом измерении, не сводимом к психической реальности.

Иная трактовка смысла (точнее, личностного смысла) в его интегрирующей функции – как интерпретации жизни – представлена теорией личности и индивидуальных различий, разработанной канадским философом и психологом Дж. Ройсом совместно с А.Пауэллом (Royce, 1964; Royce, Powell, 1983). Ройс и Пауэлл считают, что понятие личностного смысла является не только наиболее молярным и диффузным, но также и наиболее важным психологическим понятием. «Осознанно и неосознанно смысл проникает во все, что индивиды делают, думают, чувствуют и во что верят, и вызывает огромный диапазон реакций... Несмотря на трудности исследования личностного смысла с эмпирических научных позиций, любая теория личности и индивидуальных различий, осознающая всю сложность своего предмета, не может обойтись без него в качестве важной первичной данности. Этим мы хотим сказать, что теория личности должна начинаться с постулата, что люди переживают свою жизнь в свете того, что они считают “осмысленным”, то есть в свете индивидуальных подходов к жизни» (Royce, Powell, 1983, p. 234).

Понятие личностного смысла ассоциируется у Ройса и Пауэлла с понятием значимости, «которую каждый индивид приписывает критическим аспектам бытия» (*ibid.*). Хотя, в отличие от психодинамических теорий Фрейда, Адлера и Юнга и ноодинамической теории Франкла, Ройс и Пауэлл работают в парадигме академической науки, это не мешает им содержательно концептуализировать понятие личностного смысла, несмотря на всю его диффузность. В построенной ими иерархической системно-факторной модели личности личностный смысл занимает вершину иерархии. Основной функцией интегративной сверхсистемы, обозначаемой термином «личность», являются, по Ройсу и Пауэллу, поддержание, оптимизация и стабилизация личностного смысла, который рассматривается как чисто субъективное образование. Позиция Ройса и Пауэлла прямо противоположна в этом отношении позиции Франкла: «Личностный смысл не есть нечто существующее во внешнем мире или противостоящее индивидам извне и диктующее, какой шаг им предпринять. Это видение, которое каждый из нас должен создавать для себя заново» (*ibid.*, p. 8). В поиске личностного смысла человек сталкивается с тремя вопросами: 1) в каком мире я живу? 2) как я могу прожить свою жизнь, чтобы

наилучшим образом удовлетворить мои потребности и ценности? И 3) кто я? Отвечая на эти вопросы, человек формирует свою картину мира, стиль жизни и образ своего Я (*ibid.*, р. 3–4).

Связь смысла с мировоззрением является для Ройса ключевой. Еще в книге «Инкапсулированный человек» (*Royce, 1964*) он развил своеобразный подход к проблеме упомянутой выше смыслоутраты, связав ее с гносеологической инкапсуляцией человека, т. е. с ограниченностью его видения мира, склонностью на основании частных данных делать выводы о целом. Результатом подобной инкапсуляции является неудача в нахождении смысла вследствие неудовлетворительности и ограниченности субъективной картины мира. Путь к обретению смысла связан, по Ройсу, с более высоким уровнем осознания действительности (*ibid.*, р. 84). Ройс отмечает роль ценностей, выступающих как «мост между смыслом и личностью» (*ibid.*, р. 103). На литературных примерах он показывает, что глубина смысла обусловлена ориентацией на ценности, согласующиеся с индивидуальностью конкретной личности. Ройс также указывает на связь смысла с наличием структурной организации. Пытаясь в целом ответить на вопрос, откуда берется смысл, Ройс пишет: «Он возникает как функция внутренней структуры индивида, структуры вне его и структуры взаимодействия организм-среда... Ключ к личностному смыслу заложен в структуре эпистемологических и ценностных иерархий каждого индивида» (*Royce, 1964, р. 100*). В одной из статей того же времени Ройс делает важное добавление, что жизнь воспринимается нами не только в свете повседневных активностей и не только в свете глобального смысла всей жизни, но и в свете еще более глобального смысла существования человечества (см.: *Royce, Powell, 1983, р. 248*).

Ройс и Пауэлл отмечают, что личностный смысл развивается в течение жизни, смещаясь с физиологических потребностей в младенческом возрасте на ценности в возрасте более старшем; в целом с возрастом усиливается его экзистенциальная ориентация (*ibid.*, р. 247). Наконец, как и многие другие авторы, Ройс считает фрустрацию потребности в смысле причиной ряда психологических расстройств, образующих ядро того, что принято называть психическими заболеваниями. Он пытается даже объяснить широким распространением смыслоутраты факт бурного роста психологии и психиатрии в нашем столетии (*Royce, 1964, р. 76*).

С идеями Дж. Ройса во многом перекликается достаточно оригинальный подход М. Чиксентмихали. Он посвятил проблеме смысла последнюю главу книги, в которой излагает свою теорию «потока» и «текучего переживания» (*Csikszentmihalyi, 1990*). М. Чиксентмихали начинает с констатации того, что наивно полагать, будто жизнь может иметь единый всеохватывающий смысл, в свете которого приобретает смысл любая активность в настоящем, прошлом и будущем, если под смыслом понимать глобальную, общую для всех цель. Но если такого априорного смысла нет, это не значит, что жизни не может быть придан смысл. «Большая часть того, что мы называем культурой и цивилизацией, состоит в предпринимавшихся людьми попытках, обычно с минимальными шансами на успех, создать ощущение смысла и цели для себя и своих потомков» (*ibid.*, р. 215). Констатируя трудности с определением понятия «смысл», М. Чиксентмихали связывает смыслообразование (*meaning making*) с внесением порядка в содержание сознания через интеграцию своих действий в единое переживание потока (*ibid.*, р. 216). Это, в свою очередь, может быть достигнуто тремя путями. Первый – наличие цели. Все культуры содержат в себе системы смыслов, могущие служить целевыми ориентирами, на которые человек направляет свои текущие цели. Второй – воплощение цели в действиях. Любая цель влечет за собой ряд последствий, и если человек не готов иметь с ними дело, цель лишается смысла. И третий, являющийся результатом первых двух, – внесение гармонии в сознание. «Тот, кто находится в гармонии, неважно, что он делает, неважно, что с ним происходит, знает, что его психическая энергия не растрачивается на сомнения, сожаления, вину и страх, но всегда применяется с пользой. Внутреннее согласие в конечном счете приводит к той внутренней силе и спокойствию, которые восхищают нас в людях, пришедших, по-видимому, к согласию с самими собой» (*ibid.*, р. 217).

Наиболее развернутым подходом к смыслу в аспекте интеграции личной и социальной действительности является теория Ф.Феникса (*Phenix*, 1964). Поставив задачей философское обоснование принципов построения системы образования, Феникс строит в своей книге «Миры смысла» всесторонне разработанную философски-психологическую теорию смысла.

Как и ряд рассмотренных выше авторов, Феникс связывает саму сущность человека с его направленностью на осуществление смысла. «Человек – это существо, отличительная особенность жизни которого заключается в обладании смыслами и основной целью которого является их реализация... Его постоянно волнуют желания, чуждые животному существованию. В действительности он стремится к смыслу, и, осознает он это или нет, все его стремления, каков бы ни был их видимый объект, направлены на расширение и углубление смысла» (*ibid.*, p. 344). В другом месте он определяет человека как существо, «создающее, открывающее, воспринимающее смыслы, наслаждающееся ими и действующее по отношению к ним» (*ibid.*, p. 48). Феникс утверждает даже, что «...нет человека, для которого развитие внутренней жизни смысла не являлось бы реальной целью всех его стремлений» (*ibid.*, p. 345), противореча тем самым собственному утверждению, что «сущность человека» характеризует лишь идеал, а не реальные факты (*ibid.*, p. 232).

Феникс пишет, что о смыслах следует говорить во множественном числе. Все возможное многообразие человеческих смыслов сводится к шести смысловым реальностям: символической, эмпирической, эстетической, синноэтической, этической и синоптической. Символика включает в себя языковые и другие, в том числе недискурсивные, символические структуры, служащие для выражения и коммуникации любых смыслов. Эмпирика содержит фактическое знание о действительности. Эстетика охватывает разные виды искусства, содержанием которых является воплощенная в значимых смыслах уникальная субъективность автора. Синноэтика охватывает сферу значимых межличностных отношений. Этика связана со смыслами человеческих моральных обязанностей и добровольно принимаемых решений. Наконец, синоптика имеет дело с интегративными смыслами, объединяющими в единую перспективу смыслы, принадлежащие ко всем остальным реальностям. Синоптика объединяет такие области знания, как историю, религию (в широком смысле слова) и философию, каждая из которых осуществляет смысловую интеграцию в своем особом ракурсе. Различение шести реальностей выступает как чисто теоретическое; «любой конкретный смысл может рассматриваться как выражение одного из фундаментальных смыслов или как комбинация двух или более из них. На практике смыслы редко выступают в чистой и простой форме; они почти всегда образованы из нескольких элементарных» (*ibid.*, p. 8). Шесть смысловых реальностей взаимосвязаны и являются частями единой иерархической смысловой системы.

Из всех авторов, рассматривавших смысл как интегративную структуру личности, Феникс дает наиболее подробное аналитическое описание самого смысла, хотя определение смысла у него, как и у других, отсутствует. Он выделяет четыре параметра смысла: 1) переживание, рефлексивное самоосознание, опосредующее поведенческие реакции; 2) логические принципы структурирования этого переживания; 3) выбор значимых смыслов из множества потенциальных комбинаций и разработка их в русле сложившихся в цивилизации традиций и 4) выражение смысловых структур посредством соответствующих символических форм (*ibid.*, p. 22–25). Очень важна такая принципиальная характеристика смыслов, как их социальность: «Они являются общими. Никто не может жить осмысленно в изоляции. Общность смысла характеризует все реальности без исключения. Любая смысловая структура является совместным способом понимания» (*ibid.*, p. 13).

Смыслы выступают у Феникса как предмет обучения. «Различные структуры знания суть различные смыслы» (*ibid.*, p. X). Обучение призвано обеспечить развитие смыслов во всем их разнообразии и обеспечить их интеграцию в иерархическую систему. Вместе с тем над людьми постоянно висит угроза смыслоутраты, в каждой из шести реальностей порождаемая своими

специфическими факторами. Кроме них, Феникс выделяет еще такие общие факторы, способствующие утрате смысла, как распространение духа критицизма и скептицизма, деперсонализация и фрагментация жизни, обилие культурной продукции, подлежащей усвоению, и быстрый темп изменений условий жизни (*ibid.*, р. 5). «Люди одновременно сопротивляются и отрекаются от смыслов и ищут и утверждают их, культуры одновременно разрушают смыслы и творят их» (*ibid.*, р. 30). Все же в целом Феникс занимает скорее оптимистическую позицию, формулируя в качестве цели образования осуществление человеческой жизни посредством расширения и углубления смысла.

В заключение этого раздела остановимся еще на двух подходах к смыслу как интегративной структуре личности, которые, однако, нельзя с уверенностью отнести к какой-то одной из трех рубрик, выделенных Э.Вайскопф-Джолсон (*Weisskopf-Joelson*, 1968). Первый из них – это экзистенциальная персонология С.Мадди (*Maddi*, 1971, 1983), который также отводит смыслу роль высшего интегративного начала личности, почти не поясняя, однако, при этом, что такое смысл. «Человек не может стать взрослым, не решив, что является стоящим, что интересным, что истинным, чем стоит заниматься. Если человек работает, растит семью, вступает в клубы, собирает гостей, влюбляется, принимает вызов, то это потому, что все это – виды деятельности, приносящие ему какой-то смысл. Как только мы примем, что любая деятельность может иметь или не иметь для нас смысл, нам уже не избежать экзистенциального вопроса о том, почему мы вообще встаем с постели по утрам и, далее, почему мы продолжаем жить» (*Maddi*, 1971, р. 137). Мадди постулирует у человека врожденную потребность в поиске смысла, выделяя три общие группы человеческих потребностей, – физиологические, социальные и психологические. Нахождение смысла обеспечивается благодаря основным психологическим потребностям: потребностям символизации, воображения и суждения. «В конечном счете цель или объект всех трех психологических потребностей, вместе взятых, – увеличение смысла. Отчетливо что-то осознать – значит вложить в это больше смысла, чем оно бы имело, будучи неосознанным. Стремиться к изменениям – значит пытаться повысить осмысленность переживания, делая его более волнующим, менее скучным. Наконец, упорядочивать опыт в свете ценностных суждений и предпочтений – значит повышать его осмысленность, помещая его в личностный контекст» (*ibid.*, р. 153).

Разное соотношение трех групп потребностей лежит в основании выделения Мадди двух путей развития личности: конформистского и индивидуалистского. Индивидуалист характеризуется развитыми психологическими потребностями, которые обеспечивают возможность понимать и контролировать социальные и биологические побуждения. Такой человек обладает собственным смыслом и проходит свой жизненный путь, будучи в состоянии контролировать свою жизнь. Конформист воспринимает себя (и других) как не более чем воплощение социальных ролей и биологических нужд. Психологические потребности являются для него источником тревоги и подавляются им. Такой человек «...принимает смысл, налагаемый на него обществом и собственным телом, которые он воспринимает как абсолюты, требующие от него служения им без малейшей возможности выбора. Такой человек подвержен стрессам, которые способны пошатнуть эту смысловую ориентацию» (*ibid.*, р. 183). Итогом является развитие различных форм «экзистенциального недуга» – под этим термином у Мадди фигурирует уже неоднократно рассматривавшаяся нами смыслоутрата. Человек встает на один из двух путей развития – конформистский или индивидуалистский – в результате выбора между будущим (неизвестность) и прошлым (неизменность). Делая этот выбор, человек создает смысл (*Maddi*, 1983).

Подход к смыслу в экзистенциально-аналитической теории Дж. Бьюдженталя (*Bugental*, 1981) также отличается от всех рассмотренных выше. Бьюдженталь не соглашается ни с теми, кто считает, что смыслы (*meanings*) мы находим в мире как нечто данное, ни с теми, кто считает смысл порождением самой личности, проецируемым в мир. «Мы напрасно ищем предустанов-

ленную значимость в нас самих или в нашем мире» (*ibid.*, p. 304). Смыслы, по Бьюдженталю, производны от нашего бытия в мире. «Мы конструируем смыслы событий, исходя из того, кем мы являемся и чем являются объекты, включенные в это событие» (*ibid.*, p. 403). Смыслоутрата или ощущение ее угрозы как раз и являются осознанием того, что мир не обеспечивает человека смыслом автоматически. Тем самым на человека ложатся ответственность за создание своими действиями осмысленности и сопровождающая эту ответственность экзистенциальная тревога за последствия своего выбора. Хотя смысл у Бьюдженталья уже не выступает как нечто первичное, независимое от личности, он не теряет при этом роли интегративной личностной структуры, характеризующей одно из основных свойств человека: его интенциональность.

В более поздних работах на первый план для Бьюдженталья выходит понятие жизненности. «Каждый из нас знает, что он живой, и каждый стремится быть более живым, поскольку он знает, что слишком часто он не такой живой, каким мог бы быть и каким он хочет быть» (*Bugental, 1988, p. 1*). Ключом к нашей более полной, витальной жизненности является смысл (*sense*). Это «внутреннее зрение», которое позволяет нам осознать, насколько наш внешний опыт экзистенциально согласуется с нашей внутренней природой (*ibid.*, p. 2). Оно настроено на нашу уникальную жизнь. «Полагаться в принятии решений на правила и установления, зависеть от абстрактных принципов (например, “справедливость”) и перекладывать ответственность на других – все это способствует подавлению осознания нашего внутреннего смысла, который нужен нам, чтобы ощущать витальность нашей жизни. Мои выборы должны находиться в гармонии с моим внутренним смыслом для того, чтобы они имели для меня силу» (*ibid.*, p. 100).

Обобщить пять теоретических подходов к проблеме смысла, представленных в данном разделе, – непростая задача. Хотя все они продолжают заложенную Юнгом и Адлером традицию, согласно которой принципиальной особенностью человека является его направленность на поиск и реализацию смысла, тем не менее конкретные представления о смысле и его интегративном воздействии на личность весьма различны. Не удивительно, что все рассмотренные авторы крайне редко ссылаются в своих работах друг на друга. Феникс понимает смысл как нечто чисто объективное, существующее в мире, но уникальное и единственное для каждого субъекта; Ройс – как субъективное видение, накладываемое на мир, а Бьюдженталь – как продукт взаимодействия субъекта с миром или как глубинное внутреннее чувство. Феникс говорит о смыслах во множественном числе, Мадди и Ройс – в единственном, а Франкл и Бьюдженталь объединяют и то и другое. По Франклу, задачей человека является найти и реализовать смысл; по Фениксу – расширять и углублять его; по Ройсу, наоборот, стабилизировать; по Мадди – создавать смысл в процессе принятия решений, а по Бьюдженталю – осознать его и ориентироваться на него.

Понять такие расхождения можно, если вспомнить о роли, отводимой этими авторами смыслу в понимании личности. Практически у всех смысл выступает как предельная категория, которую невозможно определить в рамках данной конкретной психологической теории, и природу смысла остается лишь постулировать, выводя уже из этих постулатов остальные положения теории. Поэтому те подходы, в которых смысл выступает как высшая интегративная основа личности, характеризующая ее сущность, не могут помочь нам в определении того, что есть смысл, хотя отвечают на целый ряд вопросов, касающихся влияния смысла на поведение и развитие личности. Для того чтобы найти ответ на вопрос о самой природе смысла, обратимся ко второй группе подходов, а именно к тем, в которых смысл выступает как *структурный элемент процессов сознания и деятельности человека*.

1.2.3. Смысл как структурный элемент сознания и деятельности

Вторая большая группа теоретических подходов, к рассмотрению которых мы обратимся, апеллирует к смыслам во множественном числе, рассматриваемым как неотъемлемая часть самих механизмов функционирования сознания и деятельности человека. Приведенное ниже высказывание характеризует то общее, что объединяет эти подходы и что отличает их от первой группы теорий, рассмотренных выше: «Человек устроен и функционирует так, что он перерабатывает и производит смыслы. В таком случае, пока человек жив и здоров, он не может не иметь дела со смыслами и не вычерпывать их из своего опыта. Говорить, что у него есть потребность найти смысл, столь же некорректно и столь же вводит в заблуждение, как и утверждение, что автоматическая вязальная машина обладает потребностью вязать или что у семени есть потребность прорасти... Я убежден, что для структуры нервной системы человека, заложенной в организме, порождение смыслов столь же естественно, как и выделение пота потовыми железами» (Holt, 1976, p. 192).

Вместе с тем разделяющие эту общую позицию авторы представляют не менее широкий спектр конкретных представлений о смысле, чем спектр теорий, рассматривающих смысл как интегративную основу личности. Условно «рассортировать» все эти подходы в целях удобства анализа нам помогает выдвинутое одним из авторов положение о трех источниках критериев для внутреннего оценивания субъективных смыслов: 1) внешний мир, включая других людей, рассматриваемых как объекты; 2) внутренний мир и 3) другие люди как носители общего смысла (Thomas, 1985, p. 246). Отталкиваясь от этого, нам представляется удобным разделить рассматриваемые нами подходы на три группы: 1) подходы, в которых смысл действий и ситуаций для субъекта задается объективными отношениями; 2) подходы, в которых смысл выступает как чисто субъективная интерпретация действительности, и 3) подходы, в которых смысл задается социальной общностью, рассматривается в плоскости отношений с другими людьми. Содержательно это членение оказывается подобным членению теорий, рассмотренных в предыдущем разделе в соответствии со схемой Э.Вайскопф-Джолсон; более подробно мы остановимся на этом в конце главы.

Теоретическая основа исследований смысла под объективным углом зрения была заложена в 1920-1930-е годы авторами, не пользовавшимися понятием «смысл». Главная роль в этом принадлежит, несомненно, теории личности К.Левина, описывающего интересующие нас явления в терминах валентности или требовательного характера объектов. Теоретическое объяснение механизмов поведения в терминах валентности очень близко объяснению в терминах смыслов, например, теории Ж.Нюттена, которая будет рассмотрена несколько ниже. Поэтому мы включили в наш обзор некоторые теоретические подходы к объяснению механизмов поведения в терминах валентности и требовательного характера, относимые Х.Хекхаузенем (1986 а) к числу теорий ожидания-привлекательности. Речь идет прежде всего о теориях К.Левина и Э.Толмена.

К.Левин уже в первой своей большой теоретической работе «Намерение, воля и потребность» (Lewin, 1926) вводит понятие требовательного характера, которое занимает одно из центральных мест в объяснении им механизмов поведения. Констатируя известный факт, что мы всегда воспринимаем предметы пристрастно, они обладают для нас определенной эмоциональной окраской, Левин замечает, что помимо этого они как бы требуют от нас выполнения по отношению к себе определенной деятельности. «Хорошая погода, определенный ландшафт влекут нас к прогулке. Ступеньки лестницы побуждают двухлетнего ребенка подниматься и спускаться; двери побуждают его открывать и закрывать их, мелкие крошки – собирать их; собака – ласкать ее; ящик с кубиками побуждает к игре; шоколад, кусок пирожного хочет быть съеден и т. д.» (ibid., S. 60). Требовательные характеры могут различаться по интенсив-

ности и по знаку (притягательный или отталкивающий), но это, по Левину, не главное. Гораздо более характерно то, что требования побуждают к определенным, более или менее узко очерченным действиям и что эти действия могут быть чрезвычайно различными, даже если ограничиться только положительными требовательными характерами. На последующих страницах Левин дает богатое описание феноменологии требовательных характеров: они меняются в зависимости от ситуации, а также в результате осуществления требуемых действий. Так, например, как показали проведенные под руководством Левина эксперименты А.Карстен (*Karsten*, 1928), насыщение ведет к потере объектом и действием требовательного характера, а пресыщение выражается в смене положительного требовательного характера отрицательным; одновременно положительный требовательный характер приобретают посторонние вещи и занятия, особенно в чем-то противоположные исходному. Требовательный характер может фиксироваться на определенных объектах, которые в результате приобретают особенно сильный требовательный характер, а другие образования его полностью или частично утрачивают (*Lewin*, 1926, S. 67). Действия и их элементы также могут утрачивать свой естественный требовательный характер в результате автоматизации.

Понятие требовательного характера являлось у Левина отнюдь не описательным. Оно органично вставало в ряд основных объяснительных понятий теории поля. В этом контексте Левин описывает эффект требовательного характера так: «Уже существующее состояние напряжения, проистекающее из намерения, потребности или наполовину завершенной деятельности, направляется на определенный предмет или явление, которое воспринимается, например, как нечто привлекательное, так что именно эта напряженная система получает теперь господство над моторикой... Подобные требовательные характеры... действуют как силы поля в том смысле, что они оказывают регулирующие влияния на психические процессы, в частности на моторику» (*ibid.*, S. 28).

Источником требовательного характера объектов внешнего окружения для Левина выступает потребность (или квазипотребность, что, как он неоднократно оговаривает, несущественно в данном контексте). Фактически требовательный характер объектов оказывается обратной стороной потребности, однозначно указывая на ее наличие. «До известной степени выражения “существует такая-то и такая-то потребность” и “такое-то и такое-то множество объектов обладает требовательным характером, побуждающим к тем-то и тем-то действиям” эквивалентны» (*ibid.*, S. 63). В определенных случаях вещи, обладающие требовательным характером, есть не что иное, как прямые средства к удовлетворению потребностей. Однако наряду с такими самостоятельными или первичными требовательными характерами Левин выделяет также производные требовательные характеры объектов, которые прямо не удовлетворяют никакую потребность, но находятся в определенном отношении к ее удовлетворению, например, приближают его. Левин, впрочем, подчеркивает относительность границы между первичными и производными требовательными характерами, поскольку требовательный характер вообще подвержен изменениям. Приводимые Левином факты свидетельствуют о прямой связи изменений требовательного характера объектов с динамикой потребностей и квазипотребностей субъекта, а также его жизненных целей. Более того, с повышением интенсивности потребностей не только усиливается требовательный характер отвечающих им объектов, но и расширяется круг таких объектов (голодный человек становится менее привередливым).

Развитие взглядов Левина в последующих работах было, как известно, связано прежде всего со стремлением к формализации описания поведения. Формализация коснулась и понятия «требовательный характер», которое уступило место понятию валентности¹². Новое поня-

¹² Термин «валентность» был принят Левином по предложению Э. Толмена с целью унификации терминологии обоих авторов, описывавших сходные явления (см. об этом ниже).

тие сохранило в себе основное содержание старого, за исключением одной вещи – того, что Левин считал в 1926 году наиболее существенным. Если понятие «требовательный характер» учитывало качественную определенность действий, совершения которых требовал данный предмет, то понятие «валентность» указывало лишь на сам факт притягательной или отталкивающей силы.

Из круга вопросов, связанных с понятием валентности, в 1930-е годы Левина интересует преимущественно влияние валентности на поведение и вообще система факторов, детерминирующих поведение индивида в конкретной ситуации. Так, например, в экспериментальном исследовании С.Фаянс (*Fajans*, 1933) было обнаружено, что у младенцев в возрасте от шести месяцев до года сила валентности (интенсивность аффективных реакций) прямо связана с физическим расстоянием до цели, в то время как для детей постарше такой прямой зависимости не обнаружилось. Оказалось, что для них экспериментальная ситуация выступает не как чисто инструментальная, а как социальная: ребенок обращается за помощью к присутствующему в помещении экспериментатору и, не дождавшись от него этой помощи, реагирует на его поведение либо как на розыгрыш, либо как на проявление недружелюбия, либо как на нечто не вполне для него понятное.

Факт социальной обусловленности поведения ребенка нашел отражение, в частности, во введенном Левином понятии «индуцированная валентность» (*Lewin*, 1935). Левин указывает, что многие объекты внешнего окружения, многие формы поведения и многие цели приобретают валентность не на основе собственных потребностей ребенка, а посредством запрета, приказа или примера со стороны взрослого. «Отрицательная валентность запретных вещей, которые сами по себе привлекательны для ребенка, порождается обычно индуцирующим силовым полем взрослого. Если это силовое поле перестает психологически существовать для ребенка (например, если взрослый уходит или теряет свой авторитет), отрицательная валентность также исчезает» (*ibid.*, p. 98–99).

Много общего с понятием валентности у Левина имеет понятие «требование» (*demand*), введенное практически одновременно Э.Толменом для объяснения целенаправленного поведения животных. Толмен определяет требование как «врожденное или приобретенное побуждение достичь или избавиться от определенного рода внешних объектов, физиологического состояния равновесия или напряжения» (*Tolman*, 1932 a, p. 441). Приятие требования было сформулировано на основе цикла экспериментальных исследований, показавших, что, с одной стороны, при неизменном состоянии физиологического влечения разные типы целевых объектов по-разному влияют на поведение, а, с другой стороны, различия в поведении определяются не самим по себе характером целевого объекта, а его отношением к состоянию физиологического влечения. Так, например, если по ходу эксперимента сила влечения у подопытных животных уменьшается, то, соответственно, уменьшается и интенсивность требования к соответствующим целевым объектам, что отражается на характеристиках поведения (*ibid.*, p. 67–68).

В статье, датированной 1935 годом (*Tolman*, 1958, p. 94–114), Толмен строит классификацию видов требований. В первую очередь он подразделяет требования на первичные и производные. Первичные требования, в свою очередь, подразделяются на: а) требования достижения положительных целевых объектов, б) требования избегания отрицательных целевых объектов и в) требования коротких путей достижения первых и избегания вторых. При этом, так же как и у Левина, речь идет не о пространственной близости, а о психологической дистанции. Производные требования подразделяются на требования специфических видов целевых объектов и требования специфических объектов-средств. Последние играют особенно большую роль у человека за счет привыкания к строго определенным видам пищи или даже сортам сигарет.

Несмотря на сходство взглядов Левина и Толмена, которое неоднократно подчеркивалось обоими авторами, между ними существовали разногласия, касающиеся вычленения кон-

кретных детерминант поведения. Толмен, строго разводящий когнитивные и мотивационные процессы, стоящие за выбором определенного поведения, подверг критике слияние Левинем первичных требований цели, производных требований различных путей достижения цели и когнитивной оценки психологических расстояний до цели и направлений в единое нерасчлененное понятие вектора (*Tolman, 1932 b*). Показав на конкретных примерах необходимость различения указанных переменных, Толмен указывает на требование как на непосредственную причину поведения, которая, в свою очередь, определяется характером взаимодействия когнитивных и мотивационных переменных.

Хотя в ответной статье (*Lewin, 1982, S. 99-131*) Левин утверждает, что задача анализа заключается для него не в том, чтобы вскрывать механизмы, лежащие за силами поля, однако в дальнейшем он признает эту критику и предпринимает отдельные попытки специально рассматривать зависимость валентности от когнитивных представлений, в том числе на примере межкультурных различий (*ibid., S. 178–179*). В формализованное описание валентности Левин включает в качестве одного из ее детерминантов переменную G — воспринимаемую природу целевого объекта. Формула $Va = F(t, G)$ (*Lewin, 1938, p. 106–107*; см. также: *Хекхаузен, 1986 а, с. 192–194*), где Va — валентность, а t — напряжение потребности, представляет собой окончательный итог постепенной формализации идеи требовательного характера.

Помимо этого, в своих поздних работах Левин не внес больше ничего нового в разработку теоретических представлений о валентности. Немного нового внес и Толмен, в работах которого 1940–1950-х годов усиление интереса к психологии человека сочетается с интенсивной формализацией теоретических положений по образцу топологической психологии Левина, которую он ранее критиковал. «Как я полагаю, — пишет Толмен, — интенсивность силы поля прямо пропорциональна произведению давления потребности и детерминирующей валентности, рассматриваемой в данном случае, и обратно пропорциональна квадрату пространственно-поведенческой дистанции между районом локализации субъекта в данный момент и районом локализации соответствующей валентности» (*Tolman, 1951, p. 340*). Следует отметить лишь введение Толменом в схему детерминации поведения двух новых переменных — ожидания и ценности, благодаря чему валентность приобретает новую содержательную характеристику: «Если образ определенного типа объектов обладает ценностью, то воспринимаемый конкретный объект, относящийся к данному типу, обладает валентностью» (*ibid., p. 296*). Построение матриц взаимодействия ожидания и ценности конкретных поведенческих выборов в определенных ситуациях положило начало группе теорий, опирающихся преимущественно на методы количественного анализа побудительной силы (см.: *Хекхаузен, 1986 а, гл. 5*); в нашем контексте они не представляют специального интереса.

Остановимся лишь еще на одной попытке содержательного теоретического осмысления понятия валентности. Критикуя формальные модели, Э.Бош отмечает: «Конечно, мы согласны с тем, что валентности выражают определенную силу притяжения или избегания, однако необходимо добавить, что валентность содержит также специфическую качественную характеристику» (*Boesch, 1980, S. 176–177*). Валентность, согласно Бошу, определяется взаимодействием актуально воспринимаемого содержания ситуации с оценкой протекания действия и с оценкой возможных альтернативных действий, хотя характер этого взаимодействия конкретизировать затруднительно. Бош опирается на представление о «сверхдетерминированности» (избыточной детерминации) действия в целом, а также валентностей, относящихся как к цели, так и к различным аспектам протекания действия. Эта множественность валентностей, присутствующих в одном действии, и обуславливает, в частности, его сверхдетерминированность. Возникающие в рамках действия валентности различных объектов, людей или идей также порождены взаимодействием валентностей различных значимых аспектов действия. Сверхдетерминированность валентности актуальной цели вытекает из того, что данная ситуация содержит в себе возможности реализации различных целей. Тем самым Э.Бош связывает детерминацию дей-

ствия с целой системой действий, в которую оно включено, и даже с более широким контекстом структур потенциального взаимодействия индивида со средой.

Негативные валентности, предстающие перед нами как барьеры или границы (когда барьер непреодолим), выступают как то, что нарушает ход протекания действия. Существуют также «абсолютные негативные валентности» – фиксированные опасения и страхи, не связанные с конкретным действием и конкретной ситуацией, а характеризующие скорее личность: «Они символизируют для субъекта границы возможностей действовать» (*ibid.*, S. 198). Негативные валентности, однако, оборачиваются и положительной стороной: они очерчивают границы возможностей субъекта, предохраняют от неудач, указывают на опасности. Позитивная валентность, как и негативная, тоже всегда амбивалентна. «Амбивалентность положительной валентности заключается в опасности неудачи, в отказе от других в равной степени привлекательных альтернативных целей и, возможно, вдобавок еще в том, что действительное переживание часто не может сравниться с тем, что мы предвосхищали в воображении» (*ibid.*, S. 202).

Таким образом, валентность можно в наиболее общем виде определить как свойство целей и других аспектов действия, порождаемое специфическим сочетанием внешней ситуации и актуального состояния потребностей субъекта и выражающееся в притягательном или, наоборот, отталкивающем влиянии на субъекта, а также в своеобразном структурировании воспринимаемой действительности.

Чем вызвано включение в наш обзор группы подходов, апеллировавших не к смыслу, а к валентности, – концепций К.Левина, Э.Толмена и Э.Боша? Мы отождествляем валентность и требовательный характер, фигурирующий в этих подходах, с предметом нашего анализа, потому что эти понятия в работах трех упомянутых авторов по своему содержанию не совпадают с общепринятым сегодня понятием «валентность», будучи шире и богаче его. Они стоят гораздо ближе к понятию смысла, обрисованному в первом приближении в вводной главе, – как структурного элемента деятельности, сознания и личности, связывающего между собой эти три психологические реальности, а также объективную действительность.

Правомерность рассмотрения указанных концепций в нашем контексте подтверждается еще и анализом теории поведения Ж.Нюттена (*Nuttin*, 1956, 1957, 1961, 1973, 1984 и др.), которая во многом опирается на идеи К. Левина. Понятие смысла выступает у Нюттена фактически в том же качестве, что и понятия требовательного характера и валентности в работах К.Левина, Э.Толмена и Э.Боша. Именно смысл объектов или ситуаций лежит, согласно Нюттену, в основе того, что «восприятие объекта часто становится приглашением, ожиданием начала релевантного поведения» (*Nuttin*, 1984, p. 171).

Согласно теории Нюттена, поведение вообще соотносится с осмысленной ситуацией в осмысленном мире. Окружающие нас объекты осмыслены. Когда мы спрашиваем «Что это?», мы спрашиваем о цели, которой служит данный объект, о его роли в поведении, иными словами, о его смысле. «Процесс, в результате которого объект воспринимается как имеющий смысл, включает актуализацию роли этого объекта в общем поведенческом гештальте» (*ibid.*, p. 30).

Среда, объекты и ситуации имеют смысл лишь в отношении к действующему субъекту. Смысл, по Нюттену, конституируется отношением между ситуацией и мотивацией. В конечном счете он коренится «... в типах отношений, существующих между определенными фрагментами мира, обладающими специфическими функциональными свойствами... и, с другой стороны, субъектом, который сам испытывает потребность в таких взаимоотношениях с миром» (*Nuttin*, 1973, S. 183). Вместе с тем смысл задается не абстрактным вневременным отношением – это конкретное «... интеллектуальное отношение между тем, что субъект делает, и определенной формой осознанной или неосознанной потребности, цели, намерения или плана» (*ibid.*, S. 165). Истоки смыслов, по Нюттену, следует искать не столько в прошлой истории субъекта, сколько в актуальных поведенческих структурах. Вместе с тем выявление инва-

риантных смыслов в различных формах поведения служит ключом к раскрытию фундаментальных потребностей (Nuttin, 1957, p. 190).

Смыслы объектов и ситуаций не «усматриваются» непосредственно. Осмысленные ситуации конструируются человеком в процессе обработки информации и построения концептуального образа мира. Смыслом ситуаций и объектов побуждается и направляется конкретное поведение. «Осмысленный объект потенциально содержит схему поведения» (Nuttin, 1973, S. 182). Более того, само поведение – «...это не “движение плюс когнитивный смысловой элемент”, а смысл, инкорпорированный в двигательные реакции» (Nuttin, 1984, p. 171). Смысл самого поведения конституируется его конечной целью; отдельные поведенческие акты или «сегменты» приобретают смысл в контексте того целого, частью которого они являются.

Нюттен отмечает также стремление человека строить систему представлений о Вселенной, о мире в целом и о своем месте в нем, найти смысл своего существования (Nuttin, 1973, 1984). В контексте этой системы представлений для людей приобретают тот или иной смысл такие ценности, как свобода, истина, солидарность и др.

С теорией Нюттена отчасти перекликается экзистенциальная теория человеческого поведения Р.Мэя (May, 1969). Мэй использует другой, феноменологический язык для описания поведения, говоря не о потребностях, мотивах и объектах, а о воле, желаниях и намерениях (интенциях). Желания он рассматривает как форму слияния силы (энергии) и смысла. Именно их слияние придает желанию побудительную силу. Если не учитывать смысловой компонент при анализе желаний, мы приходим к искаженной картине. Р.Мэй иллюстрирует это примером избирательности сексуальных желаний, которая нарушается и превращается в простую канализацию либидозной энергии в двух случаях: в искусственной ситуации длительной фрустрации, как у солдат, размещенных на Крайнем Севере вдали от поселений, и в случае психопатологии (*ibid.*, p. 209–210). Структуру, которая придает смысл опыту, Мэй называет интенциональностью. Интенциональность – это мостик, связывающий ядро сознания с объектами, частично преодолевающий дихотомию субъекта и объекта (*ibid.*, p. 223–226). В какой-то степени человек сам создает свои смыслы, но на основе более широкой социальной смысловой матрицы, в которой он живет.

Соответственно, чтобы понять поведение человека, надо раскрыть его смысл. В частности, задача психотерапевта состоит в том, чтобы как можно лучше осознавать интенциональность клиента во время текущей сессии. При этом любое взаимопонимание основывается на совместной смысловой матрице, общей для психотерапевта и пациента, которая строится на основе их индивидуальных матриц. «Я должен быть способен принимать участие в смыслах моего пациента, но в то же время сохранять мою собственную смысловую матрицу и, таким образом, неотвратимо и обоснованно, давать ему интерпретацию того, что он делает – часто по отношению ко мне. То же самое верно и для всех других человеческих отношений: любовь и дружба требуют, чтобы мы участвовали в смысловой матрице другого, не отказываясь от своей. Таким путем человеческое сознание понимает, растет, меняется, становится просветленным и осмысленным» (*ibid.*, p. 262).

Сравнивая теории Нюттена и Мэя с подходами к объяснению поведения, опиравшимися на понятие валентности, видно, что помимо сходства, которое уже отмечалось выше, существуют и заметные отличия. Главное из них заключается, на наш взгляд, в том, что если понятие валентности относится к непосредственному воздействию на поведение (по аналогии с физическими силами), то смысл у Нюттена и Мэя влияет на поведение опосредованно, через процессы когнитивной репрезентации действительности в сознании. Теории Нюттена и Мэя являются поэтому отчасти как бы связующим звеном между группой подходов, интерпретировавших смысл объектов и ситуаций в терминах поведенческой валентности, и другой группой подходов, в которых смысл рассматривается исключительно в контексте репрезентации

действительности в сознании, как феномен сознания. К рассмотрению этой группы подходов мы и переходим.

Первым из таких подходов является теория личностных конструкторов Дж. Келли (*Kelly*, 1955, 1969, 1970), которую ряд его последователей прямо называют теорией личностных смыслов (*Procter, Parry*, 1978; *Fransella*, 1982; см. также: *Mair*, 1970; *Salmon*, 1978; *Harri-Augstein*, 1978; *Bannister*, 1979). В основополагающем труде Келли – двухтомной «Психологии личностных конструкторов» (*Kelly*, 1955) термин «смысл» практически не фигурирует; модель субъективной интерпретации внешних событий излагается полностью на языке личностных конструкторов. Вместе с тем в более поздних работах (*Kelly*, 1969, 1970) Келли активно использует понятие личностного смысла в том значении, которое позволяет нам без колебаний отнести его теорию ко второй группе подходов к рассмотрению смысловых механизмов сознания и деятельности.

Философская позиция Келли, которую он обозначает словами «конструктивный альтернативизм», сводится к следующим положениям. Объективная действительность существует и движется во времени, однако она открывает возможности для различных ее интерпретаций. Жизнь необходимо подразумевает способность отражения живым существом окружающей действительности. У человека это отражение носит характер построения системы конструкторов, через призму которых он воспринимает мир. Конструкторы представляют собой субъективные параметры категоризации и оценки событий, которые не обязательно могут быть выражены в словесной форме. В реальном поведении человека валидность этих конструкторов подвергается проверке; в тех случаях, когда имеющиеся конструкторы не позволяют эффективно предсказать результаты поведения, система конструкторов подвергается более или менее значительной перестройке. Развитие личности заключается, по сути, в развитии, обогащении, уточнении и иерархизации системы личностных конструкторов. Этот процесс происходит непрерывно у каждого человека. Келли так формулирует фундаментальный постулат своей теории: «Психологические процессы индивида направляются механизмами предвосхищения им событий» (*Kelly*, 1955, р. 103). Фактически вся общепсихологическая теория личности и психотерапевтический подход Келли представляют собой раскрытие этого постулата.

Основной пафос Келли был направлен на познание конкретной индивидуальности каждого человека, на отказ от практики прикладывания общих аршинов к разным людям (*ibid.*, р. 206–207). Позже Келли особенно подчеркивает, что «психология должна иметь дело с переменными, которые могут что-то значить в жизни человека. В этом случае у психолога будет то, к чему, по-моему, стоит стремиться» (*Kelly*, 1969, р. 123). В конце 50-х – начале 60-х годов Келли дополняет свою теорию положением о том, что конструкторы придают личностный смысл событиям, к которым они прикладываются, а также планам, воспоминаниям и высказываниям – для того чтобы понять сообщение, необходимо знать систему конструкторов говорящего. Система конструкторов человека предоставляет ему свободу принятия решений именно благодаря тому, что позволяет ему иметь дело со смыслом событий, вместо того чтобы быть механически вовлеченным в них (*Kelly*, 1969).

Смыслы событий являются, по Келли, чисто субъективными и лишь проецируются в мир. «События не говорят, что нам делать, у них на лбу не написан их смысл, который мы могли бы открыть. Хорошо это или плохо, но мы сами создаем на протяжении своей жизни те единственные смыслы, которые они для нас несут» (*Kelly*, 1970, р. 3). Смыслы, которые мы приписываем событиям, коренятся в субъективной оценке причин и следствий этих событий, в их временной динамике. Вместе с тем смысл определяется не только самим предвосхищаемым следствием оцениваемого события, но и всей цепью умозаключений, лежащих в основе этого предвосхищения (*ibid.*, р. 3). Это положение вновь возвращает нас к конструкторам как основному детерминанту смысла событий. Осмысленность жизни Келли связывает со способностью видеть настоящее в прошлом и будущее в настоящем (*ibid.*, р. 11–12).

Ряд последователей Келли также взяли понятие смысла на вооружение. Так, Ф.Франзелла указывает на определяющую роль контекста в формировании смысла (*Fransella, 1982, p. 49*). В другом месте она говорит о смысле самих личностных конструктов, выводя его из отношений данного конструкта с другими (*Fransella, 1970, p. 76*). Д.Хинкл пишет о смысле поведения, отождествляя его с внутренним содержанием этого поведения (*Hinkle, 1970*). Центральное место понятие смысла занимает в концепции самообучающейся личности Ш.Харри-Аугстайн и Л.Томас, которая, являясь, с одной стороны, прямым развитием теории Келли, по своему содержанию относится скорее к третьей группе подходов к рассмотрению смысла как структурного элемента сознания и деятельности и будет рассмотрена нами несколько ниже.

На некоторые положения теории Келли опираются представители интеракционистского подхода к объяснению детерминации поведения (*Endler, Magnusson, 1974; Magnusson, 1976; 1978; 1982; Nystedt, 1981*). В рамках этого подхода различается анализ среды и ситуаций как таковых, под объективным углом зрения, и субъективно воспринимаемых и осмысляемых нами ситуаций. «Очевидно, “реальный мир”, в котором мы испытываем ощущения, чувствуем, думаем и действуем, – это мир, который воспринят нами и наделен нами смыслом» (*Magnusson, 1982, p. 232*). Л.Нистедт указывает на то, что ситуация всегда структурируется и осмыляется индивидом в зависимости от внешнего ситуационного контекста, характеристик субъективной семантики, текущих состояний субъекта и влияния перечисленных «систем» на селекцию входной информации (*Nystedt, 1981*). Д.Магнуссон называет такие более фундаментальные моменты, детерминирующие субъективный смысл ситуаций как опыт и историю жизни личности, знания, хранящиеся в его долговременной памяти (*Magnusson, 1976; 1978*). По этой причине восприятие ситуаций глубоко индивидуально: возможно столько интерпретаций одной и той же ситуации, сколько в ней присутствует действующих лиц, хотя разные ситуации обладают разной степенью неоднозначности субъективной интерпретации. Положение о детерминированности поведения человека в некоторой ситуации психологическим смыслом, который имеет для него эта ситуация, является одним из основных положений интеракционизма в психологии личности (*Endler, Magnusson, 1974; Magnusson, 1976*).

Сходные и вместе с тем несколько более разработанные представления о смысле внешних ситуаций предлагает Э.Петерфройнд, синтезировавший клиническую теорию психоанализа с современными процессуальными моделями переработки информации (*Peterfreund, 1971, 1976; Peterfreund, Franceschini, 1973*). «Каждый из нас более или менее различно интерпретирует имеющуюся информацию, – пишет он. – Мы отбираем и перерабатываем ее, приходя к нашим индивидуальным взглядам на мир, к нашей индивидуальной “действительности”. Посредством таких интерпретаций информация обретает значение – общепринятые денотативные и коннотативные значения плюс уникальные личностные смыслы, представляющие для психоанализа особый интерес» (*Peterfreund, 1976, p. 63–64*). Петерфройнд пытается выделить две группы смыслов: смысл входной информации о внешнем мире и смысл информации, соответствующей различным феноменам переживания (*Peterfreund, 1971*). Это различение, однако, методологически некорректное; на уровне конкретного анализа Петерфройнд к нему реально не прибегает. Общая идея, выдвигаемая Петерфройндом, заключается в том, что информация приобретает смысл лишь в отношении к некоторому более широкому информационному контексту. Этот смысл непосредственно определяется характером переработки соответствующей информации, в частности генерализацией информации и классификацией ее в долговременной памяти. С другой стороны, переходя на язык клинического психоанализа, Петерфройнд указывает на обусловленность личностных смыслов личным опытом, на неотделимость их от мотивов, а также на зависимость смысла травмирующих событий для ребенка от уровня его развития и зрелости, уровня интеллекта и эмоционального состояния. Смыслы могут изменяться во времени; одни и те же события могут подвергаться реинтерпретациям различными

способами в зависимости от опыта, развития способностей к переработке информации, изменения контекста и возникновения новых смыслов в процессе психоанализа (*ibid.*, p. 235).

Сам психоанализ, по Петерфройнду, направлен именно на раскрытие уникальных, часто не осознаваемых личностных смыслов (*Peterfreund, 1976*). В этом отношении психоанализ имеет некоторую специфику, поскольку если в повседневном общении мы оперируем, как правило, общепринятыми денотативными и коннотативными значениями слов, то психоаналитику нередко приходится сталкиваться с весьма специфичными, глубоко индивидуальными смыслами, игнорирование которых (в частности, ориентация исключительно на универсальные символы) является достаточно распространенной ошибкой.

Мы видим, что в большей части подходов, относящихся к рассматриваемой нами сейчас группе, смысл, хоть и предстает как детерминированный преимущественно со стороны субъекта, однако определенным образом при этом связывает субъекта с действительностью. Другую позицию занимает феноменологическая психология, опирающаяся на философские идеи Э.Гуссерля, М.Мерло-Понти и др. и описывающая жизнь замкнутого в себе сознания. На это принципиальное расхождение неоднократно указывал Дж. Келли, стремившийся размежеваться с феноменологическим подходом (*Kelly, 1969*).

Рассмотрение смысла с позиций феноменологической психологии представлено в работах Ю.Джендлина, прежде всего в его теоретической монографии «Переживание и смыслотворчество»: «Смысл формируется во взаимодействии переживания и чего-либо, выполняющего символическую функцию» (*Gendlin, 1962, p. 5*). Решающая роль в этом взаимодействии принадлежит, однако, не столько смыслу, выраженному в символических формах, сколько непосредственно ощущаемому «допонятийному» смыслу, хотя последний является «неполным» без воплощения в символических формах. «Смысл всегда включает в себя некоторые неявные аспекты, которые в данный момент не символизированы» (*ibid.*, p. 65). Джендлин прослеживает функционирование непосредственно о ощущаемых невербализованных смыслов в речи, мышлении, наблюдении, действии, в работе памяти и понимании, приходя к выводу о том, что решающим является отношение между вербально символизированным смыслом и ощущением, «из» которого рождается смысл (*ibid.*, p. 83–84).

В центре работы Джендлина находится теоретический анализ различных видов функциональных отношений между символами и непосредственно ощущаемыми смыслами (*ibid.*, p. 90–138). Джендлин выделяет три типа функциональных отношений, не сопровождающихся смысловой перестройкой, – отношения прямой соотнесенности, узнавания и экспликации, и четыре типа отношений, в которых рождаются новые смыслы или же существующие смыслы получают новое символическое воплощение и обогащаются новым содержанием, – отношения метафоры, схватывания, релевантности и иносказания. Эти четыре типа функциональных отношений и обеспечивают непрерывную динамику смыслов, их развитие и обогащение в потоке переживания, который, по Джендлину, и есть личность. Основные характеристики переживаемых смыслов связаны с их потенциальной неисчерпаемостью, возможностью вступать в разнообразные функциональные отношения с другими смыслами, порождая новые смыслы; отдельные аспекты переживаний также могут получать новые символические воплощения, вступать в новые отношения и т. д. Более того, каждый смысл может рассматриваться не только под углом зрения его специфического содержания, как элемент определенного класса, но и как частный случай самого себя (*an instance of itself*), переживание как таковое. В последнем случае мы опять сталкиваемся с процессом порождения новых смыслов.

Концепция Джендлина разработана весьма детально, однако мы ограничимся лишь уже сказанным, поскольку в его рассуждениях трудно провести границу между философским и психологическим содержанием. Последующие его работы были посвящены разработке методов психотерапевтической работы со смыслами. Основным итогом этой работы стала разработка им оригинальной психотерапевтической техники фокусирования (*Gendlin, 1981*), кото-

рая приобрела широкую известность и популярность в 1980-е годы. В книге, посвященной фокусированию, Джендлин вводит понятие «чувственного смысла» (*felt sense*), который он определяет как телесное ощущение смысла (*meaning*) (*ibid.*, p. 10). Чувственный смысл невыразим словесно, это нечто глубинное, смутное, нечеткое, более сложное, чем эмоция, и более личностное, чем разум. «Чувственный смысл, подобно гобелену, сплетается из многих переплетающихся нитей, однако переживается... как одно целое» (*ibid.*, p. 84). Чувственный смысл представляет собой единство тела и души, предшествующее их разделению.

Техника фокусирования представляет собой метод доступа к этим чувственным смыслам. Но их нельзя увидеть как они есть. Они изначально неоформленны, и в процессе их осознания они претерпевают трансформации, уже не остаются теми же, что были. Но это отнюдь не недостаток техники, а, напротив, ее преимущество. «Когда ваш чувственный смысл ситуации меняется, меняетесь вы – и, соответственно, ваша жизнь» (*ibid.*, p. 32).

Чувственный смысл переживается не в душе, а в теле. «Это незнакомый, очень глубокий уровень осознания, который психотерапевты (и кто бы то ни было) обычно не обнаруживали» (*ibid.*, p. 33). Обычно, когда мы готовы сказать что-то, у нас есть чувственный смысл того, что мы хотим выразить, прежде чем придут подходящие слова. Он включает в себя десятки, а то и сотни компонентов: значение, которое мы хотим выразить, эмоциональную окраску, которую мы хотим ему придать, причины, по которым мы хотим сказать это данным конкретным людям, реакцию, которую мы надеемся от них получить, и т. д. (*ibid.*, p. 85). «Этот целостный смысл может быть пережит далее; он обладает своей собственной направленностью. Это ваше ощущение вещи в целом, включая то, что вы знаете, думали, выяснили. Он включает и то, что вы, по-вашему, “должны”, и то, что еще не решено. В нем можно выделить мысль и чувство, долг и желание» (*ibid.*, p. 160). Смысл нельзя вычислить и пересказать. Его надо встретить, открыть, почувствовать, прислушаться к нему и дать ему возможность проявиться (*ibid.*, p. 156).

Концепция Джендлина стоит несколько особняком от всех прочих, хотя по формальным основаниям мы ее относим ко второй группе подходов к анализу смысловых механизмов сознания.

Последний из подходов этой группы, который, однако, можно рассматривать и как переход к третьей группе подходов, – психоаналитическая феноменология Дж. Этвуда и Р. Столорова, которую эти авторы определяют как глубинную психологию человеческой субъективности, посвященную прояснению смыслов в личном опыте и поведении (*Atwood, Stolorow, 1984, p. 1*). Любое психоаналитическое понимание – это интерпретативное понимание, направленное на схватывание смысла. Сам смысл «... принадлежит к личному субъективному миру индивида и доступен пониманию через посредство эмпатии психоаналитика» (*ibid.*, p. 4). Тем самым психоаналитическая феноменология обращается к герменевтической природе и функции психоанализа, которую усматривали в нем многие авторы, в частности К. Ясперс и П. Рикёр (см. об этом выше). Смысловые структуры связывают в единое целое различные части индивидуального мира.

Вместе с тем, хотя сам смысл относится к субъективной реальности, процесс его постижения – процесс интерсубъективный, предполагающий диалог между двумя личными универсумами, что роднит этот подход с подходами третьей группы (см. ниже). «Различные паттерны смысла, которые возникают в психоаналитическом исследовании, высвечиваются на специфическом психологическом поле, локализованном в месте пересечения двух субъективностей» (*ibid.*, p. 6).

Теперь мы переходим к анализу третьей и последней группы подходов к рассмотрению смысловых механизмов сознания и деятельности – к анализу тех подходов, в которых смысл рассматривается под интерсубъектным или социальным углом зрения, в плоскости отношений индивида с другими людьми или с социокультурным целым, к которому он принадлежит.

Как и две другие рассмотренные в этом разделе группы подходов не противоречат друг другу, но лишь акцентируют разные измерения смысла как наиболее существенные, так и третья группа подходов не противостоит ни первой, ни второй, но выделяет новое измерение, которое представители этих подходов рассматривают при анализе смысла как наиболее существенное. В каком-то смысле переходным звеном между подходами первых двух и третьей группы служит важная теоретическая статья Я.Смедслунда (*Smedslund, 1969*).

Смедслунд исходит из общего положения о том, что объективные стимульные ситуации обладают для субъектов индивидуально-специфичным смыслом, который определяет характер реагирования на эти ситуации. Он считает, что отношение между стимульной ситуацией и смыслом не подчиняется каким-либо универсальным законам, поэтому предсказать смысл стимула по его характеристикам невозможно. Смысл связан лишь с активностью субъекта (*ibid.*, р. 1–2). Смедслунд логически выделяет три вида смыслов действия X для индивида P в ситуации S в момент времени t . Прямой смысл X определяется набором всех утверждений, которые для P в S и в t эквивалентны утверждению, что произойдет X . Узкий смысл X определяется набором утверждений, которые для P логически следуют или исключаются при условии, что произойдет X . Наконец, полный смысл X определяется тем же плюс еще набором утверждений, вероятность истинности которых для P изменяется в результате X . Наряду с различием прямого, узкого и полного субъективного смысла событий, Смедслунд вводит другое, не менее важное различие. Он определяет прямой социальный смысл, узкий социальный смысл и полный социальный смысл действия X для общности Y в S и в t как соответственно часть прямого, узкого и полного смысла X , разделяемую всеми членами Y , т. е. общую для них (*ibid.*, р. 6). Поскольку социальные смыслы ограничены пределами данной конкретной общности, индивиду доступны лишь смыслы, принадлежащие общности, в которую он входит или входил ранее. Из этого следуют принципиальные ограничения возможностей межличностного познания, в частности, для психологов, поскольку общность смыслов является необходимым, хоть и не достаточным условием такого познания. «...Социальный смысл является единственным мостиком между личным миром наблюдателя и личным миром наблюдаемого» (*ibid.*, р. 7). Поэтому если психолог незнаком с социальными смыслами, присущими той общности, к которой принадлежит его клиент, то возможности взаимопонимания будут сильно ограничены.

Статья Смедслунда привлекла внимание к факту множественности смыслов действия, в результате чего встал вопрос о том, какие смыслы – социальные или личностные – должны стать предметом изучения психологов и социологов. Так, Г.Менцель (*Menzel, 1978*), убедительными примерами демонстрируя множественность смыслов одного и того же действия или ситуации даже для самого субъекта, приходит к выводу о том, что бессмысленно искать «истинный» смысл действия; продолжая исследование, можно открывать все новые и новые смыслы, и этот процесс бесконечен. Более того, он не считает, что решающим является смысл действия для самого субъекта, хоть он и немаловажен. Наиболее важным для научного исследования Менцель считает смысл изучаемого действия для нас, для исследователей, т. е. для тех, кто поставил вопрос о смысле этого действия. Смыслы того же действия для субъекта и для других участников рассматриваемого процесса социального взаимодействия могут помочь нам ответить на этот вопрос, но сами по себе не столь существенны.

Противоположную позицию занимает Р.Ромметвейт (*Rommetveit, 1980*), обстоятельно критикующий представления Я.Смедслунда о социальном смысле. Ромметвейт считает поиск истинного социального смысла поступка столь же тщетным, как и поиск единственного буквального значения словесного текста. В отличие от Смедслунда, он считает, что индивидуальные смыслы конкретных действий и ситуаций пересекаются даже для членов одной социальной группы настолько незначительно, что их общий компонент сводится к трюизму. Решающая роль при оценке смысла действия принадлежит, согласно Ромметвейту, позиции самого субъекта, его собственной честной интроспективной оценке.

При всем различии изложенных позиций мы видим и то общее, что их объединяет: анализируемое действие помещается не просто в плоскость отношений субъекта с внешним миром, но в плоскость социальных взаимодействий, отношений с другими субъектами, которые также обладают способностью атрибутировать смысл своим и чужим действиям. Три развернутых подхода к анализу смысла под этим углом зрения сложились в 1970-е годы в английской психологии. Это концепция самообучающейся личности Л.Томас и Ш.Харри-Аугстейн (*Harri-Augstein, Thomas, 1979; Harri-Augstein, 1978, 1985; Thomas, 1978, 1985*) и группа методологически единых, хотя теоретически различающихся подходов, выступающих за новую социально ориентированную методологию познания личности, из которых проблема смысла наиболее разработана в этогеническом подходе Р.Харре (*Harre, 1974, 1977, 1978, 1979, 1982, 1983; Harre, Clarke, DeCarlo, 1985*) и в социальной экологии Дж. Шоттера (*Shotter, 1974, 1976, 1978; Gauld, Shotter, 1977*).

Психолого-педагогическая концепция самообучающейся личности Ш.Харри-Аугстейн и Л.Томас, опираясь на теоретические положения теории личностных конструктов, делает акцент на социальной природе смыслов, которая не нашла отражения в работах самого Дж. Келли. Эта концепция также исходит из положения, что центральным для понимания человека и для познания людьми самих себя является истолкование личностных смыслов (*Thomas, 1985, p. 238*). Процесс обучения с позиций теории личностных конструктов рассматривается как конструирование новых смыслов и реконструирование уже существующих в направлении повышения их соответствия личным целям и реальным отношениям, в которые вступает индивид (*Thomas, 1978, p. 47*). «Люди ищут смыслы. Созидание смыслов, процесс достижения личностного знания и есть обучение» (*Harri-Augstein, Thomas, 1979, p. 119*).

Однако смысл является не только личностным, но может также передаваться и обмениваться (*Thomas, 1978, p. 50*). Личностные смыслы – всегда часть более широкой системы. Реальным пространством, в котором существует личностный смысл, является пространство диалога (*conversational space*), переживаемое как контекст личностного смысла. «У него нет фиксированных измерений, оно возникает там, где имеются хотя бы две системы личностных смыслов. Оно задается экспрессивными формами, посредством которых происходит обмен этими смыслами. Именно характер взаимной соотнесенности этих двух систем личностных смыслов определяет мерность пространства и тем самым возможности распада или развития» (*Harri-Augstein, Thomas, 1979, p. 128–129*).

Взаимодействие смысловых систем, однако, не ограничивается ситуацией межличностного взаимодействия. Всевозможные объекты культуры «...отражают способы, которыми индивиды и группы пытались выразить и зафиксировать смысл... Эти объекты представляют собой хранилище наиболее мощных и устойчивых систем социальных смыслов данного общества, интеллектуальный фонд культуры» (*Harri-Augstein, 1978, p. 87*). Тем самым в центре внимания оказывается процесс взаимодействия индивидов с этим интеллектуальным фондом, служащий задаче конструирования индивидами личностно значимых и жизнеспособных смыслов, позволяющих им эффективно взаимодействовать с событиями, людьми и объектами, образующими их мир (*ibid.*).

К этому взаимодействию и обмену смыслами и сводится обучение как таковое, заполняющее всю жизнь человека. Однако эффективность этого непрерывного обучения требует обучения обучению, которое связано с развитием способности контролировать и перестраивать в определенные периоды жизни сами процессы конструирования смыслов (*ibid.*, p. 100–101). Обладающая такой способностью самообучающаяся личность, во-первых, обладает свободой взаимодействия со смысловой системой интеллектуального фонда культуры и воздействия на нее; во-вторых, конструирование новых смыслов выступает для нее не просто как приобретение нового знания, но и как процесс познания, ценный и обогащающий сам по себе, вне зависимости от результата (*Harri-Augstein, 1985*).

Формы, в которых может существовать смысл, разнообразны. Л.Томас (*Thomas*, 1985) иллюстрирует это идеей операционального невербального смысла (умение ездить на велосипеде); Ш.Харри-Аугстайн перечисляет ряд систем (кинестетическая, зрительная, слуховая, тактильная и обонятельная сенсорные системы, символические системы), в которых может выражаться смысл в процессе межличностного взаимодействия. «Акцент, делаемый на каждую из этих форм в рамках целостной системы смысла, будет различаться, но каждая играет свою роль в процессе индивидуального конструирования» (*Harri-Augstein*, 1978, p. 88).

Значительно более глубоко социальные корни смыслов человеческих действий раскрываются в теории социального поведения Р.Харре. Харре, в частности, рассматривает поведение человека как детерминированное системой функционирующих в данной культуре и в отдельных субкультурах правил, которые аналогичны грамматическим правилам, в соответствии с которыми строится речь. Ключевая роль принадлежит не внешним физическим характеристикам отдельных элементов и единиц поведения, а их социальным смыслам. «Именно между социальными смыслами устанавливаются социальные законы, если они есть, и именно из них строятся социальные структуры (patterns)» (*Harre*, 1977, p. 36). Социальные смыслы являются относительно универсальными, независимыми от конкретной культуры, в отличие от специфических физически описываемых систем, служащих для выражения этих смыслов в каждой отдельной культуре, например, жестов. Функцию выражения смыслов в принципе может выполнять любая система физически различаемых состояний; при этом от самой этой системы зависит сравнительно мало (*ibid.*, p. 37–38).

В анализе конкретного социального взаимодействия Харре исходит из положения, что само действие как психологическая реальность конституируется смыслом, которым субъект наделяет поведенческую структуру и который может быть понят остальными участниками взаимодействия; социальные действия социальны постольку, поскольку они осмысленны (*Harre*, 1974, 1978). Харре выделяет курсивом как общий принцип то положение, что люди стремятся, помимо всего остального, придать смысл своему социальному опыту (*Harre*, 1974, p. 256); придавая смысл своему действию, человек тем самым относится к другому как к человеку; тем самым это отношение становится социальным (*ibid.*, p. 255).

В потоке поведения Харре выделяет такие единицы анализа, как действия (преднамеренные последовательности движений, словесная реплика, экспрессивные проявления) и поступки (acts) – действия, рассматриваемые под углом зрения их социального смысла. Поступки приобретают социальный смысл благодаря своей включенности в более широкий социальный контекст; смысл же отдельных элементов поведенческой цепочки определяется их местом в этой цепи. «Так, например, понимание социального смысла улыбки требует не только феноменологического различения между одной улыбкой и другой, но и знания различных поведенческих цепочек, в контексте которых улыбка данного типа уместна, и тех, в которых она выглядела бы странной» (*Harre*, 1978, p. 49). Наряду с окружением, «сценой», задающей социальный контекст действия, Харре выделяет в качестве детерминант социального смысла интенции субъекта; действия строятся не только под влиянием социокультурных шаблонов, большую роль играют также содержание и «социо-грамматика» процессов оценивания (accounts), служащих для выделения смысла действия и коррекции и стабилизации непрерывного потока межличностного взаимодействия посредством реинтерпретации или исправления ошибок и неудач (*Harre*, 1976, 1978, 1979).

Харре выделяет пять иерархических уровней смыслов, присутствующих в социальных взаимодействиях. Низший уровень задается самим преднамеренным действием, второй – реализацией преднамеренного поступка, третий – его косвенным эффектом, четвертый – преднамеренными будущими последствиями поступка и пятый, «герменевтический» уровень связан с выходом за пределы практических эффектов поступка и приобретает смысл лишь в плоско-

сти анализа экспрессивного плана действия¹³. Именно экспрессивный аспект, а не практический, определяет скрытую значимость действия, его уже не социальный, а личностный смысл, хотя последний и не может существовать иначе как соотносясь с системой социальных смыслов (Harre, 1982). Именно личностные смыслы, производные от социальных, во многом определяют уникальность психики каждого индивида (Harre, 1983, p. 281). Они представляют собой фактически метафорическую переработку социальных семиотических систем (Harre, 1982, p. 21). В качестве основного детерминанта личностных смыслов указывается экспрессивный аспект жизненного пути личности, обозначаемый понятием «моральная карьера» (Harre, 1979, p. 33–34).

В качестве одной из основных задач этогенический анализ Харре ставит понимание смысла человеческих действий и их элементов, опираясь во многом на здравый смысл и житейские представления (Harre, 1978). По проблеме смысла проходит граница между социальной и личностной психологией. «В социальной психологии интенции субъекта имеют значение лишь постольку, поскольку они поняты... В личностной психологии важны интенции субъекта и их отношение к его или ее системе убеждений, и уже независимо от этого – их истолкование интерпретатором и его убеждения» (Harre, Clarke, DeCarlo, 1985, p. 105). Под этим углом зрения теория Харре предстает как социально-психологическая, уделяющая лишь относительно небольшое внимание собственно личностным аспектам действия. Личностные аспекты действия получили более полное раскрытие в теории Дж. Шоттера, принадлежащей к тому же общему методологическому направлению.

Теоретические основания, на которые опирается эта теория при анализе смыслов человеческих действий, изложены в книге А. Голда и Дж. Шоттера «Человеческое действие» (Gould, Shotter, 1977). Критикуя господствующие механистические подходы к объяснению действия, авторы противопоставляют им «герменевтический» подход, направленный на раскрытие смыслов действий для субъекта. Как правило, эти смыслы очевидны, однако не всегда. Есть действия, смысл которых неясен и самому субъекту. Задача психолога – пролить свет на смысл этих действий.

Смысл текста для его автора или действия для его субъекта можно понять, согласно Голду и Шоттеру, лишь зная, как он видит мир и свое место в нем, поскольку смысл действиям придает их локализация в некоей «более широкой схеме вещей» (*ibid.*, p. 5). «Для того чтобы понять “смысл” чьих-то действий, почему он сделал то, что он сделал, необходимо составить представление о его актуальных взглядах на мир и на текущую ситуацию, а также о моральных и социальных правилах, регулирующих его поведение» (*ibid.*, p. 89). Помимо этого необходимого «фона», Голд и Шоттер считают неизбежным использование телеологических понятий, объясняя смысл действий субъекта на языке его целей, намерений и мотивов. Герменевтическая интерпретация смыслов действий, по Голду и Шоттеру, не может быть проверена традиционными методами наблюдения и эксперимента и не относится к научным данным в традиционном их понимании.

Шоттер подчеркивает, что смысл следует понимать «... как глагол, а не как существительное» (Shotter, 1978, p. 46). Действия, обладающие смыслом, тем самым включают в себя или указывают на другие действия, будучи логической частью которых они сами выступают как действия. Смысл данного действия, по Шоттеру, состоит из двух компонентов: один определяется действиями, являющимися логическими следствиями данного, другой, напротив, предшествовавшими действиями, логическим следствием которых является данное рассматриваемое действие (Ginsburg, 1980, p. 339). Тем самым смыслы действий указывают на направление развертывания поведения из прошлого в будущее (Shotter, 1978, p. 76). «Интерпретируя смысл ситуации для человека, необходимо оценить, что ситуация значит для его поведения в буду-

¹³ Подробно о разведении практического экспрессивного плана действия см.: Harre, 1979, гл. 1.

щем. Любой навык предполагает понимание того, как использовать орудия для достижения своей цели; необходимо понимать смысл того, что ты делаешь, как это связано с тем, что уже сделано, и что вытекающее из этого еще требуется доделать» (*Shotter, 1975, p. 66*).

Шоттер уделяет особое внимание онтогенезу способности придавать смысл своим действиям, делать их понятными для других, с тем чтобы координировать свои действия с действиями других людей и делать тем самым возможным социальное взаимодействие. Эту способность Шоттер рассматривает как специфический практический навык, приобретаемый путем научения в раннем возрасте (*Shotter, 1975, 1976, 1978*). Ключевая роль в этом процессе принадлежит матери, точнее, процессам взаимодействия в неразделимой психологической целостности ребенок-мать. «Задача матери – так реагировать на то, что он делает, чтобы придавать его действиям смысл» (*Shotter, 1975, p. 100*). Именно интерпретация матерью действий ребенка в терминах смыслов (которая сама во многом определена непосредственным поведенческим контекстом) определяет соответствующую интерпретацию своих действий самим ребенком (*Shotter, 1975, 1978*); можно сказать, что на ранних стадиях онтогенеза осмысление ребенком своего поведения развивается по известному механизму «самоосуществляющегося пророчества». В более старшем возрасте эта зависимость от материнской интерпретации исчезает, обучение превращается в самообучение и смысл некоторых действий ребенка коренится теперь уже в стремлении расширить поле смыслов своих действий, развивать способность к осмысленным действиям (*Gauld, Shotter, 1977, p. 213–214*).

Общее развитие этой способности идет в направлении «прогрессивной рационализации действия» (*Shotter, 1978, p. 43*). Автономная личность, способная сама определять направленность своего поведения и нести ответственность за свои действия, характеризуется способностью действовать произвольно и осмысленно, в том числе и с точки зрения других, но при этом не завися от них (*Shotter, 1974, 1976, 1978*). По Шоттеру, чтобы быть самим собой, человеку нужен другой, мне нужен ты – чтобы видеть, что мои движения отзываются в тебе, чтобы быть уверенным, что мои действия имеют смысл (*Shotter, 1975, p. 110*). В этом пункте вновь происходит соприкосновение личной и социальной действительности: «Идея интерсубъективности, понятие об общих системах представлений и их следствиях, придающих смысл всему, что происходит в обществе, становится центральным понятием любой науки о сознании» (*ibid., p. 41*). Согласно позиции Шоттера, социальные миры суть совместные продукты взаимодействия индивидов, и в частности общих смыслов, создаваемых в этом взаимодействии. «Чтобы понять действие, необходимо понять личный и социальный миры, в которых это действие осуществляется и имеет смысл... Оно не существует независимо от них» (*Ginsburg, 1980, p. 324*). В одной из работ Шоттер идет еще дальше, связывая смысл человеческого действия с его ролью в реализации общекультурных целей (*Shotter, 1974, p. 61*).

В заключение этого раздела мы воспользуемся для обобщения подходов Р.Харре и Дж. Шоттера уже цитировавшейся обзорной статьей Дж. Гинзбурга (*Ginsburg, 1980*), которая содержит и развитие указанных подходов. Гинзбург критикует подходы Харре и Шоттера, а также Р.Ромметвейта, за опору исключительно на языковые смыслы, считая это неоправданным ограничением, и формулирует обобщенную модель социального действия так:

«Действия обладают смыслом, и для того, чтобы взаимодействие сопровождалось пониманием, смыслы действий должны стать общими для участников взаимодействия, хотя и не обязательно полностью...»

Процесс взаимодействия имманентно включает в себя активное формирование временной и, как правило, лишь частично общей для всех схемы социальной действительности... Формирование схемы... может включать обмен смыслами между участниками взаимодействия. Эта общая схема как динамическое пересечение смыслов является продуктом совместного действия и не может быть объяснена или понята в категориях любого отдельно взятого участника... Обмен смыслами может быть осуществлен и ретроактивно. Действительно, прини-

мая во внимание ветвящийся характер человеческих действий, смысл любого действия может быть всегда изменен последующим включением этого действия в новый, более общий акт» (*ibid.*, p. 338).

* * *

Попробуем теперь сделать некоторое обобщение всех рассмотренных подходов к проблеме смысла в зарубежной психологии личности. Сложность этой задачи обусловлена тем, что представления о смысле во всех рассмотренных подходах разрабатывались независимо друг от друга, если не считать некоторых отдельных эксплицитных связей и влияний: Левин – Толмен – Левин; Левин – Нюттен; Фрейд – Нюттен; Фрейд – Клейн – Петерфройнд; Келли – Магнуссон; Харре – Шоттер. Сравнительно недавно исследователи стали рефлексировать многозначность понятия «смысл». «С замечательной ясностью обнаружилось, что слово “смысл” (meaning) относится к такому количеству разных понятий, конструкторов, функциональных систем, процессов и областей “опыта”, что требуется сноровка горной козы, чтобы скакать с одного уровня на другой» (*Creelman*, 1966, p. 209). Автор основанного на идее смыслообразования подхода к психотерапии М.Б.Карлсен характеризует смысл как «...процесс и идеал, структуру и последовательность, возможность и ограничение, достижение и намерение, существительное и глагол, формирующиеся и трансформирующиеся на протяжении всех стадий жизни взрослого человека» (*Carlsen*, 1988, p. 5). Она различает три взгляда на смысл: под углом зрения частей, процесса и целого, отмечая искусственность этого разделения, которое, однако, полезно для лучшего понимания. Основной характеристикой смысла является указание на его источник. В понятие смысла М.Б.Карлсен включает системы всех уровней абстракции, отмечая теснейшую связь смыслообразования с аффективными процессами. В общем, в это понятие входит почти все. «Смысл как существительное включает элементы конструкторов, систем слов, когнитивные схемы, матрицы убеждений, ориентировочные механизмы, паттерны значимости... Предикативные качества смысла – процесс, движение, рост, намерение, эволюция личностных синергий, рост и развитие “от-к”... Таким образом, “смысл” есть одновременно *смысл и осмысление, интенция и интендирование, существо и существование*» (*ibid.*, p. 23).

В таблице 1 представлена схема членения и изложения нами рассмотренных подходов, которая поможет более объемно, но при этом структурированно представить весь спектр имеющихся подходов к проблеме смысла в зарубежной психологии личности. Напомним, что после работ К.Г.Юнга и А.Адлера проблема смысла разрабатывалась в двух независимых направлениях: первое трактовало смысл как высшую интегративную основу личности, второе – как структурный элемент сознания и деятельности. Каждое из этих направлений мы, в свою очередь, подразделили еще на три группы: первое – в соответствии с членением Э.Вайскопф-Джолсон (*Weiss-kopf-Joelson*, 1968), и второе – согласно критериям, предложенным Л.Томас (*Thomas*, 1985).

Таблица 1

Логическая классификация подходов к проблеме смысла в зарубежной психологии

Функциональная характеристика Онтологическая характеристика	Высшая интегративная основа личности	Структурный элемент сознания и деятельности
Феномен объективной действительности	Жизненная задача, объективное требование жизни (Франкл)	Побуждение к деятельности со стороны внешних предметов (Левин, Толмен, Нюттен, Мэй)
Феномен субъективной действительности	Интерпретация мира и жизни в целом (Райх), способ упорядочивания сознания (Чиксентмихали)	Интерпретация и понимание конкретных ситуаций (Келли, Магнуссон, Петерфройнд, Этвуд и Столоров)
Феномен интерсубъективных взаимодействий (в том числе через фиксацию в предметах культуры)	Связующее звено между личностью и социокультурной действительностью (Феникс)	Единица межличностного взаимодействия (Томас и Харри-Аугстайн, Харре, Шоттер)

При взгляде на таблицу видно, что эти дальнейшие подразделения каждого из направлений оказались тесно взаимосвязанными между собой, изоморфными, сводимыми к одному основанию. Если основанием для первого разделения всех подходов на два направления служит роль или функция, приписываемая смыслу в деятельности личности, то вторым основанием выступает та реальность, в которой существует смысл, та система отношений, которая порождает смысл как психологическую реальность. В первом случае это объективная действительность, объективные отношения, мир, независимый от его отражения субъектом. Во втором случае это субъективная действительность, внутренний мир, данный субъекту в его отражении. И в третьем случае это интерсубъектное пространство, социальные и межличностные отношения, социальная действительность, существующая независимо от сознания каждого индивида в отдельности, однако обусловленная уникальной совокупной практикой данного конкретного социума, лишь для членов которого она выступает как объективная и неизменная. Тем самым мы можем от исторической схемы перейти к логической, в которой шесть логических определений смысла образуются пересечением трех возможных онтологических его характеристик и двух возможных функциональных характеристик. Наше убеждение в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности этих шести логических определений, рассматривавшихся ранее как альтернативные, будет обосновано в последующих главах. Сейчас мы попытаемся лишь выделить в описанных подходах относительно инвариантные положения, повторяющиеся независимо друг от друга в разных концепциях, ориентирующихся на разные логические определения смысла.

Во-первых, отметим такие характеристики смысла, как его *связь со значимостью для субъекта определенных объектов, явлений, действий* и событий и его *индивидуальная неповторимость*. Первый момент особенно подчеркивается у З.Фрейда, В.Франкла, Дж. Ройса, Ф.Феникса, С.Мадди, Дж. Бьюджентала, Ж.Нюттена, Дж. Келли, Э.Петерфройнда. Второй отмечают почти все; особый акцент на него делают А.Адлер, В.Франкл, Дж. Ройс, Дж.

Келли, Э.Петерфройнд, Ю.Джендлин, Р.Ромметвейт, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, А.Голд и Дж. Шоттер.

По вопросу о том, что именно придает смысл конкретным объектам, явлениям и действиям, единодушие не столь велико, но все же заметно. Вместе с тем такое наиболее общее положение, как *обусловленность смысла предмета или действия его местом в более широком контексте*, объединяет Ж.Нюттена, Ф.Франзеллу, Л.Нистедта, Э.Петерфройнда, Р.Харре, А.Голда и Дж. Шоттера. На *отношение между субъектом и миром* как на детерминант смысла указывают А.Адлер, Дж. Ройс, Дж. Бьюдженталь, Ж.Нюттен, А.Голд и Дж. Шоттер. *Потребности, мотивы и интенции субъекта* рассматривают как *источники смысла* З.Фрейд, А.Адлер, К.Левин, Э.Толмен, Ж.Нюттен, Р.Мэй, Э.Петерфройнд, Р.Харре, А.Голд и Дж. Шоттер. *Зависимость смысла от когнитивных процессов переработки информации и построения образа мира* отмечают Дж. Ройс, С.Мадди, Э.Толмен, Э.Бош, Ж.Нюттен, Дж. Келли, Л.Нистедт, Э.Петерфройнд, Ю.Джендлин, Р.Харре. *Обусловленность смыслов уникальным опытом и биографией субъекта* отмечают З.Фрейд, А.Адлер, Дж. Клейн, Д.Магнуссон, Э.Петерфройнд, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, Р.Харре, причем З.Фрейд, Дж. Клейн и Э.Петерфройнд придают особое значение аффективным переживаниям раннего детства. *Роль активности самого субъекта* в порождении смыслов особенно подчеркивают В.Франкл, М.Чиксентмихали, С.Мадди, Дж. Бьюдженталь, Дж. Келли, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, Дж. Шоттер. *Социокультурную детерминацию смыслов* отмечают К.Г.Юнг, М.Чиксентмихали, Ф.Феникс, Р.Мэй, Я.Смедслунд, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, Р.Харре, причем особую *роль обучения и самообучения* в порождении смыслов отмечают Ф.Феникс, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, а также Дж. Шоттер; К.Левин указывает на влияние других людей на порождение смыслов (валентностей) в виде приказа, запрета или примера.

Взгляды разных авторов на характер влияния смысла на сознание и деятельность отличаются меньшей разработанностью и меньшим разнообразием. Сам факт того, что *поведение определяется смыслами ситуаций, предметов и явлений*, отмечают А.Адлер, В.Франкл, С.Мадди, К.Левин, Э.Толмен, Ж.Нюттен, Н.Эндлер и Д.Магнуссон, Я.Смедслунд, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, Р.Харре, причем В.Франкл и С.Мадди подчеркивают, что без смысла невозможна никакая активность вообще, отсутствие смысла приводит к заболеванию. *Влияние смысла на протекание познавательных процессов* отмечают А.Адлер, К.Левин, Ю.Джендлин. А.Адлер, В.Франкл и Дж. Шоттер связывают со смыслами *способность человека к самодетерминации*.

Среди представлений разных авторов о внутреннем строении и динамике смыслов трудно выделить общие положения, за исключением идеи *ситуативной изменчивости смысла и зависимости его от актуального состояния субъекта* (К.Левин, Л.Нистедт, Э.Петерфройнд) и подчеркивания того, что *смысл не всегда понятийно репрезентирован, не всегда осознан и не всегда может быть четко выражен доступными средствами* (З.Фрейд, А.Адлер, В.Франкл, Л.Томас и Ш.Харри-Аугстайн, Дж. Гинзбург). Среди попыток классификаций смысловых образований повторяется лишь классификация по основанию индивидуальные-общие (т. е. разделяемые другими) смыслы – у А.Адлера, В.Франкла и Я.Смедслунда.

Повторяющиеся в различных разрабатывавшихся независимо друг от друга подходах положения о природе смысла свидетельствуют о том, что смысловая проблематика отнюдь не является изобретением или внутренним делом лишь одной научной школы. Напротив, вся совокупность рассмотренных выше подходов убеждает в том, что *смысл является особой психологической реальностью, игнорируя которую или сводя ее к другим (например, эмоциональным) явлениям невозможно построить достаточно полную теорию ни личности, ни сознания, ни деятельности*.

1.3. Понимание и изучение смысла в деятельностном подходе

В отечественной психологической традиции мы обнаруживаем понятие смысла в работах Л.С.Выготского 1930-х годов. Введя это понятие в своих поздних работах (в частности, в седьмой главе «Мышления и речи») в контексте анализа сознания, Выготский, впрочем, еще сохраняет семантическую его трактовку, используя применительно лишь к вербальным, словесным смыслам. Однако уже в первых (как и во всех последующих) работах А.Н.Леонтьева, посвященных проблеме смысла, это понятие трактуется совершенно иначе. Оно десемантизировано, вынесено за пределы контекста речевого мышления и вообще сознания в плоскость дорефлексивных практических отношений субъекта с миром, в плоскость его реальной жизнедеятельности. Поэтому мы начнем наш исторический обзор с работ Л.С.Выготского и попытаемся проследить как изменение содержания этого понятия по мере его дальнейшей разработки в русле деятельностного подхода, так и пути его дифференциации, включая перспективы разработки на этой основе адекватного концептуального аппарата для построения общепсихологической теории смысла.

Выготский вводит понятие смысла в виде оппозиции «смысл-значение», ставшей уже в современной ему лингвистике почти классической. Вводя эту оппозицию, он ссылается на французского психолога Ф.Полана и, по сути, принимает его положения. «Смысл слова, как показал Полан, представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову... Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо речи... Это значение является только камнем в здании смысла» (Выготский, 1934, с. 305). Смысл слова, по Полану, определяется тем целым, частью которого он является, то есть фразой, которая, в свою очередь, приобретает смысл в контексте абзаца и т. д. до бесконечности. Соответственно, смысл слова неисчерпаем.

Выготский анализирует соотношение значения и смысла в разных видах речи, выделяя, в частности, такой своеобразный феномен, как влияние смыслов: «Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют... Такие слова, как Дон Кихот и Гамлет, Евгений Онегин и Анна Каренина, выражают этот закон влияния смысла в наиболее чистом виде. Здесь в одном слове реально содержится смысловое содержание целого произведения» (там же, с. 308). В этом своем анализе Выготский остается в рамках психолингвистического понимания смысла, однако уже здесь он делает важный шаг на пути к расширению такого понимания, подчеркивая в качестве главной заслуги Полана то, что последний сумел показать относительную независимость смысла и слова. «Смысл так же может быть отделен от выражающего его слова, как легко может быть фиксирован в каком-либо другом слове... Смысл отделяется от слова и таким образом сохраняется. Но если слово может существовать без смысла, смысл в одинаковой мере может существовать без слова» (там же, с. 306).

Таким образом, хотя в «Мышлении и речи» определены достаточно конкретные задачи, а именно задачи анализа структуры и динамики речевого мышления, анализ Выготским проблемы смысла (хотя, конечно, не только он) выводит его в более широкий контекст – в контекст проблемы строения человеческого сознания. «Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» (там же, с. 318) – этой фразой заканчивается книга «Мышление и речь». Более общие положения Выготский выдвигает в 1933–1934 годах в дискуссиях по проблеме сознания со своими учениками: «Сознание в целом имеет смысловое строение. Мы судим о сознании в зависимости от смыслового строения сознания, ибо смысл, строение сознания – отношение к внешнему миру... Смыслообразующая деятельность значений приводит к определенному смысловому строению самого сознания» (Выготский, 1982, с. 165).

Тем не менее практически все тексты Л.С.Выготского, в которых он говорит о смысле, могут быть прочитаны сегодня двояким образом. В них можно усмотреть, по желанию исследователя, или новое содержание, вкладываемое Выготским в это понятие, или традиционное употребление слова «смысл» как синонима слова «значение». Мы ранее исходили из первой интерпретации, пытаясь увидеть в этих мыслях Л.С.Выготского корни концепции личностного смысла, развернутой А.Н.Леонтьевым менее чем десятилетие спустя. Но обнаруженная И.В.Равич-Щербо в 1997 году в архивах РАО неизвестная ранее рукопись А.Н.Леонтьева (1937/1998) заставила нас пересмотреть это мнение. Из нее видно, что истоки понятия смысла, введенного А.Н.Леонтьевым, действительно обнаруживаются у Выготского, однако отнюдь не в понятии смысла, а в другом понятии – понятии переживания.

Переживание Выготский рассматривает как единицу изучения личности и среды в их единстве. «Переживание ребенка... есть такая простейшая единица, относительно которой нельзя сказать, что она собой представляет – средовое влияние на ребенка или особенность самого ребенка; переживание и есть единица личности и среды, как оно представлено в развитии... Переживание надо понимать как внутреннее отношение ребенка как человека к тому или иному моменту действительности. Всякое переживание есть всегда переживание чего-нибудь. Нет переживания, которое не было бы переживанием чего-нибудь... Но всякое переживание есть мое переживание... Переживание имеет биосоциальную ориентировку, оно есть что-то, находящееся между личностью и средой, означающее отношение личности к среде, показывающее, чем данный момент среды является для личности. Переживание является определяющим с точки зрения того, как тот или иной момент среды влияет на развитие ребенка... В переживании, следовательно, дана, с одной стороны, среда в ее отношении ко мне, в том, как я переживаю эту среду; с другой – сказываются особенности развития моей личности. В моем переживании сказывается то, в какой мере все мои свойства, как они сложились в ходе развития, участвуют здесь в определенную минуту. Если дать некоторое общее формальное положение, было бы правильно сказать, что среда определяет развитие ребенка через переживание среды... Отношение ребенка к среде и среды к ребенку дается через переживание и деятельность самого ребенка; силы среды приобретают направляющее значение благодаря переживанию ребенка. Это обязывает к глубокому внутреннему анализу переживаний ребенка, т. е. к изучению среды, которое переносится в значительной степени внутрь самого ребенка, а не сводится к изучению внешней обстановки его жизни» (Выготский, 1984, с. 382–383).

Комментируя эти положения, А.Н.Леонтьев (1937/1998) пишет: «Введение Л.С.Выготским понятия переживания скорее запутывает, чем решает здесь вопрос, так как для того, чтобы раскрыть в психологии действительное единство человеческой личности, нам нужно решительно отказаться от рассмотрения человека как субъекта переживания *par excellence*. Переживание, будучи вторичным и произвольным фактом, как раз не определяется **прямо и непосредственно** ни физиологическими свойствами субъекта, ни свойствами самого предмета переживания. То, как я переживаю данный предмет, в действительности определено содержанием моего отношения к этому предмету, или, точнее говоря, содержанием моей деятельности, осуществляющей это отношение; именно в этом содержании и снимаются собственно физиологические закономерности. Следовательно, только рассматривая человека как субъекта деятельности, мы сможем раскрыть конкретное единство физиологического и психологического, “внутреннего” и “внешнего” в его личности.

В непосредственной связи с этим стоит и второй центральный вопрос: можем ли мы рассматривать переживания в качестве исходного психологического факта и в том смысле, что именно переживание определяет меру и характер воздействия на субъекта данной ситуации или, вообще говоря, данного предмета действительности? Мы утверждаем, что нет. Ведь то, как выступает данный предмет в переживании, само определяется деятельностью субъекта по

отношению к этому предмету. Переживание действительно выступает в каждом конкретном акте человеческой деятельности, но оно не есть ни сама эта деятельность, ни ее причина, ибо, прежде чем стать причиной, она сама является следствием. В переживании, в этом своеобразном состоянии субъекта, с которым он вступает в то или иное отношение к действительности, лишь кристаллизована его прошлая деятельность, подобно тому, как она кристаллизована и в любом функциональном состоянии органов его действия – в наметанности глаза, в привычном движении руки, в работающем аппарате мысли. Напуганный фантастическими рассказами ребенок испытывает страх в темной комнате; можно сказать, что он «переживает» комнату не как обычную для него обстановку, не как свою комнату, но как нечто чуждое, таинственное, пугающее. Это переживание ребенка является действительно той призмой, через которую преломляется для него в данный момент вся ситуация темной комнаты, но оно, как всякое переживание, само является неустойчивым и трансформирующимся под влиянием своего противоречия с объективными свойствами данной ситуации, которые реально выступают в деятельности субъекта. В этой диалектике взаимопереходов переживания и деятельности **ведущей** является деятельность. Значит, влияние внешней ситуации, как и вообще влияние среды, определяется всякий раз не самой средой и не субъектом, взятым в их абстрактном, внешнем отношении друг к другу, **но и не переживанием** субъекта, а именно содержанием его деятельности. В деятельности, а не в переживании осуществляется, следовательно, действительно единство субъекта и его действительности, личности и среды» (Леонтьев А.Н., 1937/1988, с. 123–124)

Основное расхождение между трактовкой переживания у Выготского и Леонтьева заключается, как мы видим из двух приведенных отрывков, в том, что Леонтьев вводит деятельность как необходимое опосредующее звено, обуславливающее качественную определенность переживания. Но в данном контексте для нас главное не это, а то, что, заменив слово «переживание» в вышеприведенных текстах и Л.С.Выготского и особенно А.Н.Леонтьева словом «смысл», мы получаем концепцию смысла, очень близкую к той, которую мы действительно находим в работах А.Н.Леонтьева, написанных в предвоенные годы. По-видимому, именно такая замена и произошла; налицо все основания рассматривать понятие переживания в вышеприведенных трактовках как непосредственный исток и предшественник понятия смысла. Приведем одну фразу, в которой взаимосвязь переживания и смысла эксплицирована: «Формы переживания суть формы отражения *отношения субъекта к мотиву*, формы переживания *смысла деятельности*» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 48–49)

Собственно понятие смысла А.Н.Леонтьев вводит в своей докторской диссертации «Развитие психики» и в писавшихся параллельно «Методологических тетрадах» (см.: Леонтьев А.Н., 1994), причем у него это понятие изначально характеризует реальные жизненные отношения как человека, так и животного. «Смысл выступает в сознании человека как то, что непосредственно отражает и несет в себе его собственные жизненные отношения» (Леонтьев А.Н., 1977, с. 278). «Смысл в нашем понимании есть всегда смысл *чего-то* и для *кого-то*, – смысл определенных воздействий, фактов, явлений объективной действительности для конкретного, живущего в этой действительности субъекта» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 96). Тем самым проблема смысла была вынесена из плоскости сознания в плоскость порождающих это сознание реальных жизненных отношений субъекта.

«Проблему смысла надлежит ставить исторически, – писал А.Н.Леонтьев. – Понятие смысла означает *отношение*, возникающее вместе с возникновением той формы жизни, которая необходимо связана с психическим отражением действительности, т. е. вместе с психикой. Это и есть *специфическое* для этой формы жизни отношение. Осмысленная, т. е. подчиняющаяся этому отношению деятельность *и есть* деятельность психическая... Это есть деятельность, посредствованная отражением воздействующих свойств действительности, объективно связанных с теми свойствами действительности, которые непосредственно определяют жизнь, существование. Объективное отношение этих свойств, подчиняющее себе, *определяющее* дея-

тельность субъекта и вместе с тем *выступающее* и возникающее в ней, и есть отношение *смысла*, есть *смысл*. Смысл есть, следовательно, не категория самой действительности, взятой абстрактно, отвлеченно от субъекта, но и не категория чисто субъективная. Это есть субъективно-объективная категория» (*там же*, с. 207–208).

В качестве одной из основных черт смысла А.Н.Леонтьев отмечает его неустойчивость, подверженность изменениям. Многочисленные факты позволили ему прийти к заключению о том, что динамика смысла обусловлена динамикой деятельности субъекта. «Смысл принадлежит не предмету, а деятельности. Лишь в деятельности предмет выступает как смысл» (*там же*, с. 167). «Смысловые связи – это те связи, которые не осуществляют деятельность, а осуществляются ею. Процесс их образования и есть тот чрезвычайный процесс, в результате которого возникает психологическое содержание поведения» (*там же*, с. 101). Тем самым было введено отсутствовавшее у Выготского необходимое звено между объективным отношением между субъектом и условиями его существования, с одной стороны, и, с другой стороны, пассивно отражающим это объективное отношение сознанием. Смысл сам по себе не может связывать сознание с внешним миром; реально эту функцию выполняет деятельность, которая хоть и направляется смыслом, однако осуществляется реально в столкновении с предметом в его объективных и устойчивых свойствах и изменяется в соответствии с реальным предметом и реальными свойствами (*там же*, с. 110).

Понятие смысла изначально оказалось введено в контексте зоопсихологии и эволюционной психологии. Различая смысловые механизмы у животных и у человека, А.Н.Леонтьев использовал для обозначения первых понятие «инстинктивный смысл» (впоследствии «биологический смысл»), а для вторых – «сознательный смысл» (впоследствии «личностный смысл»). Но различие между ними заключается отнюдь не только в терминах. Задача генетического исследования, по А.Н.Леонтьеву, состоит в том, чтобы показать развитие и трансформацию *смысла деятельности*. На низших ступенях развития психики животных это всегда смысл отдельных воздействующих свойств, у более развитых животных – смысл отдельных предметов; на еще более высокой стадии – смысл межпредметных связей, смысл ситуаций. Вместе с тем есть и инвариантные особенности инстинктивных смыслов животных, отличающие их от человеческих. «Главная, весьма общая характеристика инстинктивного смысла — 1: его неконстантность: для пресыщенного животного пища утрачивает смысл пищи, для животного весной и летом особи противоположного пола имеют различный смысл... 2: для животного не все имеет смысл [ср. Гельб: “для человека даже бессмысленное имеет смысл – бессмысленного”]» (*там же*, с. 208)

У человека биологический, инстинктивный смысл превращается в смысл сознательный. Но это превращение имеет непрямой характер. Оно опосредовано возникновением феномена общественного сознания и его элементов – значений, не имеющих аналогов в животном мире. «Значение есть категория *общественного* сознания... оно, отражая отношение предмета не к индивиду, но к коллективу, отражает устойчивое *в предмете* и устойчивое в потребности субъекта, теперь человеческой, т. е. общественной его *потребности*. Субъект здесь = коллектив.

Смысл выступает теперь как смысл для коллектива и лишь тем самым и для субъекта: он осознается... Прямые инстинктивные биологические связи с природой сосуществуют, не могут не сосуществовать некоторый период с отношениями к природе, уже ставшими общественными. Сосуществуют инстинктивные смыслы и общественные значения.

Возникновение в ходе развития общественных отношений сознания “Я” и есть возникновение *сознательного смысла*. Первичное значение раздваивается: появляется отношение смысл-значение. Смысл и есть “для меня значение”... Так возникает *мое общественное сознание*, возникает общественный предмет, предмет *моего общественного сознания*» (*там же*, с. 209).

Понятие смысла в работах А.Н.Леонтьева практически с самого начала вошло в систему основных понятий складывающейся теории деятельности. Один из первых вариантов деятельностной трактовки смысла в контексте других понятий теории содержится в недавно опубликованных тезисах А.Н.Леонтьева, относящихся к 1940 году. «Предмет действия, – пишет А.Н.Леонтьев, – выступает для субъекта всегда в определенном отношении к мотиву... Это сознаваемое отношение предмета действия к его мотиву и есть *смысл действия*; форма переживания (сознавания) смысла действия есть сознание его *цели*. (Поэтому предмет, имеющий для меня смысл, есть предмет, выступающий как предмет возможного целенаправленного действия; действие, имеющее для меня смысл, есть, соответственно, действие, возможное по отношению к той или иной цели.)

Изменение смысла действия есть всегда изменение его мотивации» (*там же*, с. 49).

Начиная с этого времени понятие смысла прочно становится одним из ключевых объяснительных понятий психологической теории деятельности. Для того чтобы проследить его дальнейшее развитие, целесообразно, на наш взгляд, разграничить три аспекта рассмотрения смысла: структурный, генетический и функциональный. Структурный аспект включает в себя представления о месте личностного смысла в структуре деятельности, сознания и личности, соотношении его с другими психологическими образованиями, а также уточнение определения самого понятия и его дифференциацию. Генетический аспект охватывает выявление закономерностей, факторов и детерминант порождения смысла, процессов и механизмов, лежащих в основе его формирования, развития и изменения. Функциональный аспект рассмотрения смысла отражает представления о месте и роли смысла в процессах сознания и деятельности, о влиянии его на протекание деятельности и на особенности психических процессов. Мы проследим развитие этих линий до середины 1970-х годов, когда понятие личностного смысла перестало быть единственным, описывающим смысловую реальность.

Обратимся вначале к генетической линии исследований. Основные положения, касающиеся порождения смыслов, были сформулированы в цикле статей А.Н.Леонтьева 1940-х годов, посвященных проблеме развития психики ребенка (*Леонтьев А.Н.*, 1947, 1948, 1959). В этих работах последовательно проводится мысль о том, что конечным источником смысла выступают реальные жизненные отношения, в которые включен субъект; непосредственным же смыслообразующим фактором выступает мотив деятельности. «Вопрос о смысле есть всегда вопрос о мотиве» (*Леонтьев А.Н.*, 1947, с. 28). Одно и то же действие, входя в разные деятельности, то есть будучи мотивировано разными мотивами, приобретает разный смысл. «По своему объективному содержанию действие может остаться почти тем же самым, но если оно приобрело новый мотив, то психологически оно стало уже иным. Оно иначе протекает, иначе развивается, ведет к совсем другим, субъективно, следствиям; оно занимает другое место в жизни личности» (*там же*, с. 29). Цепочка детерминации прослеживается А.Н.Леонтьевым до ее объективной основы: «Развитие смыслов – это продукт развития мотивов деятельности; развитие же самих мотивов деятельности определяется развитием реальных отношений человека к миру, обусловленных объективно-историческими условиями его жизни» (*там же*, с. 28). Понятие смыслообразования, введенное А.Н.Леонтьевым, однозначно связывается у него с мотивами, их смыслообразующей силой или функцией (*Леонтьев А.Н.*, 1959, 1971).

В отдельных случаях отношение между действием и мотивом деятельности, в которую оно входит, может быть весьма неоднозначным и сложным. Так, многие сложные виды деятельности отвечают одновременно не одной, а нескольким потребностям и побуждаются, соответственно, несколькими мотивами. В этом случае деятельность обладает многосторонним смыслом (*Леонтьев А.Н.*, 1956, с. 360). Ранее, еще в 1940 году А.Н.Леонтьев ввел понятие поступка для обозначения действия с амбивалентным смыслом: «В случае, когда действие входит в двоякую деятельность, но мотивация обеих этих деятельностей, будучи различной, не является, однако, противоположной по своему знаку, мы называем такое действие поступком. Поступок

требует сознания отношений, существующих между обеими деятельностями, и учета обоих мотивов; поступок есть, следовательно, действие сложномотивированное, имеющее сложный смысл» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 50). В дальнейшем, однако, это понятие развития не получило.

Еще более сложные отношения характеризуют так называемый отраженный смысл. В этом случае ребенок (в примерах А.Н.Леонтьева) «...может стремиться к достижению цели, которая сама по себе не привлекательна для него, ради чего-нибудь другого, или, наоборот, отказаться от чего-нибудь непосредственно приятного для того, чтобы достичь более важного или избежать нежелательного» (Леонтьев А.Н., 1948, с. 8–9). Подобный отраженный смысл связывает действие не просто с одним или даже несколькими мотивами, а уже с некоторой их иерархией.

Дальнейшее развитие представлений о смыслообразовании касается больше мотивов, чем собственно смыслов. Вводится понятие смыслообразующей функции мотива наряду с побудительной его функцией (Леонтьев А.Н., 1966, 1971) и различение смыслообразующих мотивов и мотивов-стимулов (Леонтьев А.Н., 1971). Само понятие мотивов-стимулов возникло несколько раньше (Леонтьев А.Н., 1956). Мы остановимся на этом подробно в разделе, посвященном мотивам. Здесь же необходимо отметить, что, признавая, как отмечалось выше, длинную цепочку детерминации в процессе порождения смыслов, А.Н.Леонтьев в конкретном анализе практически не выходил за пределы связки смысл-мотив. Расширение рамок анализа смыслообразования произошло уже вместе с дифференциацией понятия личностного смысла и возникновением во второй половине 70-х годов ряда родственных понятий, о которых речь пойдет ниже, поэтому здесь мы обрываем анализ этой линии развития концепции смысла и обращаемся ко второй линии – линии функционального анализа.

Эта линия исследований опирается на достаточно разнообразный эмпирический материал, а понятие смысла выступает в качестве объяснительного. Ряд экспериментальных исследований, описанных, в частности, в работах А.Н.Леонтьева (1947, 1948, 1959) и А.В.Запорожца (1960, 1986 а) демонстрируют на различном материале зависимость эффективности различных действий от деятельности, в которую эти действия включены, от отношения между мотивом деятельности и целью действия. Пожалуй, наиболее выпукло эта зависимость проявилась в работе А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца (1945), посвященной восстановлению функций руки после ранения. Было обнаружено, что характер движения определяется соотношением двигательной задачи с личностной установкой больного. В результате ранения у больных формируется установка на щажение руки, которая ограничивает диапазон субъективно приемлемых движений руки в период выздоровления по сравнению с диапазоном объективно возможных движений. Эту установку оказалось возможным преодолеть с помощью воздействия на мотивы больных, они приобрели большую свободу в своих движениях, что позволило существенно ускорить процесс выздоровления и возвращения их в строй.

В этом исследовании, как и в ряде других экспериментов (Д.Б.Эльконин, А.В.Запорожец, Я.З.Неверович, З.М.Истомина и др.), объяснительный потенциал понятия смысла был относительно невелик, поскольку изменение смысла практически везде отождествлялось с изменением мотива; связь смысла с мотивом была однозначной. Хотя А.Н.Леонтьев подчеркивал, что решающим фактором является не сила мотива, а содержательная смысловая связь между побуждением и действием (1948, 1959), операционально эта связь задавалась лишь мотивом как таковым. Вместе с тем в некоторых работах удалось показать несовпадение, расхождение между мотивом деятельности и смыслом, возникавшее тогда, когда в деятельность вмешивались другие мотивы. В качестве примера можно назвать известный феномен «горькой конфеты» (Леонтьев А.Н., 1947): ребенок, обманом получив желанное вознаграждение (нарушив правила при выполнении задания), переживает внутренний конфликт и отказывается от неправедно заработанной конфеты; она приобретает для него отрицательный или, по меньшей мере, амбивалентный личностный смысл. Подобного рода феномены оказалось легче всего проде-

монстрировать на детях дошкольного возраста, поскольку их мотивы еще не образуют устойчивой иерархии.

Четкое разведение мотива и смысла в психологическом эксперименте удалось осуществить Я.З.Неверович (1986), которая варьировала не только мотив, но и цель действия. В ее опытах дошкольники усердно и старательно делали флажки для подарка малышам; когда им предлагалось сделать флажок в подарок маме, это вызывало у них недоумение и лишь немногие доводили работу до конца. В то же время они горячо откликнулись на предложение сделать в подарок маме салфетку, но изготовить ту же салфетку для малышек отказывались. Здесь ясно видно, что не только эффективность одного и того же действия зависит от мотива, но и побудительная сила одного и того же мотива зависит от характера его связи с целью действия.

В 70-е годы наметился новый уровень теоретического осмысления влияния смыслов на протекание деятельности и психических процессов. Этот новый уровень связан с разработкой в трудах А.В.Запорожца, Я.З.Неверович и их сотрудников представления о механизмах эмоциональной коррекции поведения и мотивационно-смысловой ориентировки. Эмоциональная коррекция поведения характеризуется «...приведением общей направленности и динамики поведения в соответствие со смыслом проблемной ситуации и производимых в ней действий для субъекта, для удовлетворения его потребностей и интересов, для реализации его ценностных установок» (*Запорожец, 1986 а, с. 265*). По мере развития эмоциональной сферы ребенка эмоциональная коррекция сдвигается от конца к началу деятельности, приобретает предвосхищающий характер, позволяющий «...не только предварительно представить отдаленные результаты своих действий, но и заранее прочувствовать тот смысл, который они будут иметь для окружающих, а вместе с тем и для него самого» (*Запорожец, 1986 б, с. 19*). Складываются особые механизмы мотивационно-смысловой ориентировки, которая вначале осуществляется в плане непосредственного восприятия, а потом переходит в план воображения. «В процессе такого рода деятельности решаются сложные смысловые задачи путем своеобразных мысленных преобразований данной ситуации, позволяющие обнаружить ранее скрытую положительную или отрицательную ценность для субъекта как сложившихся обстоятельств, так и действий, которые в этих обстоятельствах могут быть выполнены» (*там же, с. 28*). Эти представления легли в основу цикла экспериментальных исследований, опубликованных в вышедшей под редакцией А.В.Запорожца и Я.З.Неверович коллективной монографии «Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста» (1986).

К линии развития представлений о личностном смысле под функциональным углом зрения относится также многолетний цикл исследований мыслительной деятельности, ведущийся под руководством О.К.Тихомирова (см., например: *Тихомиров, 1984; Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980*). Этот цикл исследований имеет прямую связь с идеями, развиваемыми нами в настоящей работе, и основные его результаты будут изложены нами в разделах 2.6 и 3.7 в контексте проблемы системной организации смысловой сферы личности.

Вернемся теперь к третьей, наиболее важной в нашем контексте, линии развития концепции личностного смысла, а именно линии развития представлений о сущности смысла, о месте этого понятия в системе психологических понятий.

Выше мы уже охарактеризовали в общих чертах понятие личностного смысла, как оно выступило в первых публикациях на эту тему А.Н.Леонтьева, относящихся к 1944–1947 годам. А.Н.Леонтьев ставил акцент на разведении личностного смысла и значения, подчеркивая, в частности, что смысл не является атрибутом значения, вопреки тому, как это кажется в интроспекции, и демонстрируя коренные изменения отношений между смыслами и значениями в ходе исторического развития сознания человека (1972). Смысл и значение, прежде всего, имеют разные источники: значения усваиваются субъектом в ходе распремечивания человеческой культуры, они являются дериватом совокупной общественной практики, в то время как смыслы производны от реальных жизненных отношений конкретного субъекта, от его индиви-

дуальной практики. П.Я.Гальперин (1945), в отличие от А.Н.Леонтьева, определяет и смысл, и значение сквозь призму индивидуальной практики: значение характеризует вещь в ее отношении к другим вещам, а смысл – ту же вещь в ее непосредственном отношении к индивиду. Похожее мы встречаем и у А.В.Запорожца (1960, с. 387).

Как мы уже указывали, понятие личностного смысла с самого начала выступало у А.Н.Леонтьева как связующее звено между сознанием и деятельностью. С другой стороны, все основные положения, описывающие личностный смысл в структурном аспекте, были высказаны А.Н.Леонтьевым в контексте анализа сознания; личностный смысл неизменно рассматривался как одна из его главных образующих (*Леонтьев А.Н.*, 1947, 1966, 1977). Диспропорция здесь вполне понятна, если учесть, что по отношению к деятельности смысл выступал преимущественно как продукт, дериват ее структуры, в то время как в контексте анализа сознания смысл предстал как существенный его детерминант, понятие смысла становилось объяснительным. В наиболее законченном виде отношения между сознанием и смыслом представлены в книге «Деятельность. Сознание. Личность» (*Леонтьев А.Н.*, 1977), где личностный смысл описывается как одна из составляющих сознания, наряду с двумя другими – значением и чувственной тканью. Наиболее существенным, однако, в этой работе является рассмотрение смысла в новом контексте – в контексте проблемы личности. Личность характеризуется в этой работе не только как конфигурация «...главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий» (с. 221), но и как связная система личностных смыслов (с. 212). Рассмотрение того, как именно личностные смыслы входят в структуру личности, в книге ограничивается лишь анализом иерархических взаимоотношений мотивов.

Как мы видим, само понятие личностного смысла не претерпело заметных изменений за время, прошедшее с середины сороковых годов до середины семидесятых. Вместе с тем развивались и обогащались представления об отношениях между смыслом и деятельностью, смыслом и сознанием, смыслом и значением, смыслом и мотивом, смыслом и личностью. Понятие смысла включалось во все более широкие и разнообразные контексты, приобретало все большие объяснительные возможности. Усложнение содержания этого понятия требовало его дифференциации. Поэтому на смену первому этапу развития концепции личностного смысла, когда это понятие было единственным, описывавшим смысловую реальность, в середине 1970-х годов закономерно пришел второй этап, характеризующийся появлением ряда родственных понятий, описывающих различные, не совпадающие друг с другом, аспекты смысловой реальности.

Чрезмерная обобщенность понятия «смысл» и необходимость его дифференциации были впервые отмечены в работе В.К.Вилюнаса (1976). Введя обобщающий родовый термин «смысловые образования», основной характеристикой которых является то, что они отражают не объективные свойства вещей, а отношение их к удовлетворению потребностей субъекта, В.К.Вилюнас проводит несколько существенных различий. Во-первых, анализируя механизмы смыслообразования, он отмечает, что «смыслообразует не некоторое объективное отношение и не мотив как объективное, а *смысл мотива*, как бы переливающийся по объективным связям ко всему, что имеет к мотиву отношение» (1976, с. 97–98). Смысл мотива он характеризует как ведущий смысл по отношению к производным смыслам, которыми ситуативно наделяются представленные в сознании цели. Второе разведение относится к вербализованным и невербализованным смыслам. (Несколько раньше это разведение было введено в другом контексте *О.К.Тихомировым*, 1969.) Первые являются продуктом и результатом осознания последних, решения «задачи на смысл». Вербализованный смысл шире и богаче, только он является подлинной «единицей» сознания (*Вилюнас*, 1976, с. 94, 99). В то же время невербализованный смысл истиннее, поскольку осознание смысла не всегда бывает полностью адекватным. Осознаваться могут только производные смыслы. В последующих работах, однако, В.К.Вилюнас

не развивает дальше эту линию, фактически отказываясь от использования понятия смысла как объяснительного (Виллюнас, 1986).

Одновременно А.Г.Асмолов (1976, 1977 а, б, 1979) вводит понятие смысловой установки, развивая высказанную когда-то А.В.Запорожцем мысль о том, что именно в форме установки получают выражение личностно-смысловые отношения (Запорожец, 1960, с. 387). Если личностный смысл, по А.Г.Асмолову, функционирует в плане сознания, то смысловая установка является выражением личностного смысла в плане деятельности и представляет собой готовность к совершению определенной деятельности. «Смысловая установка непосредственно проявляется в различных действиях человека, выражая в них тенденцию к сохранению общей направленности деятельности в целом» (Асмолов, 1979, с. 69). Смысловая установка может быть как осознаваемой, так и неосознаваемой. В иерархической уровневой модели установочной регуляции деятельности (Асмолов, 1979) смысловая установка образует верхний уровень, обладая фильтрующей функцией по отношению к установкам нижележащих уровней.

Первая статья, специально посвященная проблеме смысловых образований, принадлежит Е.В.Субботскому (1977), который использовал это обобщающее понятие для объяснения поведения ребенка в социальной ситуации (Субботский, 1976, 1977). Е.В.Субботский дает следующее определение смыслового образования: «...это составляющая сознания, которая непосредственно связывает человека с действительностью и является дериватом объективных функций этой действительности в жизни и деятельности субъекта» (1977, с. 63). Не ставя задачи выделения видов смысловых образований, Е.В.Субботский детально анализирует их проявления в ситуации психологического эксперимента. «Задача на смысл» встает перед экспериментатором «...тогда, когда поведение субъекта отклоняется от оптимальной линии достижения цели в границах, выходящих за пределы “интеллектуалистической” презумпции объяснения... При изучении же смысловых образований необходимо научиться экспериментально вызывать и контролировать подобные “отклонения”» (там же, с. 64).

Е.В.Субботский указывает на многомерность смысловых образований, выражающуюся в различной степени их влияния на поведение и в различной степени их осознанности; задача на смысл возникает лишь по отношению к «непрозрачным», скрытым мотивам. Анализируя возможности влияния на смысловые образования ребенка в лабораторном эксперименте, Е.В.Субботский описывает методический прием, который должен лежать в основе формирующего эксперимента, а именно изменение позиции ребенка в ситуации, в системе его взаимоотношений с другими людьми, что влечет за собой изменение для него смысла ситуации. Чисто научное исследование сливается в подобном эксперименте с формирующим воспитательным воздействием. Позже Е.В.Субботский подчеркивал связь смысловых образований с «прагматической» базовой мотивацией субъекта (Субботский, 1984, с. 11, 42).

Новые представления о смысловой организации личности отвечали существовавшей у многих исследователей потребности в концептуальном аппарате для разработки различных аспектов проблемы личности – проблемы в то время еще относительно новой. Это, в свою очередь, требовало дальнейшей разработки представлений о смысловых образованиях, что привело к созданию в 1977 году на факультете психологии МГУ межкафедральной научно-исследовательской группы по исследованию личности. Смысловое образование выступило в работах группы как «специфическая базовая единица личности» (Асмолов, Братусь, Зейгарник и др., 1979). За несколько лет своего существования группа выработала основные принципы подхода к анализу смысловых образований, изложенные в программной статье (там же), в которой были отмечены такие свойства смыслового образования, как его производность от реального бытия субъекта, его объективной позиции в обществе; предметность; независимость от осознания и некодифицируемость в системе значений. В статье были также систематизированы методические приемы исследования смысловых образований и сформулирован методический и методологический принцип опосредования изменений смысловых образований изме-

нениями самой деятельности субъекта. Более полно, на наш взгляд, методические принципы исследования смысловых образований были изложены в другой работе (*Асмолов, Насиновская, Басина, 1979*), в которой также дано наиболее удачное, на наш взгляд, определение смысловых образований: «Смысловые образования – это порожденные развитием деятельности субъекта психические образования, в которых в специфической форме отражено пристрастное, индивидуализированное отношение субъекта к миру» (*там же*, с. 219). В этой же статье были впервые перечислены конкретные структуры, объединенные понятием «смысловые образования», а именно смыслообразующие мотивы, личностные смыслы и смысловые установки; этот перечень не был закрыт.

Во многом благодаря усилиям группы по исследованию личности понятия, описывающие смысловую реальность, прочно вошли в обиход психологов, работающих в самых разных областях. В 80-е годы основной прогресс в развитии представлений о структурной организации смысловой сферы личности связан с работами Е.Е.Насиновской, Б.С.Братуся, В.В.Столина и А.Г.Асмолова.

Согласно Е.Е.Насиновской, смысловое образование – «...это психическое образование (презентированное или непредставленное сознанию), характеризующее собственно личностное развитие человека и определяющее личностно-смысловую сторону его мотивации. Смысловые образования формируются в индивидуальной жизни субъекта, несут в себе субъективное отношение индивида к разнообразным объектам (данным во внешнем или внутреннем планах) и неизбежно участвуют в жизни личности, то есть являются одновременно и эмоционально-оценочными, и действенными образованиями» (*Насиновская, 1988*, с. 3–4). В качестве одного из основных признаков смыслового образования Е.Е.Насиновская рассматривает слитность с областью «Я», ощущение внутренней необходимости действия. Активно-действенный характер смысловых образований особенно подчеркивался Е.Е.Насиновской, рассматривающей их в контексте исследования механизмов мотивации.

Особый интерес для нас представляет выделение Е.Е.Насиновской видов смысловых образований: смыслообразующих мотивов, смысловых установок и личностно-значимых эмоциональных переживаний. «Если смыслообразующие мотивы представляют собой относительно стабильные смысловые образования, характеризующие структуру личности, то смысловые установки и личностно-значимые эмоциональные переживания – это динамические, ситуационные смысловые образования, складывающиеся в конкретных условиях развертывания деятельности и прекращающие существование с исчезновением этих условий, что, однако, не лишает их статуса “представителей” личности» (*Насиновская, 1982*, с. 5). Два вида динамических смысловых образований различаются в свою очередь тем, что если личностно-значимые переживания являются формой субъективной презентации личностного смысла, то смысловая установка представляет собой объективную форму его существования.

Позднее Е.Е.Насиновская несколько видоизменила представления о соотношении этих трех структур; собственно к смысловым образованиям она стала относить смыслообразующие мотивы и личностные смыслы, приписав смысловой установке и эмоциональным переживаниям статус разных форм существования личностного смысла. К ним она добавила третью – вербальную форму, возникающую как результат решения «задачи на смысл» (*Насиновская, 1988*). Кроме этого, она ввела важную дифференциацию смысловых установок, различив «смысловую установку как фиксированное образование» и «конкретно-ситуативную смысловую установку», а также ввела нетрадиционное понятие прагматического смысла, понимая под ним релевантное внешним мотивам-стимулам значение, выполняющее по отношению к ним те же функции, что и личностный смысл по отношению к смыслообразующим мотивам (*там же*). В работах Е.Е.Насиновской представлена первая развернутая попытка представить дифференцированную картину смысловой сферы личности, соотнести между собой и интегрировать в единую модель представления о различных смысловых структурах.

Б.С.Братусь, введя понятие «смысловая сфера личности» (1981), в то же время отказался от использования понятия «смысловое образование» как родового, обобщающего и дал ему более узкое определение – как «...отношение мотива более общего к... мотивам менее общим и соответственно деятельности более общей и широкой к деятельности менее общим» (*Зейгарник, Братусь*, 1980, с. 117). Такое узкое понимание смыслового образования выводится Б.С.Братусем из более широкого, чем у А.Н.Леонтьева, понимания смыслообразования, которое, согласно Б.С.Братусю, не ограничивается связкой мотив-цель, а представляет собой цепь отношений меньшего к большему, в которых и порождается смысл: отношения действия к мотиву, мотива к более широкому смыслообразующему мотиву и т. д. вплоть до смысла жизни, который определяется ее отношением к тому, «что больше нашей жизни и не оборвется с ее физическим прекращением (дети, счастье будущих поколений, прогресс науки, поиск истины и т. д.)» (*Братусь*, 1983, с. 216). Смысловое образование, как и личностный смысл, является частной конкретизацией этого глобального смыслообразующего отношения на определенном уровне. Вместе с тем именно в смысловом образовании – отношении внутри пучка мотивов – Б.С.Братусь видит единицу анализа личности, смысловое строение которой и образует ее психологическую субстанцию, ее «тело» (*Братусь*, 1983). В отличие от личностного смысла – отношения мотива к цели, – смысловые образования лежат «за» мотивами, имеют более общий характер; к смысловым образованиям Б.С.Братусь относит и ценности.

Принципиально важным, на наш взгляд, является выдвигаемое Б.С.Братусем положение о том, что смысловые образования, как и личностные смыслы, порождаются не единичными изолированными отношениями, а целой разветвленной системой подобных отношений. В результате единица анализа личности предстает как сложная, многомерная смысловая структура. Так, например, в связи с приведенным нами выше высказыванием о смысле жизни Б.С.Братусь указывает, что «не сами по себе как таковые дети, счастье будущих поколений или прогресс науки являются смыслами жизни, а те многочисленные и сложные связи, принципы, соотношения, которые порождаются этими мотивами и образуют связную систему смыслов» (*Братусь*, 1985, с. 25). Существенным вкладом Б.С.Братуся в рассматриваемую нами проблематику является выделение им двух функций смысловых образований – функции создания эскиза будущего и функции нравственной оценки действий (*Братусь*, 1981, 1983, 1985), – а также различение нескольких уровней смысловой сферы личности (*Братусь*, 1985, 1988).

Воплощением идеи многомерной системной организации смысловых образований стало введенное А.Г.Асмоловым (1983, 1984) понятие динамической смысловой системы. Понятие динамической смысловой системы является воплощением выдвинутой Л.С.Выготским идеи единства аффекта и интеллекта. Согласно А.Г.Асмолову (1984), динамическая смысловая система не только характеризуется производностью от деятельности субъекта и от занимаемой им позиции, но обладает и собственным внутренним движением, своей динамикой, определяемой сложными иерархическими отношениями между составляющими динамической смысловой системы – личностными смыслами, смысловыми установками и др. А.Г.Асмолов рассматривает динамическую смысловую систему как единицу анализа личности, сохраняющую в себе содержательные характеристики личности как целого, и описывает ее с разных сторон, не давая, однако, рабочего определения этого понятия.

Три класса смысловых образований – общие смысловые ориентации, частные смысловые образования и актуальные смысловые содержания, – образующие три иерархических уровня смысловой сферы личности, выделяются Е.З.Басиной (1986) по параметру обобщенности, устойчивости, характеру их участия в процессах смыслообразования, побуждения и регуляции деятельности. Наиболее обобщенными и стабильными являются смысловые ориентации, к которым относится система доминирующих мотивов и ценностей, мировоззрение, самосознание личности. Смысловые ориентации внеситуативны; они релевантны целостному жизненному пути личности. Частные смысловые образования производны от смысловых ориента-

ций и задают смысловую сторону побуждения и регуляции конкретных деятельностей, а также основное содержание внутренней жизни личности. К ним относятся смысловые установки, конкретные мотивы, чувства. Актуальные смысловые содержания понимаются как выражение личностного смысла в непосредственно переживаемой форме. Они ситуативны и определяются более общими смысловыми образованиями (Басина, 1986).

В работах А.Г.Асмолова, Е.З.Басиной, Б.С.Братуся, В.К.Вилюнаса, Е.Е.Насиновской, Е.В.Субботского и др. смысловые образования рассматриваются преимущественно в плоскости отношений «личность-деятельность». Другую плоскость анализа – плоскость отношений «личность-сознание» – представляют работы В.В.Столина и его сотрудников, которые развивают идеи А.Н.Леонтьева (1948, 1956) о сложных формах взаимоотношений между смыслом действия и несколькими рядоположенными соподчиненными мотивами деятельностей, на пересечении которых оказывается анализируемое действие.

Исходным пунктом анализа выступает логическое различие четырех видов смыслов. «Можно рассматривать четыре возможных отношения, в качестве которых может выступать то или иное явление в структуре деятельности: 1) явление выступает в качестве мотива, 2) явление представляет собой условие, способствующее достижению мотива, 3) явление представляет условие, препятствующее достижению мотива, 4) явление представляет собой условие, содействующее достижению одного мотива и препятствующее достижению другого. Этим четырем отношениям соответствуют и четыре возможных смысла явления: смысл мотива, позитивный смысл, негативный смысл, конфликтный смысл» (Кальвиньо, 1981, с. 19). Основными объектами исследования В.В.Столина и его сотрудников стали почти не изучавшиеся ранее в рамках деятельностного подхода негативные и конфликтные смыслы. Содержательной характеристикой негативных смыслов стали понятия личностной преграды, преградных смыслов, а также преградной функции мотива (Столин, 1980, 1983 а, б; Пилипейченко, 1984). Выделение преградной функции мотива и преградных смыслов опирается на тот факт, что отказ человека от совершения определенных действий столь же содержательно характеризует его личность, как и совершение им других действий. Экспериментальные исследования позволили выделить классы внутренних преград (Столин, 1983 а, б), изучить их специфику у правонарушителей (Пилипейченко, 1984). Представление о преградных смыслах позволило по-новому подойти к теоретическому обоснованию проективных методов исследования личности (Соколова, Столин, 1980).

С конфликтными личностными смыслами действия мы сталкиваемся в тех случаях, когда действие выступает как условие реализации одного мотива и одновременно как препятствие к реализации другого. Такое действие В.В.Столин называет поступком (1983 а). Он рассматривает конфликтный смысл как единицу строения самосознания личности, поскольку именно совершение поступка, смысловой конфликт порождает необходимость рефлексивного самосознания, решения задачи на смысл. Эффективное переживание и разрешение конфликтных смыслов в деятельности самосознания приводит к перестройке системы личностных смыслов, творческому преобразованию прежних связей (Столин, 1983 а, б). В экспериментальном исследовании А.В.Визгиной (1987) были выявлены взаимосвязи между различными структурами конфликтных смыслов Я и особенностями строения внутреннего диалога. Обобщенный анализ проблемы самоотношения как смысла Я был дан С.Р. Пантелеевым (1991), который обосновал несводимость самоотношения к самооценке, выделив также особое измерение эмоционально-ценностного отношения к себе. В более поздних исследованиях была подтверждена независимость эмоционально-ценностного или «смыслового» самоотношения от форм презентации самооценки и от характерологических особенностей, а также его «внутренне-диалогическая» природа (Зимачева, 1997).

Положения В.В.Столина и его сотрудников тесно перекликаются с идеями Ф.Е.Василюка (1984) о специфической внутренней деятельности переживания критических ситуаций, кото-

рая представляет собой смыслостроительство, направленное на устранение возникающего рас- согласования между смысловой сферой личности и субъективной действительностью.

Анализ связи сознания и смысла неотделим от вопроса о форме, в которой личностные смыслы устойчиво фиксируются в сознании. В цикле исследований В.В.Столина и М.Кальвиньо (*Сталин, Кальвиньо, 1979, 1982; Кальвиньо, 1981; Сталин, 1983 а, б*) было выявлено, что «...уже отдельно взятое значение, если оно выражает тот или иной личностный смысл, приобретает в сознании семантические компоненты, не предполагаемые словарным значением слова. Различными оказываются и эмоциональный тон (констативный, или аффективный, компонент значения) и особенности противопоставления значения другим значениям» (*Сталин, 1983 б, с. 226*). Результаты экспериментального исследования позволили ввести понятие смысловых конструкторов как формы существования личностного смысла в сознании. В отличие от личностных конструкторов в понимании Дж. Келли, смысловые конструкторы не первичны по отношению к личностным смыслам, а, наоборот, производны от них (*Кальвиньо, 1981*).

В конце 1980-х годов исследования смысловых образований и смысловой сферы личности пошли на спад, который продолжается до настоящего времени. Этот спад был обусловлен отходом ряда авторов от смысловой проблематики, который не компенсировался достаточным числом новых общетеоретических идей. Основной прогресс в понимании смысла и смысловых процессов в плоскости сознания был связан в этот период с работами Е.Ю.Артемьевой (1986, 1987, 1999), в плоскости деятельности – с работами Б.В.Зейгарник (*Зейгарник, 1986; Зейгарник, Холмогорова, Мазур, 1989*), а также В.А.Иванникова (1989, 1991) и его учеников (*Эйдман, 1986*), а в плоскости собственно личности – с работами Б.С.Братуся (1988, 1994). В это же время было опубликовано большое количество наших работ, однако мы не будем уделять им здесь специальное внимание, поскольку все они в той или иной форме вошли в последующие разделы данной книги.

Целью исследований Е.Ю.Артемьевой, посвященных проблеме структурирования субъективной реальности, было «...связать реальность деятельностной предыстории с реальностью образующих образа мира: связать опыт и смысл» (*Артемьева, 1987, с. 3*). Смысл Е.Ю. Артемьева определяет как «след взаимодействия с объектом, явлением, ситуацией в виде отношения к ним» (*там же, с. 11*). Системы смыслов она называет субъективными семантиками. Многочисленные экспериментальные исследования, проведенные Е.Ю.Артемьевой и ее учениками, позволили прийти к выводам о наличии механизмов опознания и сопоставления объектов по их смысловой характеристике – семантическим кодам, имеющим амодальную природу и легко проецируемым на семантики любой модальности. В частности, было доказано, что при встрече с объектом прежде всего актуализируется его недифференцированный смысл, согласно которому настраиваются сенсорные системы, осуществляющие на следующем этапе собственно перцептивную обработку стимула. Исследования Е.Ю.Артемьевой оказали, впрочем, влияние на последующие работы не столько в плане теории, сколько в плане методологии и методов изучения субъективной реальности.

В работах Б.В.Зейгарник этого периода (1981, 1986) на первый план выступают исследования саморегуляции и опосредствования в норме и патологии. Она впервые эксплицитно сформулировала принципиально важное в контексте нашей работы положение о том, что смысловые образования осуществляют функцию контроля за жизнедеятельностью, образуют регуляторную систему, что «именно благодаря наличию смысловых образований оказывается возможной саморегуляция при постановке целей, при осознании своих поступков» (*Зейгарник, 1986, с. 108*). С этой идеей связана и другая, столь же важная – о том, что смыслообразование связано с выходом за пределы ситуации. «Опосредованное поведение – это всегда поведение зрелой личности. Это подчинение целям, которые стоят перед человеком. Опосредованность формируется, если имеет место осознание не только своих поступков, но и своих мотивов, стоящих за ними. Вместе с тем процесс смыслообразования, выделения целей возможен только

при наличии опосредованности, умения выходить за рамки ситуационного поведения» (*там же*, с. 109). Человек способен «стать над ситуацией», изменив ее психологический смысл для себя; эта способность постепенно развивается в онтогенезе, но может нарушаться при психической патологии. Не случайно, как замечает Б.В.Зейгарник, содержание психотерапевтических и психокоррекционных мероприятий состоит обычно в том, чтобы помочь пациенту осознать истинный смысл своих действий; только при этом становится возможной адекватная регуляция поведения (*там же*, с. 110).

Предметом исследований В.А.Иванникова являлась волевая регуляция, под которой он понимает «...намеренную регуляцию побуждения к действию, сознательно принятому по необходимости (внешней или внутренней) и выполняемому человеком по своему решению» (*Иванников*, 1991, с. 80). Механизмом такой регуляции выступает изменение или создание дополнительного смысла действия, что позволяет усилить или ослабить побудительную силу тех или иных мотивов. В.А.Иванников перечисляет целый ряд приемов, позволяющих целенаправленно изменить смысл действия: 1. Переоценка значимости мотива или предмета потребности. 2. Изменение роли, позиции человека. 3. Предвидение и переживание последствий действия или отказа от его осуществления. 4. Обращение к внешним символам, напоминающим о последствиях действий, к ритуалам, укрепляющим значимость совершаемых действий, к другим людям или божеству за поддержкой. 5. Соединение заданного и принятого действия с новыми мотивами или с новыми целями и за счет этого переосмысление действия. 6. Включение заданного действия в другое более широкое и значимое для человека действие. 7. Связывание заданного действия с возможностью затем осуществить другое желаемое человеком действие. 8. Связывание действия с обещаниями и клятвами другим людям и себе, с самооценкой и самоодобрением, со сравнением себя с другими людьми или литературными героями при выполнении необходимого действия (*Иванников*, 1989, 1991).

В.А.Иванников подчеркивает, что изменение смысла действия может быть осуществлено не только через реальную, но и через воображаемую ситуацию. Более того, генетическая последовательность развития приемов и средств волевой саморегуляции подчиняется общей закономерности развития психических функций по Л.С.Выготскому: от внешних, развернутых, совместно распределенных форм деятельности – к внутренним, интрапсихическим, свернутым. «В своих начальных формах волевая регуляция обеспечивается ситуативным созданием дополнительного побуждения к действию через изменение смысла действия, достигаемого изменением реальной ситуации другими людьми, затем самим человеком, и, наконец, через воображаемую ситуацию» (*Иванников*, 1991, с. 92). Поэтому В.А.Иванников справедливо отмечает большую роль познавательных процессов в образовании и изменении смыслов, в котором участвует и практически вся познавательная, и аффективно-потребностная сфера. «Смысл действия задается мотивами человека, но не определяется ими автоматически, а образуется в результате самостоятельного процесса его построения... Он не может формироваться вне познавательных процессов, в частности вне понимания ситуации, отношения действия и цели к мотиву, вне предвидения последствий действий. В формировании смысловых образований участвует и мышление, работа которого иногда проявляется в ложных смыслах, в разочарованиях и “прозрениях” человека при осознании им подлинных мотивов своего поведения. Само по себе сознание не может породить смысл действий, но оно может принимать ложные смыслы за истинные, порождать ложные цели, создавать их неадекватную привлекательность, представлять ложные последствия действий» (*там же*, с. 119–120). В эксперименте, проведенном Е.В.Эйдманом (1986), удалось показать, что развитие воли как произвольной и опосредствованной формы мотивационной регуляции идет через интериоризацию изначально внешних средств формирования побуждения к действию, подчиняясь универсальному принципу «параллелограмма развития» (*Леонтьев А.Н.*, 1972).

Б.С.Братусь (1988) рассматривает порождение смыслов как одну из важнейших сторон человеческого бытия. В структуре психического аппарата он выделяет особый (высший) уровень, отвечающий «...за производство смысловых ориентаций, определение общего смысла и назначения своей жизни, отношений к другим людям и себе» (с. 71). (Другими уровнями являются индивидуально-исполнительский и психофизиологический.) С этим уровнем Б.С.Братусь связывает ядро личности, задаваемое системой общих смысловых образований. Важно, что Б.С.Братусь рассматривает не отдельные смысловые образования, а смысловую сферу личности как целое, подчеркивая значение смысловых связей и говоря о психологических смысловых системах, которые «рождаются в сложных, многогранных соотношениях меньшего к большему, отдельных ситуаций, актов поведения к более широким (собственно смыслообразующим) контекстам жизни» (*там же*, с. 86). Причем «...чем выше по иерархическим ступеням смысловые образования, тем труднее работа по их осознанию, поскольку все шире и неопределеннее становится область смыслопорождающей действительности, все сложнее и опосредствованнее те связи и отношения, из которых завязывается динамическая смысловая система» (*там же*, с. 88). В более поздней работе (*Братусь*, 1994) соотносительный, «межпредметный» характер смысла акцентируется еще сильнее вплоть до утверждения, что смысл – «.. не жестко заданный предмет, вещь или действие, а вариативная связь между предметами, вещами, действиями, точнее, вырабатываемый личностный принцип связи, соединения» (*там же*, с. 33).

Б.С.Братусь выделяет в смысловой сфере личности ряд качественно своеобразных уровней. Низший, нулевой уровень – это прагматические, ситуационные смыслы, определяемые предметной логикой достижения цели в данных конкретных условиях. Следующий, первый уровень – эгоцентрический, определяемый личной выгодой, удобством, престижностью и т. п. Второй уровень – группоцентрический; на нем смысловое отношение к действительности определяется референтной малой группой, близким окружением человека. Третий уровень – просоциальный; он включает в себя общественную и общечеловеческую, то есть собственно нравственную смысловую ориентацию (*Братусь*, 1988, с. 100–101). Позже к этим уровням был добавлен еще один – уровень, на котором смысловое отношение вытекает из ощущения связи с Богом (*Братусь*, 1994). Впоследствии Б.С.Братусь уточняет его характеристику как уровня, «на котором определяются субъективные отношения человека с беспредельным, устанавливается его личная религия, т. е. отношение к конечным вопросам и смыслам жизни. Эта личная религия может быть даже атеистической, исключаяющей Бога, но она всегда продукт некоей веры, поскольку основания смыслов здесь уже не подлежат проверке, это область метафизических умопостроений, а не опытного знания» (*Братусь*, 1999, с. 293). Эти уровни смысловой сферы Б.С.Братусь характеризует как смысловую вертикаль личности, которая, оставаясь невидимой, образует ее стержень (*Братусь*, 1994, с. 35; см. также: *Братусь*, 1999).

Обзор развития представлений о смысле в отечественной психологии был бы неполным без анализа еще одной своеобразной ветви этого развития, а именно концепции Ф.В.Бассина, развивавшейся хоть и вне рамок деятельностной концепции смысла, но в постоянном взаимодействии и диалоге с ней. Анализируя современное состояние психологии, Ф.В.Бассин противопоставляет господствующей тенденции к формализации психологической теории и методов указание на первостепенную важность принципиально неформализуемых психологических реальностей, имеющих смысловую природу. Объединив их общим термином «значащие переживания», Ф.В.Бассин постулирует «значащие переживания» как преимущественный предмет психологии и призывает к усиленному их изучению специальными методами, которые психологии в основном еще предстоит разработать (*Бассин*, 1971). Ф.В.Бассин особо подчеркивает, с одной стороны, нерасторжимость их связи с реальными жизненными ситуациями, в которых они наделяются смыслом, и, с другой стороны, существование специфических закономерностей, определяющих их динамику. Многие положения, выдвигаемые Ф.В.Бассиным, сближают его представления о «значащих переживаниях» с концепцией личностного смысла А.Н.Леон-

твева, на которую он в первую очередь указывает как на попытку подойти к неформализуемой психологической реальности. Вместе с тем он дискутирует по ряду вопросов с концепцией А.Н.Леонтьева, утверждая, в частности, что смыслы как таковые не существуют как психологическая данность непосредственно, в «голом» виде. Предметом психологии они становятся только в форме переживаний. Идея «значащих переживаний» интегрирует в себе два ключевых понятия, и поэтому именно «значащие переживания», но не смысл как таковой, могут выступать в качестве предмета психологической науки (Бассин, 1973).

* * *

Полувековая история развития представлений о смысловой сфере личности в русле деятельностного подхода, изложенная в данном разделе, позволяет говорить о том, что концепция личностного смысла – смысловых образований – смысловой сферы личности занимает прочное место в системе научной психологии. Развитие представлений о смысле в деятельностном подходе можно разделить на три основных этапа.

Первый этап — с конца 1930-х годов до середины 1970-х – это введение А.Н.Леонтьевым понятия смысла (личностного смысла) как объяснительного понятия и его всесторонняя теоретическая и экспериментальная разработка в генетическом, структурном и функциональном аспектах.

Второй этап — с середины до конца 1970-х годов – это введение рядом авторов (А.Г.Асмолов, Б.С.Братусь, В.К.Вилюнас, Е.Е.Насиновская, В.В.Столин, Е.В.Субботский, О.К.Тихомиров) новых, родственных понятий: смысловое образование, смысловая установка, смысловой конструкт, операциональный смысл и др., ознаменовавших переход от одного объяснительного понятия к дифференцированному кусту понятий.

Наконец, **третий этап** — с начала 1980-х годов – этап интеграции этих представлений, знаменующийся возникновением классификаций смысловых образований (Е.Е.Насиновская и др.), синтетических понятий, таких как «динамическая смысловая система» (А.Г.Асмолов), «смысловая сфера личности» (Б.С.Братусь), концепций смысловой динамики (Ф.Е.Васильюк), смысловой саморегуляции (Б.В.Зейгарник, В.А.Иванников). Стало возможным говорить о смысловой реальности, включающей в себя самые разные структуры и механизмы.

Единство и устойчивость рассмотренных представлений, контрастирующие с пестротой подходов к смыслу в западной психологии личности, обусловлены тем, что авторы, участвующие в разработке смысловой проблематики, делают это, исходя из разных теоретических моделей, но опираясь на единые методологические принципы. Мы не ставили задачи дать полный обзор всех отечественных исследований по проблеме смысла. Во-первых, мы ограничились анализом общетеоретических представлений и экспериментальных исследований, представляющих общетеоретический интерес; во-вторых, анализ многих работ мы включили не в общий обзор, а в соответствующие тематические разделы собственно теоретических глав книги. Вместе с тем исследования, приведенные в данном разделе, позволяют сформулировать ряд общих положений деятельностного подхода к проблеме смысла, с которыми, вероятно, могли бы согласиться все авторы, работы которых мы рассматривали в данном разделе, при всем различии предлагаемых ими конкретных теоретических моделей.

1. **Смысл порождается реальными отношениями, связывающими субъекта с объективной действительностью.** Сама значимость объектов, явлений и состояний, порождающих психологические феномены, относящиеся к классу «значащих переживаний», является не априорной, как это явно или скрыто постулируется во многих западных теориях, но определяется объективным местом и ролью этих объектов, явлений и состояний в жизнедеятельности данного конкретного субъекта. Уникальность системы отношений с действительностью любого индивида обуславливает уникальность системы его смысловых образований.

2. Непосредственным источником смыслообразования являются потребности и мотивы личности. Конкретизация этого положения требует специального рассмотрения природы и сущности потребностей и мотивов, что будет сделано в последующих главах. Здесь же нам важно отметить, что потребности и мотивы являются как бы связующим звеном между личностью и объективной действительностью.

3. Смысл обладает действенностью. Он характеризует не только особенности понимания, осознания и концептуализации субъектом действительности, но и выполняет функции регуляции практической деятельности.

4. Смысловые образования не существуют изолированно, а образуют единую систему. Между частями этого целого возможны конфликтные отношения, но тем не менее все они «сообщаются» друг с другом через ведущие смысловые структуры, образующие ядро личности. Подробно этот тезис, как и следующий, будет рассмотрен в последующих главах.

5. Смыслы порождаются и изменяются в деятельности, в которой только и реализуются реальные жизненные отношения субъекта. Это положение является общим для исследования смысла с позиций деятельностного подхода; вместе с тем оно нуждается в существенном уточнении. Введенное Ф.Е.Василюком (1984) понятие переживания как внутренней деятельности позволяет распространить этот тезис на процессы, не связанные с внешне наблюдаемой предметно-преобразовательной активностью.

Таким образом, мы видим, что в рамках единого подхода на общем методологическом и теоретическом фундаменте были разработаны достаточно дифференцированные представления о смысловой сфере личности. Вместе с тем, как уже было упомянуто, разрабатывавшие эту проблематику авторы остановились перед задачей интеграции разработанных ими представлений в единую общетеоретическую модель. В результате перед нами оказывается достаточно пестрая и противоречивая картина. Чтобы свести все эти относительно независимые друг от друга, хоть и выросшие из единого корня представления в единую систему, необходимо прежде всего попытаться содержательно понять специфическую природу и онтологию смысловой реальности как реальности особого рода. Этой характеристике посвящена следующая глава.

1.4. Заключение по главе 1

Первая глава носит обзорный характер и посвящена изложению, анализу и систематизации различных трактовок смысла.

Обращение к истории использования понятия «смысл» в философии и науках о языке там, где оно не использовалось как синоним «значения», позволило сформулировать две наиболее общие инвариантные характеристики смысла: контекстуальность (смысл чего-либо определяется всегда через отнесение к более широкому контексту) и интенциональность (смысл чего-либо указывает на предназначение, целевую направленность или направление движения). Опираясь на эти две характеристики, можно в первом приближении определить *смысл* чего-либо как *место и роль (назначение) в более общей структуре*.

Рассмотрение психологических подходов, в той или иной степени опирающихся на понятие смысла и разрабатывающих это понятие, обнаруживает крайнюю пестроту подходов. Под смыслом одни авторы понимают высшую интегративную основу личности, другие – более универсальный базовый механизм сознания и поведения; одни – объективную реальность, другие – субъективную интерпретацию или конструкт, третьи – феномен межсубъектных взаимодействий. Эта разногласия усугубляется тем, что понятие смысла разрабатывается разными авторами независимо друг от друга, в разных проблемных и теоретических контекстах. Множественность определений смысла, одинаково убедительных и одинаково эвристичных, наводит на предположение, что *за понятием смысла скрывается не конкретная психологическая структура, допускающая однозначную дефиницию, а сложная и многогранная смысловая реальность, принимающая различные формы и проявляющаяся в различных психологических эффектах*.

В наибольшей степени многогранность смысловой реальности нашла отражение в деятельностном подходе, где понятие смысла выступает в качестве одного из ключевых объяснительных понятий начиная с 1940-х годов. В рамках этого подхода был постепенно разработан целый ряд родственных понятий (личностный смысл, смысловое образование, смысловая установка, смысловой конструкт и др.), в том числе понятия, дающие целостную характеристику смысловой реальности (смысловая сфера личности, динамическая смысловая система), сформулированы общие методологические и методические принципы изучения смысловых образований. Таким образом, на общем методологическом и теоретическом фундаменте были разработаны достаточно дифференцированные представления о смысловой сфере личности.

Вместе с тем разрабатывавшие эту проблематику авторы остановились перед задачей интеграции разработанных ими представлений в единую общетеоретическую модель. В результате перед нами все еще достаточно пестрая и противоречивая картина. Чтобы свести все эти относительно независимые друг от друга, хоть и выросшие из единого корня представления в единую систему, необходимо прежде всего попытаться содержательно понять специфическую природу и онтологию смысловой реальности как реальности особого рода. Этой характеристике посвящена следующая глава.

Глава 2

Онтология смысла

Ибо духовную пищу доставляют ему не вещи, а узы, которыми связаны вещи. Не бриллиант, но какие-то отношения между людьми и бриллиантом могут его напитать. И не песок, а какие-то отношения, которые устанавливаются между песком и племенами. Не слова в книге, но какие-то отношения, существующие в книге между словами и представляющие собою любовь, поэму и мудрость господню.
А. де Сент-Экзюпери

2.1. Грани смысла: онтологический, феноменологический и деятельностный аспекты анализа смысловой реальности

Как мы отмечали во введении, задачей нашего исследования является интеграция представлений о смысле, наработанных в русле разных теоретических подходов и проблемных контекстов, в единую систему представлений, наполнение категории смысла новым содержанием и наделение ее новым методологическим статусом. Предпринятый нами обзор показал всю трудность этой задачи, вызывающую даже сомнения в ее принципиальной выполнимости. Смысл многолик, он поворачивается к исследователю (к разным исследователям) различными своими гранями, и разные его определения и описания оказываются противоречащими друг другу. В большинстве случаев авторы, использующие понятие смысла, как и производные от него понятия, не озадачиваются его (их) определением или же дают поверхностные, логически нестрогие определения (наподобие известного определения человека как двуногого существа без перьев), которые столь же легко опровергнуть. В.П.Зинченко (1983 б) справедливо характеризовал понятие смысловых образований как абстракцию, не имеющую отчетливого онтологического статуса.

Сравнительно полное описание и определение смысла вряд ли возможно выразить одной фразой; как нам представляется, оно должно явиться основным итогом всей данной книги. В.П.Зинченко усматривает причину трудности определения смысла в том, что он представляет собой главное измерение человеческого сознания и бытия (Зинченко, 1998, с. 99). Тем не менее мы должны иметь предварительное определение понятия смысла и смысловой реальности уже на данном этапе работы, поскольку «...кто не имеет в качестве исходного определенное понятие, тому даже не дан объект» (Фейербах, 1967, с. 10).

В предыдущих главах мы проследили традиции использования понятия смысла в философии, других гуманитарных науках, зарубежной и отечественной психологии, наиболее подробно изложив деятельностную трактовку смысла. На этой основе мы, во-первых, сформулировали предельно общее определение смысла как места и роли (назначения) в более общей структуре, во-вторых, констатировали многообразие форм, которые может принимать смысловая реальность, и, в-третьих, обосновали адекватность концептуального аппарата деятельностного подхода в психологии для решения поставленной нами задачи.

Теперь нам предстоит совладать с разнообразием рассмотренных трактовок и дать обоснованную онтологическую характеристику смысла и смысловой реальности. Под онтологической характеристикой мы понимаем, вслед за современными философами (см., например: Мотрошилова, 1967; Юдин Э.Г., 1978; Юдин Б.Г., 1986), место нашего объекта в той общей модели реальности, картине мира, которая является инструментом научного позна-

ния и осмысления действительности. Философия XX века полностью преодолела характерный для классической философии отрыв онтологии от гносеологии; поэтому, когда мы говорим о задаче построения онтологии, мы имеем в виду, конечно же, не движение от познавательных конструкций к тому, как «на самом деле», а движение от феноменологии и поверхностно ухватываемых закономерностей к общей объяснительной концепции, которая сохраняет статус теоретической конструкции, но при этом увязывает представления о формах и закономерностях существования смысла с системой общепсихологических и даже, еще шире, общеантропологических представлений.

Трудность задачи онтологической характеристики смысла находит отражение не только в разнообразии трактовок, но и в противоречивости формулировок одних и тех же авторов. Так, А.Н.Леонтьев определяет смысл, смысловое отношение то как отношение между системой значимых для жизни воздействий, отношение абиотических факторов к биотическим (то есть как внешнюю, объективную реальность), то как субъективное отношение к предметному содержанию, отражающемуся в сознании (то есть как субъективную, психическую реальность), то как отношение мотива деятельности к цели действия (то есть как субъектную, не рефлекслируемую в сознании, но проявляющуюся в активности субъекта реальность). Первая трактовка, в которой смысл выступает как «...отношение того воздействия или ряда воздействий, то есть вообще предмета, на который направлена деятельность животного, к свойствам, отвечающим определенной биологической необходимости» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 97), была характерна для работ А.Н.Леонтьева, посвященных проблемам эволюции психического и развития психики животных. Вторая трактовка личностного смысла как образующей сознания была связана в основном с психолого-педагогическим контекстом, с проблемой несовпадения объективного содержания сознания (знания), представленного в первую очередь значениями, и субъективного отношения к нему, или смысла (Леонтьев А.Н., 1983 а, с. 348 и далее). Наконец, третья трактовка смысла была связана с проблематикой структуры и динамики деятельности. В этом контексте отношения между мотивами и целями действия рассматривались как «психологически решающие», поскольку основное регулирующее влияние мотивов на протекание деятельности заключается в том, что они сообщают личностный смысл целям и обстоятельствам деятельности, «оценивая» таким образом их жизненное значение для субъекта (Леонтьев А.Н., 1977, с. 150). Интересно, что хронологически все три контекста и все три трактовки развивались параллельно.

Разумеется, было бы неверно рассматривать эти три *характеристики* личностного смысла, раскрывающие различные его грани, как три независимых и альтернативных *определения* этого понятия. Наоборот, понятие смысла воплощает принцип единства деятельности, сознания и личности, находясь на пересечении всех трех фундаментальных психологических категорий. Как указывает Ф.Е.Василюк, смысл – «...пограничное образование, в нем сходятся сознание и бытие, идеальное и реальное, жизненные ценности и бытийные возможности их реализации» (Василюк, 1984, с. 129). Действительно, «деятельностная» характеристика личностного смысла как отношения мотива к цели означает, что любое целенаправленное действие всегда – прямо или непрямо – направлено на реализацию того или иного мотива, и цель этого действия, отражающаяся в сознании, содержит «ссылку» на этот мотив, выступающую в форме личностно-смысловой окраски. «Субъективная» характеристика личностного смысла как пристрастной составляющей индивидуального сознания основана на представлении о том, что «... смысл порождается не значением, а жизнью» (Леонтьев А.Н., 1977, с. 279), то есть о том, что источником этой пристрастности является предметная деятельность субъекта в мире, реализующая его реальные жизненные отношения, в частности те отношения, о которых идет речь в третьей, «объективной» характеристике. Ведь именно динамизм жизненных отношений лежит в основе динамики самой личности (см.: Анцыферова, 1990).

Указанная мысль, которую можно было бы обозначить как *идея бытийного опосредования (или мироопосредования)¹⁴ смысловых образований*, представляет собой расширенную интерпретацию уже получившего признание принципа деятельностного опосредования познавательных процессов и смысловых образований (см.: *Асмолов*, 1986). Действительно, категория деятельности, как отмечал Ф.Е.Василюк (1984), представляет собой теоретическую абстракцию от целостной реальности жизни, подобно тому как предмет представляет собой единицу мира, абстрагированную от его целостности. После плодотворного этапа изучения смысла в контексте деятельности наступила пора расширить контекст рассмотрения и вернуться от абстракции деятельности к целостности жизни и жизненного мира. Только в этой концептуальной рамке представляется возможным найти продуктивное разрешение отмеченных нами противоречий в понимании смысла и пути решения поставленных нами задач. Пытаясь по-новому увидеть место и роль понятия смысла в становящейся новой, неклассической психологии, мы неминуемо выдвигаем на первый план анализа категорию жизненного мира, которая выступает смыслозадающим контекстом для самого понятия смысла.

Не удивительно, что сложность и многомерность смысла долгое время оставалась незамеченной. Как правило, авторы видели и абсолютизировали лишь какую-то одну из граней смысла. Даже А.Н.Леонтьев, видевший смысл, как мы показали выше, по меньшей мере под тремя разными углами зрения, не смог эксплицировать собственные разночтения и прямо поставить задачу их интеграции в многомерном образе смысла, ограничившись сосуществованием явно различных трактовок. Поэтому его взгляды нередко получают одностороннюю интерпретацию. Введенное им понятие личностного смысла трактуется порой просто как субъективное отражение некоторого объекта в индивидуальном сознании человека, в отличие от представления об этом объекте, сложившегося в определенной социальной среде (см., например: *Котик*, 1985).

Такая поверхностная и односторонняя интерпретация закономерно приводит к обвинению концепции личностного смысла в субъективизме (*Брушлинский*, 1982). На самом деле данная интерпретация ухватывает лишь одну из граней личностного смысла, отнюдь не исчерпывающую этого понятия. Как мы стремимся показать, принципиальное значение понятия смысла заключается как раз в том, что оно выводит объяснение за пределы индивидуального сознания, в плоскость реальной жизнедеятельности субъекта. Этим оно отличается, в частности, от понятия коннотативного значения (Ч.Осгуд, Дж. Диз и др.), замыкающего объяснение индивидуальной окраски значений в рамках индивидуального сознания. Другими словами, это понятие отражает личностность человеческого сознания, укорененность его в реальных жизненных отношениях, в практике субъекта. «Личностный смысл – индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность, осознаваемое как “значение-для-меня” усваиваемых субъектом безличных знаний о мире...» (Личностный смысл, 1985, с. 164).

Для того чтобы рассмотреть и понять феномен смысла во всем многообразии его проявлений, мы воспользуемся дименциональным методом, которым пользуется В.Франкл при демонстрации отношений между разными гранями или аспектами человеческого бытия (например: *Frankl*, 1985). Представим себе, говорит Франкл, учебник, на страницах которого изложены разные, несопоставимые между собой теории, допустим, личности. Символически это можно изобразить в виде раскрытой книги, на одной странице которой нарисован квадрат, а на другой – круг. Между ними трудно найти связь – ведь задача на квадратуру круга, как известно, нерешаема. Но возьмем эту книгу, продолжает Франкл, и разместим эти страницы под прямым углом друг к другу, так, чтобы они лежали на двух перпендикулярных плоскостях, пересекающихся в районе корешка книги. Тогда можно без труда вообразить трехмерную

¹⁴ Термин предложен в личной беседе А.Г.Асмоловым.

фигуру, проекция которой на одну плоскость (страницу) образует круг, а проекция на другую, ей перпендикулярную, образует квадрат. Этой фигурой будет цилиндр с высотой, равной диаметру основания. Задача, таким образом, решается, если построить общее пространство разных определений и увидеть за разными взглядами частные проекции сложного многомерного объекта – в нашем случае, смысла – на разные плоскости его рассмотрения.

Вернемся к поставленной нами проблеме онтологии смысла. Для того чтобы продвинуться в ее решении, необходимо, во-первых, очертить сам феномен, во-вторых, выделить и описать по отдельности различные формы (плоскости) существования смысла и, в-третьих, понять реальные психологические механизмы их взаимосвязей, переходов смысла из одной формы существования в другую, отношений между выделенными плоскостями или гранями. Эти механизмы явно намного более сложны, чем позволяет увидеть использованная нами стереометрическая аналогия.

В качестве иллюстрации, позволяющей выпукло обрисовать феномен смысла во всех его аспектах, обратимся к экспериментальному исследованию Е.В.Эйдмана (*Эйдман*, 1996; см. также: *Леонтьев Д.А., Эйдман*, 1987). В этом исследовании дети разных возрастов и взрослые спортсмены выполняли задачу задержки дыхания на максимальный срок с соревновательной мотивацией. Примечательным фактом, полученным в этом исследовании, была зависимость результатов от условий соревнования и инструкции (просто задержать дыхание как можно дольше; побить свой рекорд; соревноваться в парах с конкретным соперником; соревноваться с воображаемым соперником). Вторая и особенно третья инструкции существенно улучшали результаты по сравнению с первой; что касается четвертой инструкции (воображаемое соревнование), то ее эффективность сильно зависела от возраста; соотношение влияния реального и воображаемого соревнования на результаты обнаружило возрастную динамику, воспроизводящую известный «параллелограмм развития» А.Н.Леонтьева (1972). В раннем возрасте эффекта нет в обоих случаях, в следующей возрастной группе только реальное соревнование дает прирост результатов, и, наконец, в старшей группе воображаемое соревнование догоняет по своей эффективности реальное и даже несколько превосходит его.

О чем говорят нам эти результаты? Во-первых, одна и та же задача (задержка дыхания) давалась испытуемым в разных интенциональных контекстах – деятельностных и, шире, жизненных. Варьировались место и роль задачи в более широком контексте – можно сказать, что варьировался ее смысл. Во-вторых, эти изменения приводили к изменению результатов выполнения задания даже не на психологическом, а на физиологическом уровне – перед нами эффект регуляции деятельности, который можно объяснить усилением мотива, смысловой установкой или указанием на какие-то другие образования, встроенные в исполнительные механизмы деятельности. В-третьих, на результаты влияет не только объективная, но и воображаемая ситуация, то есть произвольные изменения в картине мира, создание воображаемого контекста и воображаемого смысла деятельности.

На этом примере мы можем выделить и вкратце охарактеризовать три плоскости, в которых психологический анализ обнаруживает существование смыслов – в каждой из них в своей особой форме. Ниже мы опишем их более подробно.

Первая из них – это плоскость объективных отношений между субъектом и миром. В этой плоскости объекты, явления и события действительности, входящие в жизненный мир субъекта, в том числе его собственные действия, обладают для него *жизненным смыслом* в силу того, что они объективно безразличны для его жизни, сказываются на ее протекании. Жизненный смысл есть объективная характеристика места и роли объектов, явлений и событий действительности и действий субъекта в контексте его жизни. Жизненный смысл объективен, ибо не зависит от его осознания; при этом он индивидуален, неповторим. Это не психологическое, а скорее метафизическое понятие, без которого, однако, не обойтись психо-

логическому анализу. Жизненный смысл и отражающаяся в нем динамика жизненных отношений – это *онтологический аспект* смысла.

Вторая плоскость – это образ мира в сознании субъекта, одним из компонентов которого является *личностный смысл*. Личностный смысл является формой познания субъектом его жизненных смыслов, презентации их в его сознании. Личностный смысл объектов, явлений и событий, отражающихся в сознании субъекта, презентуется ему через посредство эмоциональной окраски образов либо их структурной трансформации. Этим, однако, сознание лишь выделяет и подчеркивает то, что значимо для субъекта, и ставит перед ним задачу на смысл, на осознание того, какое конкретно место в его жизни занимают соответствующие объекты или события, с какими мотивами, потребностями и ценностями субъекта они связаны и как именно. Ответ на этот вопрос, решение этой задачи требует специальной внутренней деятельности осмысления. Личностный смысл и отражающаяся в нем динамика субъективного образа реальности – это *феноменологический аспект* смысла.

Наконец, третья плоскость – это психологический субстрат смысла – неосознаваемые механизмы внутренней регуляции жизнедеятельности. В этой плоскости смыслонесущие жизненные отношения принимают форму *смысловых структур личности*, образующих целостную систему и обеспечивающих регуляцию жизнедеятельности субъекта в соответствии со специфической смысловой логикой – логикой жизненной необходимости, о которой пойдет речь ниже. Смысловые структуры и отражающаяся в них динамика деятельности (жизнедеятельности) – это *деятельностный* или *субстратный* аспект смысла. Термин «субстратный» представляется нам не очень удачным, но, когда мы переходим от рассмотрения внутриличностных форм существования смысла к межличностным и внеличностным, он оказывается единственно применимым.

Итак, смысл предстает перед нами как отношение, связывающее объективные жизненные отношения субъекта, предметное содержание сознания и предмет и строение его деятельности. Это пристрастное отношение процессов психики к процессам жизни субъекта, его сознания к основам его бытия, опосредованное его практической жизнедеятельностью. Таким образом, смысл имеет троичную природу, он включен разными своими гранями в три разных движения.

Принимая во внимание все три плоскости существования смысла, образующие его грани, можно в первом приближении определить смысл как *отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению)*.

Перейдем теперь к более детальной характеристике каждой из трех граней смысла. Заметим, что три выделенных грани, формы существования или плоскости анализа смысла соотносятся не только с тремя его трактовками, но и с философскими категориями онтологического, феноменального и онтического, а также с тремя такими фундаментальными общепсихологическими категориями, как личность, сознание и деятельность.

2.2. Онтологический аспект смысла: СМЫСЛ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Онтологический (в узком понимании этого слова) аспект или грань смысла предполагает рассмотрение смысла как элемента системы отношений человека с миром. Эти отношения представляют собой не психологическую реальность, а скорее реальность виртуальную, то есть не коренящуюся в неких структурах, которые ее порождают и воспроизводят, и поэтому нефиксируемую (Носов, 1997). Вместе с тем только с нее можно начинать познание смысловой реальности. «Смысл, существующий в сознании и воплощенный в деятельности, вторичен. Смысл, существующий как потенциал развития, – первичен. Возможность первична, действительность вторична, ведь развитие есть не что иное, как реализация возможностей. Действительность – всегда лишь часть того, чем она могла быть» (Брудный, 1998, с. 128). Начнем поэтому с всестороннего анализа самих этих отношений.

Постановка этой задачи была вряд ли возможна в русле традиционного подхода, в соответствии с которым «..и субъект, и объект мыслятся изначально существующими и определенными до и вне какой бы то ни было практической связи между ними, как самостоятельные натуральные сущности. Деятельность, которая практически свяжет субъект и объект, еще только предстоит; чтобы начаться, она должна получить санкцию в исходной ситуации разъединенности субъекта и объекта» (Василюк, 1984, с. 83). Такой подход, который Ф.Е.Василюк позже назвал «онтологией изолированного индивида», С.Л.Рубинштейн (1973) выводил из порожденного идеалистической философией традиционного гносеологического противопоставления субъекта и объекта. В рамках этого противопоставления человек более или менее эксплицитно отождествляется с его сознанием, изымается тем самым из бытия, из объективной действительности и ставится как бы вне этой действительности.

Представления о человеке как о «замкнутом в себе существе» С.Л.Рубинштейн называет «фикцией». Позитивная альтернатива такой исходной онтологии должна начинаться с признания того, что «человек находится внутри бытия, а не только бытие внешне его сознанию. В этом отношении бытие обступает нас со всех сторон...» (Рубинштейн, 1973, с. 262). Весьма выразительно эту онтологическую картину обрисовал М.М.Бахтин: «Человек окружен миром, своей комнатой, квартирой, природой, пейзажем, – он живет внутри мира и в нем действует; вокруг него плотные и теплые массы мира; он внутри внешнего мира, а не на границах его» (Бахтин, 1996, с. 74). Однако с появлением человеческого бытия мир также нельзя рассматривать в абстракции от человека – происходит коренное преобразование всего онтологического плана. «Значит, стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком как объективном отношении. Только таким образом реально и может быть преодолено отчуждение бытия от человека» (Рубинштейн, 1973, с. 259). А.Н.Леонтьев также вполне определенно высказывался на этот счет: «Субъект... находится изначально не перед миром, а в самом мире. составляет часть его и вне этого мира вообще не существует» (Леонтьев А.Н., 1999, с. 148).

Контуры позитивной «онтологии жизненного мира», преодолевающей отчуждение бытия от человека, которое является следствием онтологизации гносеологической схемы «субъект-объект», намечены Ф.Е.Василюком, констатирующим, что мы «нигде не находим живое существо до и вне его связанности с миром. Оно изначально вживлено в мир, связано с ним материальной пуповиной своей жизнедеятельности. Этот мир, оставаясь объективным и материальным, не есть, однако, физический мир... это – жизненный мир» (Василюк, 1984, с. 86). Если же рассматривать мир вне связи с субъектом, он лишается своей психологической характеристики и предстает как безжизненный мир. Напротив, «..мир, каков он для человека, – это его объективная характеристика» (Рубинштейн, 1973, с. 382).

Не только мир конституируется человеком, но и человек – миром. Л.С.Выготский указывает, ссылаясь на Гельба, что «в то время, как для животного существует только окружение (Umwelt), для человека возникает представление о мире (Welt). История возникновения этого представления о мире имеет своим началом человеческую практику и возникающие в ней значения и понятия, свободные от непосредственного восприятия предмета» (Выготский, 1982, с. 280). Х.-Г.Гадамер говорит о противоположности понятия *мира* (Welt) и понятия *окружающего мира* или среды (Umwelt), которым обладают все живущие в мире существа. «Иметь мир – значит иметь отношение к миру. Но отношение к миру требует такой свободы от того, что встречается нам в мире, которая позволила бы нам ставить это встречающееся пред собою таким, каково оно есть. Эта возможность представления означает одновременно обладание миром и обладание языком» (Гадамер, 1988, с. 513). «Животное не относится ни к чему и вообще не “относится”, – отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс (1955, с. 29). – Для животного его отношение к другим не существует как отношение». И очень близкую формулировку мы находим у В.Франкла: «Животное не является личностью, потому что оно не может встать над самим собой, противостоять самому себе. Поэтому для животного не существует и мир, противостоящий личности; для него существует лишь среда» (Frankl, 1982, S. 116). Таким образом, *человек оказывается единственным из живых существ, которому дан мир как единое связанное целое, простирающееся в пространстве и времени за пределы наличной ситуации и при этом предлежащее или предстоящее субъекту, а не просто его окружающее*. Эта антропологическая характеристика человека оказывается, как мы увидим ниже, ключом к пониманию сущности личности.

Итак, в «онтологии жизненного мира» отношения, связывающие субъекта с миром, наделяются статусом особой реальности, первичной по отношению к характеристикам субъекта, формирующимся в процессе реализации этих отношений (в частности, приобретаемым психологическим, в том числе личностным характеристикам). Схематически соотношение двух обозначенных онтологических картин представлено на рисунке 1. Опираясь на эту общую онтологическую модель, мы можем попытаться задать основания логики жизни человека в мире, описав через систему специальных понятий реальность практических взаимоотношений человека с миром.

Рис. 1. Схематическое изображение «онтологии изолированного индивида» (а) и «онтологии жизненного мира» (б)

Исходным для нас выступает понятие *жизненного отношения*, под которым мы будем понимать объективное отношение между субъектом и каким-либо объектом или явлением действительности, характеризующееся потенциальной возможностью качественно определенной формы взаимодействия между ними. «Жизненные отношения исходят от меня по всем направлениям, у меня есть известные отношения к вещам и людям, известные позиции по отноше-

нию к ним, я исполняю их требования по отношению ко мне и ожидаю чего-то от них. Одни содействуют моему счастью, делают мое бытие шире, усиливают меня, а другие производят на меня давление и ограничивают меня. И при определенности того или другого движения вперед в известном направлении человек всегда замечает и чувствует эти соотношения. Друг – для него сила, возвышающая собственное его существование, каждый член семьи занимает определенное место в его жизни, и все, что его окружает, он понимает как жизнь и дух, которые в этом окружающем объективировались. Скамья у двери его жилища, тенистое дерево, дом и сад получают все свое значение и силу в этой объективности. Так жизнь каждого индивидуума творит сама из себя свой собственный мир» (Дильтей, 1995, с. 217).

Жизненное отношение субъекта с объектом или явлением возникает как результат столкновения между ними в форме либо практического, либо теоретического освоения. Кажущийся порочный круг (практика строится по логике жизненных отношений и одновременно оказывается их основой) размыкается там, где сама деятельность находится в процессе становления. Взаимодействие с миром у маленького ребенка происходит отчасти спонтанно, не будучи обусловлено какой-либо конкретной жизненной необходимостью, кроме необходимости самого взаимодействия, частично же протекает в форме деятельности, совместно распределенной с матерью (подробнее об этом см. раздел 5.3), которая организует ее в соответствии с логикой своих жизненных отношений.

Мы говорим об объективности жизненного отношения, подразумевая, что оно не зависит от осознания его субъектом и может быть познано внешним наблюдателем с таким же успехом, как и самим субъектом. Жизненное отношение определяется объективными свойствами объекта или явления, объективными характеристиками субъекта и фактом их столкновения, в котором на основе соотнесения этих объективных свойств и характеристик выявляется потенциальная возможность взаимодействия между ними в той или иной форме. При этом оно в принципе носит индивидуальноспецифический характер, хотя многие жизненные отношения совпадают у больших групп людей или даже у всего человечества в меру общности тех или иных их объективных характеристик.

Из сказанного, в частности, вытекает, что круг жизненных отношений человека имеет тенденцию к бесконечному расширению. Действительно, возникновение любого нового жизненного отношения влечет за собой усложнение организации субъекта, что в свою очередь расширяет диапазон возможных взаимодействий с миром и способствует возникновению все новых жизненных отношений.

Организованная совокупность всех объектов и явлений действительности, связанных с данным субъектом жизненными отношениями, представляет собой его *жизненный мир*. Жизненный мир любого субъекта отличается от объективного мира в целом только своими границами; если последний включает в себя все сущее, весь универсум, то жизненный мир субъекта – лишь какую-то часть его. Жизненные миры разных субъектов характеризуются как общим, так и индивидуально-специфическим содержанием; мера их общности определяется, в частности, мерой сходства объективных условий существования субъектов и мерой сходства их организации.

Вся совокупность жизненных отношений субъекта образует потенциальную сторону его жизнедеятельности; актуальная сторона его жизнедеятельности образуется совокупностью деятельностей, в которых жизненные отношения находят свою реализацию.

Многообразие форм взаимодействия субъекта с миром служит основанием для выделения *модусов жизнедеятельности*, каждый из которых задается какой-либо качественно определенной формой такого взаимодействия: кислородный обмен, терморегуляция, отношения полов, познавательное отношение, эстетическое отношение. Каждое конкретное жизненное отношение может быть отнесено к одному из модусов жизнедеятельности; соответственно, каждый модус жизнедеятельности представлен определенным множеством жизненных отно-

шений, скажем, множеством отношений с объектами и явлениями, релевантными эстетическому или пищевому модусу.

Поскольку жизненные отношения связывают субъекта и с теми объектами или явлениями, взаимодействие с которыми может быть неблагоприятным для него, каждый модус жизнедеятельности характеризуется в каждый момент времени определенным *состоянием жизненных отношений*. Состояние жизненных отношений конкретного модуса есть характеристика того, насколько объективно возможный при наличных условиях характер взаимодействия субъекта с миром в данном модусе способствует продолжению существования и развитию субъекта. Состояние жизненных отношений определяется как внутренним состоянием субъекта, так и возможностями, относящимися к его жизненному миру. При этом субъект, которому мы приписываем активность, способен влиять на состояние своих жизненных отношений. Под *реализацией жизненных отношений* в определенном модусе мы будем понимать активность субъекта, направленную на установление оптимального состояния жизненных отношений в данном модусе, то есть такого состояния, которое максимально способствует продолжению существования и развитию субъекта.

Однако реализация жизненных отношений возможна не в любом модусе жизнедеятельности. Определенные формы взаимодействия субъекта с миром осуществляются автоматически, без участия активности целостного субъекта в форме его деятельности, а лишь за счет саморегулирующейся активности отдельных органов или функциональных систем. В качестве отличительного признака деятельности мы будем рассматривать то, что она непосредственно отвечает такому воздействию (объекту, явлению), которое значимо для жизни субъекта не само по себе, а в силу своей объективной устойчивой связи с другими, уже непосредственно значимыми воздействиями (Леонтьев А.Н., 1940, с. 371). Деятельностью в этом смысле, например, не является кислородный обмен, происходящий без участия активности субъекта, если не считать отдельных экстремальных ситуаций. Заданное различие позволяет ввести понятие *потребности*, которое мы определим как соответствующее одному из модусов жизнедеятельности объективное отношение между субъектом и миром, требующее для своей реализации активности субъекта в форме его деятельности. Понятие требования означает, что при отсутствии требуемой активности состояние жизненных отношений соответствующего модуса будет неблагоприятным для сохранения существования и развития субъекта.

Понимание потребности не как внутреннего состояния «изолированного индивида», а как объективного по своей сути отношения, связывающего субъекта с миром, не являясь общепринятым, постепенно получает признание в философской и психологической литературе (см., например: Дилigenский, 1976, 1977; Иванников, 1983; Леонтьев Д.А., 1992 а). В таком понимании потребность предстает не как негативная характеристика индивида, определяемая через отсутствие, нужду в чем-либо, а как позитивная характеристика, отражающая присутствие данной формы взаимодействия с миром, данной формы деятельности, «действительных отношений», формы «человеческих проявлений жизни», в полноте которых К. Маркс справедливо усматривал признак внутреннего богатства человека (Маркс, Энгельс, 1955, с. 36; Маркс, 1974, с. 125). Применительно к человеку только такое понимание потребностей делает возможным

приведение к единому знаменателю множества различных движущих человеком побуждений, направленных как на предмет, так и на саму деятельность; как на восстановление гомеостатического равновесия, так и на его нарушение; объединяет такие внешне разные вещи, как потребность в кислороде, движении, пище, стремление к самоутверждению, жажду денег, жажду творчества, потребность быть личностью.

По определению, необходимым условием формирования потребности должно выступать отсутствие постоянной непосредственной данности релевантного предмета. Как показал Ф.Е.Василюк (1984) на примере модели внешне легкого и внутренне простого жизненного мира, при непосредственной данности предмета потребности нет необходимости в деятель-

ности субъекта, который не может быть даже, строго говоря, назван субъектом. Более того, постулируемая Ф.Е.Василюком потребность в этой ситуации теряет право называться потребностью. Потребность в нашем понимании конституируется необходимостью реализации жизненных отношений посредством деятельности, или, другими словами, отвечает лишь модели внешне трудного жизненного мира, который характеризуется атрибутом «протяженности», то есть пространственной удаленности жизненных благ и временной длительности, необходимой для преодоления этой удаленности. Соответственно, реализация любой потребности может быть представлена как путь. Поскольку удаленность предмета, связанного с субъектом потребностным отношением, не сводится в общем случае к пространственно-временной удаленности, а определяется также наличием средств и преград самой разной природы, единственной адекватной мерой этой удаленности может выступать деятельность субъекта. Единицы этой деятельности выступают мерами пути, который необходимо преодолеть для осуществления конечного, конституирующего потребность, акта деятельности.

В условиях протяженности жизненного мира множество объектов и явлений действительности, не входящие в круг предметов какой-либо потребности, становятся небезразличны для жизнедеятельности субъекта в силу своих объективных свойств и определенной локализации в мире, а именно локализации на пути к реализации той или иной потребности. Объективная связь этих объектов и явлений с реализацией потребности может быть различной: они могут выступать как предпосылка (условие) реализации потребности, как средство, как преграда, как сигнал, как отвлекающая помеха и др., а также как средство реализации предпосылки, как преграда к овладению средством, как сигнал возникшей преграды, как преграда на пути действия отвлекающей помехи и т. д. Таким образом, если мы рассмотрим даже единственную потребность и единственный путь к ее реализации, то увидим, что в необходимую для реализации потребности деятельность вовлекается большое число разнообразных объектов и явлений действительности, многократно возрастающее, если принять во внимание множественность объектов, релевантных каждой конкретной потребности, и множественность путей к каждому из них, которая наглядно отражена в «модели линзы» Э.Брунsvика (см. рис. 2).

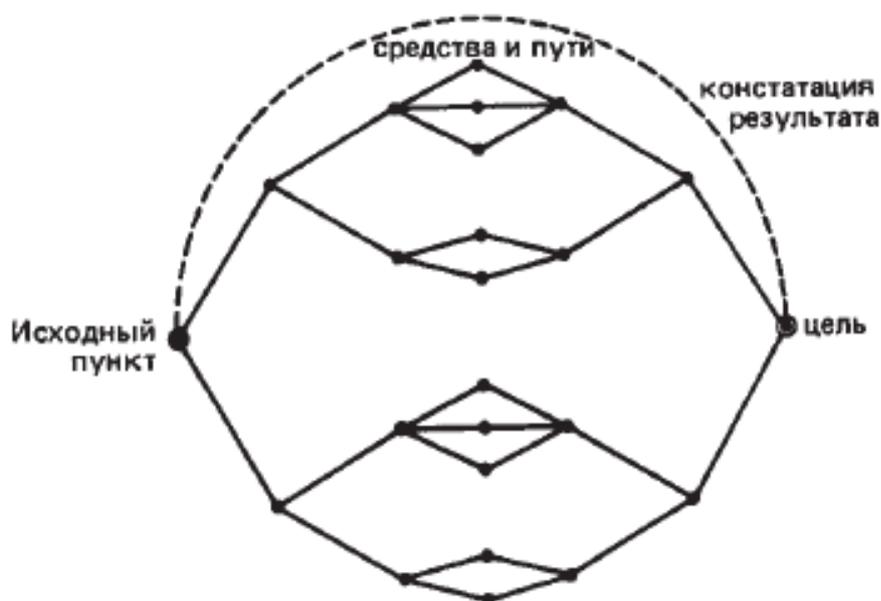

Рис. 2. Модель линзы Брунsvика, иллюстрирующая так называемую эквивинальность, в которой выражается целенаправленность поведения. Совершенно различные пути и средства,

которые мы наблюдаем в процессе осуществления действия, могут вести к одной и той же цели (Хекхаузен, 1986 а, с. 37)

При этом сравнительные характеристики путей к реализации потребности могут влиять даже на выбор конкретного предмета: лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Таким образом, в жизнедеятельность субъекта включено, часто многократно опосредованным путем, множество объектов и явлений действительности, характеризующихся определенным отношением к реализации потребностей субъекта, а именно смысловыми связями. **Смысловая связь** — это такое объективное отношение между двумя объектами или явлениями, в силу которого если один (одно) из них (или какая-либо грань его) имеет отношение к реализации какой-либо потребности субъекта, то и второй объект или явление также становится небезразличным к реализации этой потребности, включается в цепь ее реализации. Цепь смысловых связей прямо соотносится с деятельностным путем реализации потребности: каждое звено пути направляется одной из смысловых связей. Например, если для реализации моей познавательной потребности мне необходимо записаться в некоторую библиотеку, то на пути к этому встает еще необходимость сфотографироваться для читательского билета. В силу этой объективной смысловой связи фотоателье включается в систему реализации познавательной потребности.

Приведем еще один пример, на котором лучше видна индивидуальная специфичность смысловых связей, их субъектный характер. Так, исследования противоправного поведения (Волков, 1982) показали, что хулиганские действия, ранее рассматривавшиеся как «немотивированные», в действительности мотивированы потребностью в самоутверждении, присущей и законопослушным людям. Хулиганы, однако, реализуют эту потребность путем унижения других; у большинства же людей унижение других не находится в смысловой связи с утверждением собственной личности. Важно подчеркнуть, что речь идет не об отражении определенных связей в сознании, которое может быть и иллюзорным, а о связях, реальность которых подтверждается практическими действиями, направляемыми соответствующими смысловыми связями: унижение других действительно приносит хулигану чувство собственной значимости. Смысловые связи – это связи, реальность которых обнаруживается или проверяется в результате практической деятельности.

Понятие смысловых связей неотделимо от понятия смыслообразования. Смыслообразование, если рассматривать его в плоскости жизненных отношений субъекта с миром, представляет собой процесс расширения смысловых связей. Если за точку отсчета взять реализацию индивидуальной потребности, то смысловые связи первого порядка будут указывать предметы, релевантные данной потребности; эти предметы выступают в этом случае смыслообразующим началом по отношению к смысловым связям второго порядка, определяющим цели, достижение которых необходимо для овладения соответствующими предметами; конечные цели, в свою очередь, приобретают смыслообразующую силу по отношению к промежуточным целям, образуя связи третьего порядка, и т. д. Все эти связи образуются в ходе практической деятельности субъекта, в которой вскрываются пути к реализации тех или иных потребностей, определяется место тех или иных объектов и явлений в жизни субъекта благодаря включению их в структуры смыслового опыта. Строго говоря, деятельность не создает смысловых связей: образует смысл «...не предметная деятельность, а некоторый субъективный эффект, ею обусловленный» (Виллюнас, 1976, с. 88). Однако этот эффект – открытие субъектом места каких-либо объектов и явлений в его жизнедеятельности – невозможен вне и помимо практической предметной деятельности. Конечно, человек способен раскрывать объективные взаимосвязи и теоретически, в своем мышлении, и формировать идеаторные представления о смысловых связях, однако они далеко не всегда, проходя проверку на практике, оказываются адекватными.

Объективной характеристикой места или роли объектов и явлений в жизнедеятельности данного конкретного субъекта является их жизненный смысл для него, определяемый системой (системами) смысловых связей, распространяющейся (распространяющимися) на данный объект или явление. Если жизненные отношения характеризуют возможность взаимодействия с теми или иными объектами или явлениями, то жизненный смысл отражает более или менее императивную необходимость такого взаимодействия. Жизненный смысл одного и того же объекта или явления будет в общем случае не совпадать для разных субъектов, поскольку разным будет место данного объекта или явления в их жизнедеятельности. На наш взгляд, мы вправе говорить о *жизненном смысле как единице анализа жизненного мира*. «Сращенность смыслов с жизненными процессами человеческого существования, их тесная связь с человеческим миром обуславливают то обстоятельство, что в смыслах открываются те горизонты мира, которые выражаются в проективной потенции человеческого опыта, в жизненной практике людей» (Козловский, 1990, с. 22).

Реальность практических жизненных отношений человека с миром, описываемая с помощью системы введенных нами понятий, и есть, на наш взгляд, объективная, вытекающая из императивов жизненной необходимости основа, в соответствии с которой субъект строит свою деятельность. «Связь деятельности и жизни – основа включенности индивидов в мировые отношения, в тот круг условий и предпосылок, которые входят в состав жизненного мира» (там же, с. 21). Осмысленная деятельность и есть деятельность, регулируемая ее смыслом, деятельность, протекающая по особой логике, которая задается местом отдельных предметов, событий, поступков и т. п. в жизненном мире субъекта, то есть их смыслом. Однако изложенное в данном разделе понимание смысла в онтологическом аспекте еще не приблизило нас к пониманию его психологической природы и механизмов функционирования. Как справедливо отмечал В.К.Виллюнас, понятие «смысл», определяемое через отношение объективных явлений к потребностям живого существа, представляет собой «... абстракцию, привлекаемую для обозначения всякого без исключения такого отношения, без уточнения его особенностей и качества» (Виллюнас, 1976, с. 90). Это – «чисто логическая конструкция» (Бассин, 1973, с. 22), не имеющая реального психологического эквивалента.

Психологической реальностью смысл становится при рассмотрении его в двух других аспектах – феноменологическом и деятельностном (субстратном). При этом субъективной основой построения деятельности на основании смысловой логики жизненной необходимости выступает не столько прямое отражение в сознании жизненных смыслов объектов и явлений (феноменологический аспект смысла), сколько преломление их в превращенной форме смысловых структур личности (деятельностный аспект), которые, не будучи даны субъекту в образе, функционируют как внутренние регуляторные механизмы, воздействующие на протекание самих процессов деятельности и психического отражения. К их анализу мы непосредственно и переходим.

2.3. Общее представление о смысловых структурах и смысловой сфере личности

Выполненный нами в предыдущем разделе философский анализ жизненных отношений, связывающих субъекта с миром и конкретизирующихся в жизненных смыслах объектов и явлений действительности, позволяет дать ответ на вопрос о природе и онтологическом статусе смысловых образований и вплотную подойти к психологическому исследованию форм существования смысла в структуре личности, сознания и деятельности, превращающих его в регулятор жизненных процессов, то есть к исследованию собственно смысловой сферы личности. Нам предстоит раскрыть суть отношения между объективно-содержательной стороной смысловых образований, охарактеризованной в предыдущем разделе, и конкретно-психологическими формами и механизмами их существования и функционирования, феноменология которых будет описана и систематизирована в последующих главах.

Это отношение есть отношение *превращенной формы*. Понятие превращенной формы, разработанное в трудах М.К.Мамардашвили (1968, 1970), описывает инобытие некоторой реальности в инородном субстрате, характеризующееся ее подчинением формообразующим закономерностям последнего. «На место предмета как системы отношений становится квази-предмет, привязывающий проявление этих отношений к какой-либо субстанции, конечной и нерасчленимой, и восполняющей их в зависимости от ее “свойств”» (Мамардашвили, 1970, с. 388). В отличие от классического отношения формы и содержания, в случае превращенной формы отсутствуют обособленные содержательные определения: «...форма проявления получает самостоятельное “сущностное” значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случаях символизма) и становится на место действительного отношения» (там же, с. 387). В результате этого превращения и слияния само исходное содержание претерпевает определенные трансформации: исходная система отношений сворачивается, редуцируются и выпадают опосредующие звенья и промежуточные зависимости; обнажаются одни характеристики предмета, функционально значимые в данной превращенной форме, и стираются другие, не имеющие значения для соответствующих аспектов его функционирования. Все эти трансформации определяются не чем иным, как свойствами субстрата, в котором получает воплощение исходное предметное содержание.

Понятие превращенной формы привлекалось как объяснительное при анализе структур сознания и их соотношения с порождающей их системой реальных бытийных отношений (см.: Мамардашвили, 1968). Лишь претерпевая ряд трансформаций, обусловленных формообразующими закономерностями самого сознания, реальность «...определяет сознание, представляется в нем тем или иным определенным образом, содержанием, смыслом, значением, скрывая в то же время от него самое себя и механику преобразований» (там же, с. 21). Во всех этих формах «...реальные отношения объективно опущены и заменены определенными преобразованиями (до и независимо от сознания)» (там же, с. 20). Сознание при этом понимается в самом широком смысле, практически отождествляясь со всей сферой психического у человека; в качестве примеров превращенной формы М.К.Мамардашвили называет не только значения, смыслы и символы, но и, в частности, мотивы. Если, однако, применительно к проблеме значения идея превращенной формы давно и продуктивно эксплуатируется в психолингвистических исследованиях (Леонтьев А.А., 1975; Тарасов, 1979; и др.), то по отношению к собственно личностным структурам – в частности, к тем же мотивам и смыслам – эту работу еще предстоит проделать.

Анализ смысловых образований под этим углом зрения целесообразно начать с отказа от самого термина «смысловое образование». Как явствует из предыдущей главы, понятие

смыслового образования получило уже несколько существенно различающихся определений; более того, это понятие то относится к конкретным качественно определенным структурам, то используется как обобщающее родовое понятие, объединяющее целый ряд конкретных разновидностей смысловых образований, то описывает некоторую сложную систему, включающую целый ряд смысловых элементов. Нам же крайне важно все эти моменты различать, поскольку наше исследование предполагает последовательное движение от описания функционально специализированных элементов к организации смысловой сферы личности как целого. Поэтому вместо понятия смысловых образований мы вводим два новых понятия: смысловых структур и смысловых систем. Понятие смысловых структур выступает как обобщающее родовое понятие для описываемых ниже специфических элементов структурной организации смысловой сферы личности; понятие смысловых систем относится к особым образом организованным целостным многоуровневым системам, включающим в себя целый ряд различных смысловых структур.

В наиболее общем определении *смысловые структуры являются превращенными формами жизненных отношений субъекта*. Жизненные смыслы и стоящие за ними более или менее сложные системы действительных жизненных отношений субъекта даны его сознанию и включены в его деятельность в превращенной форме смысловых структур, которые в совокупности образуют систему смысловой регуляции жизнедеятельности субъекта. Эта система обеспечивает подчинение деятельности субъекта логике жизненной необходимости, логике отношений с миром; в то же время, как отмечалось выше, развитие и усложнение смысловой регуляции расширяет возможности человека произвольно строить свои отношения с миром.

Как уже говорилось выше, специфика превращенной формы во многом определяется субстанцией, к которой привязываются превращенные отношения. Исходный предмет замещается квазипредметами или квазиобъектами, существующими объективно, дискретно и самостоятельно. М.К. Мамардашвили приводит в качестве примера таких квазиобъектов «... труд и капитал, имеющие цену; материальные знаки различных видов языков, несущие в себе непосредственное значение объектов; запоминающие и кодирующие устройства в электронных машинах и т. п. В этих предметах нет и на деле не может быть непосредственной связи между стоимостью и трудом, между знаком и объектом и т. д. Но именно из этого прямого замыкания связи на некоторого “носителя” и развивается новое, восполненное (или восполняющее) отношение, которое дает структуру и последовательность объективной видимости и которое обозначает или косвенно реализует процесс, не простирающийся прямо в этом явлении» (Мамардашвили, 1970, с. 388). Такими квазиобъектами, замещающими в структуре личности ее действительные жизненные отношения, и являются смысловые структуры.

Согласно изложенным представлениям, классификация смысловых структур должна опираться на выделение видов психологических квазиобъектов, которые могут служить субстратом для превращенной формы жизненных отношений. В роли таких квазиобъектов могут выступать психический образ и стоящие за ним индивидуально-специфические изменения субъективного опыта, определяющие его организацию; актуальные установки, задающие направленность предметно-практической и психической деятельности, и стоящие за ними обобщенные латентные диспозиции, определяющие спектр потенциальных поведенческих реакций по отношению к определенным объектам и ситуациям; конкретные предметы жизненного мира, требующие осуществления по отношению к ним определенной деятельности, и стоящие за ними идеальные модели должного, обладающие способностью многократно порождать деятельность, выступая перед субъектом каждый раз в виде новых и новых конкретных предметов. Соответственно, мы можем выделить шесть видов смысловых структур: личностный смысл в узком значении термина, понимаемый как составляющая сознания (Леон-

тьев А.Н., 1977), смысловой конструкт, смысловую установку, смысловую диспозицию, мотив и личностную ценность.

Выделение этих шести разновидностей смысловых структур не является продуктом чисто логического анализа. В следующей главе мы поочередно обоснуем на эмпирическом материале необходимость выделения каждой из этих структур и объяснительную ценность соответствующих понятий. При всем различии характера и функциональных проявлений перечисленных структур они теснейшим образом связаны между собой. Один и тот же жизненный смысл, преломляясь в структуре личности, может принимать различные превращенные формы и выступать в разном обличьи. Например, объективное место и роль денег в жизни человека (их жизненный смысл) могут проявляться в экспериментальных эффектах субъективной переоценки физических размеров монет (личностный смысл), в забывании долгов (смысловая установка), в готовности взяться за тяжелую и нудную, но хорошо оплачиваемую работу (мотив), в преувеличенно бережном обращении с дорогими вещами (смысловая диспозиция), в выборе знакомств или супруга по признаку материальной обеспеченности (смысловой конструкт), в жизненной ориентации на достижение материального благополучия, богатства (личностная ценность). Каждая из этих психологических структур является специфической превращенной формой одного и того же жизненного смысла; в целостной системе смысловой регуляции жизнедеятельности личности все они взаимосвязаны. Вместе с тем это все же разные психологические структуры, существенно различающиеся по своим структурным и функциональным характеристикам. Можно сказать, что взаимосвязи этих структур принадлежат к личностному измерению, к плоскости жизненных отношений, в то время как различия между ними обусловлены спецификой их строения и функционирования как регуляторных образований психики. По сути, смысловые структуры личности представляют собой точки взаимопроникновения двух плоскостей или измерений человеческой жизни – психического и личностного. Это взаимопроникновение происходит путем воплощения смысловой реальности в превращенной форме в определенных структурах психики. Тем самым смысловые структуры личности могут быть названы одновременно смысловыми структурами психики, поскольку им присуща как бы двойная природа. Они вовлечены одновременно в две системы взаимосвязей, в два движения. Своим смысловым содержанием они причастны сфере жизненных отношений и включены в локализованную в ней сеть смысловых связей. Своей формой, с которой связаны различия между разными смысловыми структурами, они обязаны своему специфическому месту и роли в структуре механизмов регуляции процессов деятельности и психического отражения, в которой они тесно переплетаются с другими, несмысловыми регуляторными структурами и механизмами.

На рисунке 3 изображена схема функционирования взаимосвязей вышеназванных смысловых структур, то есть тех взаимосвязей, которые реализуются в процессах смыслообразования. Как следует из схемы, эмпирически регистрируемые воздействия на сознание и деятельность оказывают только личностные смыслы и смысловые установки конкретной деятельности, порождаемые как мотивом этой деятельности, так и устойчивыми смысловыми конструктами и диспозициями личности. Мотивы, смысловые конструкты и диспозиции образуют второй иерархический уровень смысловой регуляции. Высший уровень систем смысловой регуляции образуют ценности, выступающие смыслообразующими по отношению ко всем остальным структурам. Иначе выглядят связи между теми же структурами в генетическом разрезе, однако генезис смысловых систем и структур представляет собой отдельную проблему.

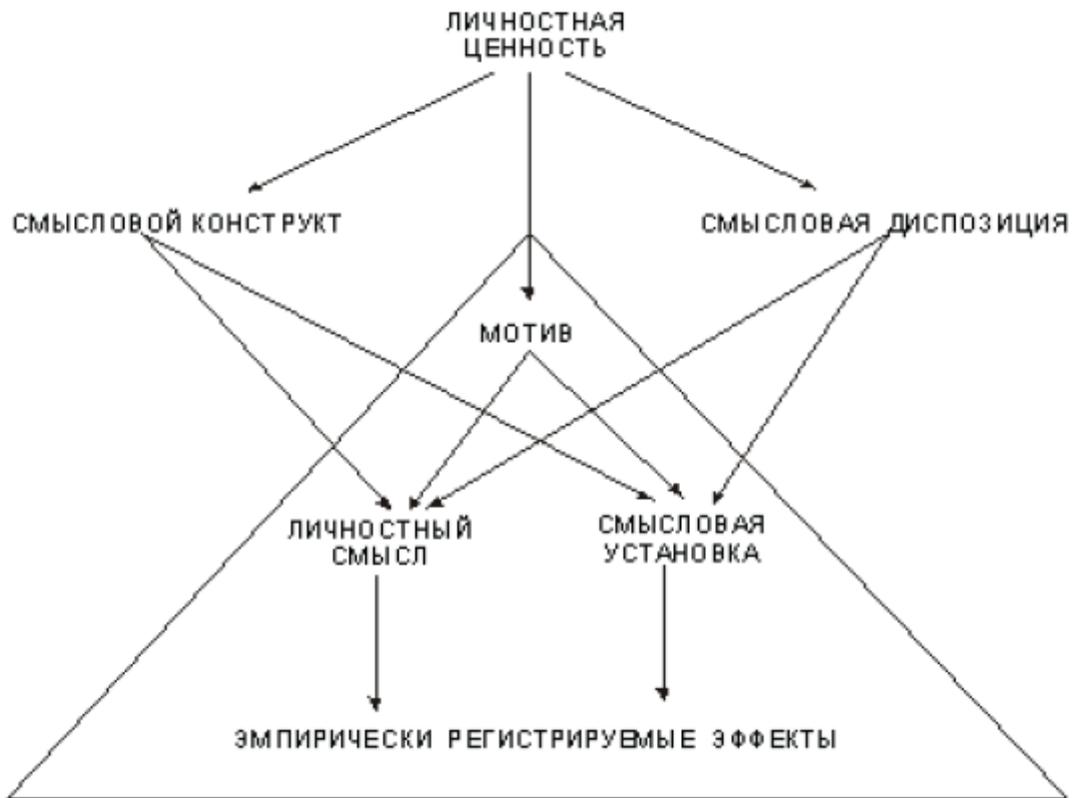

Рис. 3. Функциональные взаимосвязи смысловых структур. Треугольником на схеме обведены структуры и их связи, существующие и реализующиеся в пределах одной отдельно взятой деятельности

Коснемся вначале различий между этими структурами. Во-первых, половина из перечисленных личностных структур не может быть, строго говоря, отнесена к структуре личности из-за того, что личностный смысл, смысловая установка и мотив (согласно определениям, которые будут даны в следующей главе) не являются устойчивыми, инвариантными образованиями. В отличие от смысловых конструктов, смысловых диспозиций и ценностей, обладающих транситуативным и «наддеятельностным» характером, они складываются и функционируют лишь в пределах конкретной отдельно взятой деятельности; выход их за рамки этой деятельности и приобретение устойчивости означает трансформацию их в другие, устойчивые структуры. Вместе с тем теснейшие генетические связи между структурами актуальной деятельности и устойчивыми элементами структуры личности не позволяют разорвать их даже в теоретическом анализе.

Второе различие связано с плоскостью функционирования каждого из выделенных квазиобъектов. Установки и диспозиции релевантны плоскости предметно-практической и психической деятельности; их эмпирическое изучение возможно посредством фиксации (объективной или путем внешнего наблюдения) особенностей протекания этой деятельности. Личностные смыслы и смысловые конструкты релевантны плоскости сознания, образа мира субъекта; их эмпирическое изучение возможно на основе анализа различных форм самоотчетов испытуемых. При этом необходимо учитывать, что непосредственные регуляторные воздействия на структуры деятельности и образа мира оказывают, как мы увидим в следующей главе, только личностные смыслы и смысловые установки; изучение же смысловых конструктов и диспозиций возможно лишь путем экспериментального разделения устойчивых и ситуативных компонентов систем смысловой регуляции.

Еще более опосредованным образом связаны с сознанием и процессами деятельности мотивы и ценности; специфическим свойством мотива выступает, в частности, то, что он задает границы отдельной деятельности и тем самым границы функционирования личностных смыслов и смысловых установок. Фактически единственным методом, позволяющим экспериментально выделить влияние мотива, является навязывание испытуемому более или менее искусственного мотива; естественные же мотивы крайне трудно отделить в эксперименте от личностных смыслов и смысловых установок, исключительно через посредство которых они и проявляются.

То же, но еще в большей степени, относится к ценностям. Вместе с тем трудности эмпирического изучения некоторых из перечисленных смысловых структур не мешают нам рассматривать их как элементы единой системы объяснительных понятий. Подробно эта система будет представлена в следующей главе.

2.4. Пути и механизмы порождения смыслов

Вернемся теперь к онтологическому плану анализа, в частности к вопросу о механизмах порождения смыслов. В разделе 2.2 мы представили в самых общих чертах онтологическую картину жизненных отношений и строящихся на них смысловых связей, на основе которых происходит приобретение все новыми объектами и явлениями действительности жизненного смысла для субъекта. Эти представления о смыслообразовании, детализируемые и уточняемые в последующих главах, описывают динамику саморазвития смысла в форме переходов от одного носителя к другому. Этот процесс подразумевает заданность смыслообразующих источников; в нем, строго говоря, не возникают новые смыслы, а уже существующий смысл переходит в новую форму существования или на новый носитель. Источником изменений выступает при этом некоторая априорно существовавшая высшая смысловая инстанция, высший смысл.

Но откуда берутся эти высшие смыслы, по отношению к которым уже нельзя обнаружить смыслообразующие связи, ведущие еще дальше? На уровне самых общих смысловых ориентаций (к нему мы относим такие психологические образования, как потребности, личностные ценности, мировоззрение, смысл жизни и самоотношение) смыслообразование невозможно, ибо смысловые структуры этого уровня не наполняются смыслом из какой-то еще более высокой смыслообразующей инстанции – такой инстанции нет. Процессы смыслообразования на этом уровне берут свое начало, они определяются общими смысловыми ориентациями с содержательной стороны, но не определяют их. Развернутая в разделе 2.2 модель жизненных отношений и смысловых связей позволяет объяснить формирование смысловой регуляции жизнедеятельности *после того*, как в жизненном мире субъекта выделились смысловые узлы, точки дальнейшей кристаллизации смыслов, то есть после того, как некоторые точки жизненного мира оказались выделены, получили особый для субъекта статус.

На какой основе происходит это выделение? В разделе 2.2 мы ограничились указанием на потенциальную возможность взаимодействия между субъектом и объектом или явлением, определяемую соответствием их объективных свойств и характеристик. Это указание, однако, не объясняет того, почему именно те, а не иные точки приобретают особую значимость. Здесь уместно вспомнить метафорическое понимание В.В.Налимовым (1989 *а, б*) личности как фильтра, который, накладываясь на бесконечный континуум смыслов, образующий мир, проявляет лишь некоторые из них. Чем же определяются качественные особенности этого фильтра? В одной из работ (Леонтьев Д.А., 1992 *а*) мы попытались сформулировать критерии необходимости потребностей – сохранение и развитие субъекта и социального целого, к которому он принадлежит. Однако, по меньшей мере для человека, эти критерии могут объяснить порождение лишь какой-то части, но отнюдь не всех ключевых для его жизнедеятельности смыслов.

Наиболее глубокий анализ этой проблемы мы находим в работе А.М.Лобка: «Представим себе живое существо, у которого есть интерес ко всему на свете и у которого всякий без исключения предмет вызывает равновеликий интерес. Иначе говоря, представим, что у этого живого существа есть только мотивированность к окружающему его предметному миру, но при том нет никаких механизмов отбора, нет никаких механизмов внутренней редактур. Такого рода живое существо не сможет сделать ни шагу, как знаменитый буриданов осел. Или будет с тупым упорством умалишенного последовательно и внимательно изучать каждый предмет, который будет попадаться ему на пути: на что ни упадет в очередную секунду его взгляд, то и будет предметом его очередного аффектированного или вялотекущего интереса» (Лобок, 1997, с. 53).

Для реального животного, как указывает А.М.Лобок, проблема решается просто: абсолютной точкой отсчета всей его жизнедеятельности выступает генетическая видовая про-

грамма, а все, что выходит за ее пределы, является ничего не значащим фоном. «Набрасывая на мир сетку своей, биологической размерности, животное вычленивает из мира некий свой, видовой фрагмент и подчеркнуто игнорирует все остальное... Для двух представителей одного и того же вида мир упорядочен принципиально одинаково» (*там же*, с. 41–42). «Нормальное животное – это то, которому интересна лишь та часть окружающего его мира, которая имеет непосредственное отношение к осуществлению его видовых биологических потребностей. Животное, которое рискнуло бы выйти за границы такого рода интереса, просто невозможно» (*там же*, с. 54–55).

Именно таким «невозможным животным» является, по мнению А.М.Лобка, человек, у которого «мы сталкиваемся с феноменом индивидуально-неодинаковой упорядоченности мира» (*там же*, с. 43). Характерным для человека является то, что его потребности, привычки и интересы носят принципиально надвидовой, личностный, то есть неповторимый и невозпроизводимый, характер и не могут быть объяснены какой-либо универсальной матрицей. Как же возможно объяснить организацию человека своих отношений с миром «по индивидуальному проекту»? А.М.Лобок вводит в качестве объяснительного понятия категорию мифа – мифа культурного и мифа индивидуального. «Миф как принципиально иллюзорная, сочиняемая самой человеческой культурой точка отсчета, позволяющая человеку выбрать там, где привычные для животного средства выбора не помогают... Именно миф оказывается тем высшим регулятором, который упорядочивает отношение человека к все-предметному миру и позволяет человеку не сойти с ума перед лицом открывающихся ему бесконечных предметных возможностей... Именно миф расставляет перед человеком систему своеобразных “указателей”: что должно являться более ценным, а что – менее, что должно являться более значимым, а что – второстепенно и третьестепенно по своей значимости. Именно миф – иллюзорная и нелепая конструкция с точки зрения внешнего наблюдателя – создает систему тех базовых ориентиров, которые позволяют представителю той или иной культурной общности твердо знать, каким факторам окружающего предметного мира следует отдавать предпочтение» (*там же*, с. 56–57).

Другими словами, *выделение в жизненном мире субъекта ведущих смысловых ориентиров, которые становятся в дальнейшем смыслообразующими основаниями его жизнедеятельности, осуществляется на основании индивидуально-неповторимых актов смыслопорождения*, лишь небольшая часть которых может быть описана в понятиях объективной или витальной необходимости. Еще раз подчеркнем, что психологической основой формирования и изменения общих смысловых ориентаций личности являются не процессы смыслообразования – порождения смысла от какого-то более общего смысла, – а порождение смысла в непосредственном взаимодействии с миром. Смыслообразование и смыслопорождение можно метафорически сопоставить соответственно с зажиганием огня от другого огня (факела от костра) и с высечением искры из кремня. В первом случае уже существующий огонь (смысл) просто переносится на новый носитель, во втором – он возникает по естественным закономерностям из источника, который сам не имеет огненной (смысловой) природы.

Теоретический анализ позволяет говорить о следующих психологических механизмах порождения смысла: *замыкание жизненных отношений, индукция смысла, идентификация, инсайт, столкновение смыслов, полагание смысла*. Этот перечень является, насколько нам известно, первой попыткой систематизации механизмов смыслопорождения. Он представляет собой эмпирическое обобщение и, следовательно, не является закрытым.

1. *Замыкание жизненных отношений*. Сутью замыкания (как мы его будем далее называть для краткости) является встреча субъекта с объектом или явлением, результатом которой становится неожиданное спонтанное обретение этим объектом весомого жизненного смысла, то есть важного места в жизни субъекта. Этот механизм отчасти схож с такими механиз-

мами, как импринтинг (см., например: *Виллонас*, 1990), опредмечивание потребности (*Леонтьев А.Н.*, 1971), фиксация установки (*Узнадзе*, 1966). Отличие заключается в том, что во всех этих трех случаях потребность в объекте полагается уже имеющейся к моменту встречи; она лишь находит свой предмет, который приобретает смысл в свете ее, то есть здесь речь идет о смыслообразовании. В случае же замыкания нет основания предполагать наличие априорной потребности, более того, в ряде случаев такое замыкание приводит к фрустрации имевшихся потребностей.

Одним примером является любовь с первого взгляда, которая не всегда бывает опредмечиванием имевшейся романтической потребности («душа ждала кого-нибудь»), но порой, напротив, вступает в конфликт с имевшимися потребностями и оказывает разрушительное воздействие на сложившуюся структуру жизни зрелого человека, не дав ничего взамен. Другой пример – формирование наркотических и квазинаркотических зависимостей (собственно наркотики, алкоголизм, курение, азартные игры, компьютерные игры и другие зависимости). Третий пример – увлечение рискованными видами спорта (альпинизм, виндсерфинг, авто- и мотогонки и т. п.), которое невыводимо из структуры иных потребностей (см. об этом: *Rheinberg*, 1987; *Csikszentmihalyi*, 1990); смысл этой деятельности самодостаточен и порожден переживанием уникальных ощущений, с которыми человек сталкивается в этой деятельности («Весь мир на ладони, ты счастлив и нем, / И только немного завидуешь тем, / Другим, у которых вершина еще впереди» – В.Высоцкий). Вспомним, наконец, такую замечательную литературную иллюстрацию, как новелла О.Генри «Фараон и хорал» (1955). Бродяга промозглой осенью пытается, как обычно, попасть в тюрьму, где тепло и кормят. После нескольких неудачных попыток, проходя мимо церкви, он слышит доносящуюся оттуда органную музыку, которая переворачивает его душу, и он решает бросить бродяжничать, пойти работать и вообще начать жизнь сначала. В этот момент его арестовывают и сажают в тюрьму за бродяжничество. Примеры замыкания жизненных отношений можно было бы множить, но и приведенных уже достаточно для того, чтобы увидеть: в результате такого замыкания рождается качественно новый жизненный смысл, невыводимый из имевшихся ранее у субъекта смыслов, потребностей и ценностей.

2. *Индукция смысла* представляет собой придание смысла (смысловую рационализацию) деятельности, изначально лишенной смысла, которую человеку приходится выполнять под теми или иными внешними принуждениями. Механизм индукции выражен формулой «стерпится – слюбится» и основан на потребности человека придавать смысл всему, что он делает. Так, работа, выполняемая по принуждению, может постепенно затягивать и даже начать нравиться, жена и муж, сосватанные родителями в патриархальной модели брака, познакомившись на своей свадьбе, постепенно строят вторичную смысловую основу фактически уже осуществляющихся по ритуалу семейных отношений. Есть и примеры творческой индукции оригинального смысла бессмысленной деятельности, в частности, следующая легенда из жизни группы декабристов, сосланных на каторгу (Л.Я.Гозман, личное сообщение). Один из надзирателей, ненавидевший декабристов и не упускавший случая поиздеваться над ними, однажды заставил их перетаскивать большую кучу камней с одного места на другое. Когда куча была перенесена, он заставил переносить камни обратно. Затем еще и еще раз. Его целью было бессмысленной работой расшатать дух заключенных, вывести их из себя. Но они смогли придать этой работе смысл, задавшись целью вывести из себя надзирателя прилежным перетаскиванием камней. Легенда гласит, что им это удалось. Экспериментально-психологическим эквивалентом этой ситуации можно считать тот факт (обнаруженный А.Карстен в ее известных экспериментах по пресыщению), что эффект пресыщения не наступал, когда испытуемый ставил свою собственную цель – утомить экспериментатора! (*Зейгарник*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.